

ВЕСТНИК

МГИМО-УНИВЕРСИТЕТА

MGIMO

Review of International
Relations

• 17(2) • 2024

Журнал индексируется в следующих
системах и каталогах: Scopus, Web of Science, РИНЦ,
Google scholar, список ВАК, ERIH PLUS, EBSCO.

Вестник МГИМО-Университета

Научный рецензируемый журнал

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Редакционная коллегия:

Торкунов А.В. – академик РАН, ректор МГИМО МИД России. Главный редактор (Россия).

Байков А.А. – кандидат политических наук, доцент, проректор по научной работе МГИМО МИД России. Заместитель главного редактора (Россия).

Харкевич М.В. – кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России, директор по научным коммуникациям МГИМО МИД России. Шеф-редактор (Россия).

Артизов А.Н. – доктор исторических наук, руководитель Федерального архивного агентства Российской Федерации (Россия).

Бусыгина И.М. – доктор политических наук, независимый исследователь (Россия).

Вайц Р. – старший научный сотрудник и директор Центра военно-политического анализа в Институте Хадсона (США)

Войтоловский Ф.Г. – член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор РАН, директор ИМЭМО РАН (Россия).

Волджи Т. – профессор политических наук Университета Аризоны (США).

Гаман-Голутвина О.В. – член корреспондент РАН, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России (Россия).

Грум Дж. – профессор международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Давид Д. – исполнительный вице-президент Французского института международных отношений (Франция).

Казанцев А.А. – доктор политических наук, независимый исследователь (Россия).

Кокошин А.А. – академик РАН, заведующий кафедрой международной безопасности МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия).

Колосов В.А. – доктор географических наук, заведующий лабораторией геополитических исследований, Институт географии РАН (Россия).

Коробков А.В. – профессор политологии Университета штата Теннесси (США).

Лавров С.В. – министр иностранных дел Российской Федерации (Россия).

Лебедева М.М. – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России (Россия).

Липкин М.А. – доктор исторических наук, профессор РАН, директор Института всеобщей истории РАН (Россия).

Мальгин А.В. – кандидат политических наук, проректор по развитию МГИМО МИД России (Россия).

Михнева Р. – доктор исторических наук, исполнительный директор Национальной ассоциации Болгарское наследие (Болгария).

Печатнов В.О. – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД России (Россия).

Рогов С.М. – академик РАН, научный руководитель Института США и Канады РАН (Россия).

Рутланд П. – профессор Уэслевского университета (США).

Саква Р. – декан Школы политики и международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Сергунин А.А. – доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета

Столбов М.И. – доктор экономических наук, заведующий кафедрой прикладной экономики МГИМО МИД России (Россия).

Терзич С. – главный научный сотрудник Института истории Сербской академии наук и искусств (Сербия).

Уолфорт У. – профессор им. Дэниэла Вебстера Факультета управления Дартмутского колледжа (США).

MGIMO Review of International Relations

Scientific Peer-Reviewed Journal

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Editorial Board:

Torkunov A.V. – Rector of MGIMO University, Academician of the Russian Academy of Sciences. Editor-in-Chief (Russia).

Baykov A.A. – Vice-Rector for Science and Research of MGIMO University, PhD in Political Science, Associate Professor. Deputy Editor-in-Chief (Russia).

Kharkevich M.V. – PhD in Political Sciences, Associate professor, World Politics Department, MGIMO University. Editor-in-Charge. (Russia).

Artizov A.N. – Director of the Federal Archive Agency, Doctor of Historical Sciences (Russia).

Busygina I. – Doctor of Political Science, independent researcher (Russia).

David D. – Executive Vice-President of French Institute of International Relations, IFRI (France).

Gaman-Golutvina O.V. – Corresponding member of RAS, President of Russian Political Science Association, Head of Comparative Politics Department, MGIMO University (Russia).

Groom J. – Professor Emeritus of International Relations, University of Kent (UK).

Kazantsev A.A. – Doctor of Political Sciences, independent researcher.

Kokoshin A.A. – Head of International Security Department, Lomonosov Moscow State University Academician of the RAS (Russia).

Kolosov V.A. – Doctor of Geography, Head of the Laboratory of Geopolitical Studies, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Korobkov A.V. – Professor of Political Science and International Relations' at Middle Tennessee State University (USA).

Lavrov S.V. – Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russia).

Lebedeva M.M. – PhD in Psychology, Doctor of Political Sciences, Professor, the Head of the World Politics Department, MGIMO University (Russia).

Lipkin M. – Doctor of Sciences (History). Director of the Institute of World History of the RAS, professor of the RAS (Russia).

Malghin A.V. – PhD in Political Sciences, Vice-Rector for Strategic Development MGIMO University (Russia).

Mihneva R. – Executive Director of Bulgarian Heritage National Association, Doctor of Historical Sciences (Bulgaria).

Pechatnov V.O. – Doctor of Sciences (History), Professor at the Department of History of European and American countries, MGIMO University (Russia).

Rogov S.M. – Scientific Advisor of the Institute for US and Canadian Studies of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Rutland P. – Professor of Government at Wesleyan University (USA).

Sakwa R. – Dean of the School of Politics and International Relations of the University of Kent (UK).

Sergunin A.A. – Doctor of Sciences (Politics), Professor of theory and history of international relations, Saint Petersburg University

Stolbov M.I. – Doctor of Sciences (Economics), Head of Applied Economics Department, MGIMO University (Russia).

Terzic' S. – Chief Research Fellow of the Serbian Academy of Sciences and Arts (Serbia).

Voitolovsky F. – Doctor of Sciences (Politics), Director of the Institute of World Economy and International Relations of the RAS, Corresponding Member of the RAS (Russia).

Volgy Th. – Professor of Political Sciences at the University of Arizona (USA).

Weitz R. – Senior Fellow and Director of the Center for Political-Military Analysis at Hudson Institute (USA).

Wohlforth W.C. – Daniel Webster Professor of Government, Dartmouth College (USA).

© МГИМО МИД России.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-29004 от 3 августа 2007 г. Перерегистрировано ПИ № ФС77-69112 от 14 марта 2017 г.

Адрес редакции: 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76, комн. 14.
Тел./факс: 8 (495) 234-84-41;

веб-сайт: www.vestnik.mgimo.ru

e-mail: vestnik@inno.mgimo.ru

ISSN-Print 2071 – 8160. Выходит 6 раз в год.

ISSN-Online 2541-9099.

Дизайн – Волков Д.Е., редакторы – Меден Н.К., Захарова Е.А., Гошина А.В.,
Кузнецов Д.А., Уруева М.С., Учаев Е.И., корректор – Кубышкина Е.В.,
вёрстка – Волков Д.Е.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО
МИД России.

119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

Тираж 2000 экз. Объём 14,65 усл. п.л. Заказ № 540.

© Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Founder: Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media.

Certificate of registry ПИ № ФС77-29004, 3 August 2007. Reregistered ПИ № ФС77-69112 14 March 2017.

The Publisher Address : 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76, room. 14.
Phone/fax: +7 495 433 2774.

URL: www.vestnik.mgimo.ru;

e-mail: vestnik@inno.mgimo.ru

ISSN-Print 2071 – 8160.

ISSN-Online 2541-9099.

Published by MGIMO University Press. Number of printed copies: 2000.

Содержание • 17(2) • 2024

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

Россия в глобальной экономике

- 7 Сечин И.И. – Судостроительный комплекс «Звезда»: глобальный контекст и народнохозяйственные результаты проекта
- 31 Жильченко А.А., Пасько М.Н. – Стратегия военно-технического сотрудничества России со странами Арабского региона

Советская внешняя политика

- 54 Лунёв С.И. – Советско-индийские отношения на начальном этапе их эволюции
- 73 Худолей К.К. – От разногласий к разрыву: советско-албанский конфликт 1960–1961 гг.

Интеграционное измерение мировой политики

- 104 Бахлова О.В., Бахлов И.В. – Патриотизм как тема политического дискурса в Союзном государстве Беларуси и России

- 129 Золотухин В.В. – Развитие ЕАСТ в контексте дифференцированной интеграции в Европе

КНИЖНЫЕ РЕЦЕНЗИИ

- 150 Аватков В.А. – «Балканское чаепитие» великих держав
- 160 Шебалина Е.О. – Разворот Востока на Восток?

Table of Contents • 17(2) • 2024

RESEARCH ARTICLES

Russia in Global Economy

- 7 Sechin I.I. – Zvezda Shipyard Project: Global Implications and Its Influence on the Russian Economy
- 31 Zhilchenko A.A., Pasko M.N. – Strategy of Russian Military Cooperation with the Countries of the Arab Region

Soviet Foreign Policy

- 54 Lunev S.I. – Embarking on Friendship: Exploring Early Soviet-Indian Relations
- 73 Khudoley K.K. – From disagreement to rupture: the Soviet-Albanian conflict of 1960-1961

Regional Integration in World Politics

- 104 Bakhlova O.V., Bakhlov I.V. – Patriotism in the Political Discourse of the Union State of Belarus and Russia

- 129 Zolotukhin V.V. – Evolution of EFTA in Differentiated Integration within Europe

BOOK REVIEWS

- 150 Avatkov V.A. – The “Balkan Tea Party” of the Great Powers
- 160 Shebalina E.O. – Is East Turning to the East?

Судостроительный комплекс «Звезда»: глобальный контекст и народнохозяйственные результаты проекта

И.И. Сечин

ПАО «НК «Роснефть»»

Данная статья развивает и дополняет положения предыдущей работы автора, посвящённой проекту «Восток Ойл» и опубликованной в журнале университета имени Губкина. Предметом настоящей статьи является проект создания и развития судостроительного комплекса «Звезда», без разработки и реализации которого были бы невозможны ни освоение нефтегазоносной провинции «Восток Ойл», ни выход на принципиально иной уровень транспортно-логистических возможностей Северного морского пути (СМП). По большому счету без новых производственных мощностей «Звезды» оказалось бы невозможным освоение российской Арктики и дальнейшее движение экономики России на Восток. В статье показана значимость как самого проекта «ССК «Звезда», так и предшествующих проекту стратегических решений, увязывающих в единое целое развитие Северного морского пути, освоение месторождений проекта «Восток Ойл», создание инвестиционных и технологических предпосылок долгосрочной стратегии России, ориентированной на решение как социально-экономических задач, так и задач в сфере обороны и безопасности. Также в статье приведены количественные оценки мультипликативных эффектов по итогам реализации проекта «ССК «Звезда».

Ключевые слова: Россия, «Роснефть», Арктика, Северный морской путь (СМП), «Восток Ойл», ССК «Звезда», экономика, инфраструктура, нефть, капитальные затраты, мультипликативные эффекты, грузооборот, ледокольный флот, сухой док.

В статье находит дальнейшее развитие идея о наличии в экономике и энергетике России потенциала роста, значимого не только с позиции внутренних возможностей, но и с точки зрения развития мировой экономики и энергетики. Если в предыдущей статье (Сечин 2023) в качестве такой возможности рассматривался масштабный проект в сфере добычи

УДК: 338.45:622,629.12

Поступила в редакцию: 10.03.2024

Принята к публикации: 05.04.2024

углеводородов, известный под названием «Восток Ойл», в данной статье рассматривается не менее масштабный инфраструктурный проект судостроительного комплекса «Звезда», имеющий стратегическое значение для развития судоходства по Северному морскому пути в интересах России. Без новых производственных мощностей «Звезды» оказалось бы невозможным освоение российской Арктики и дальнейшее движение экономики России на Восток.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нём показана значимость как самого проекта «ССК «Звезда», так и предшествующих проекту стратегических решений, увязывающих в единое целое развитие Северного морского пути, освоение месторождений проекта «Восток Ойл», создание инвестиционных и технологических предпосылок долгосрочной стратегии России, ориентированной на решение как социально-экономических задач, так и задач в сфере обороны и безопасности.

Россия позиционируется в статье не только как незаменимая часть мировой экономики, но и как важный драйвер её роста и развития. Традиционный для научной литературы взгляд на Россию как на страну, которая интегрируется в мировую экономику, не позволяет в полной мере оценить незаменимость российской экономики. Более того, беспрецедентный масштаб западных санкций говорит о том, что их инициаторы допускают возможность «отмены» российской части мировой экономики. Если в политологической литературе уже достаточно много публикаций о невозможности такой «отмены» (Цыганков 2023), то для экономической науки идея о спасительной роли России остаётся новой¹.

В качестве основного научного метода в статье используется анализ кейсов. Выбираются российские проекты, имеющие значение для развития не только отечественной, но и мировой экономики. В данном случае, выбран кейс «ССК Звезда» в его связке с проектом «Восток Ойл» и развитием Северного морского пути. В статье проводится комплексный анализ этого комплекса, включающий в себя не только экономическое, но и геополитическое измерение данного проекта.

В первой части статьи рассматривается стратегическая значимость Арктики для России, во второй части – национальное и международное значение Северного морского пути, а также геополитические вызовы, с которыми Россия сталкивается в Арктике. Статья завершается подробным рассмотрением истории развития «ССК Звезда», анализом экономического и геополитического значения данного проекта для России.

Движение России на Восток, как известно, было предсказано ещё М.В. Ломоносовым его знаменитой фразой о том, что могущество России будет приращать Сибирью. Причём в более полном варианте знаменитое изречение звучит

¹ Сечин И.И. Новый мировой энергорынок: крестовый поход против российской нефти и где "Ноев ковчег"? : докл. на XXV Петерб. междунар. эконом. форуме, СПб., 18 июня 2022 г. URL: https://www.rosneft.ru/upload/site1/attach/spief_2022/_PRESENTATION_TO_THE_SPIEF_REPORT.pdf (Дата обращения: 05.04 2024)

сегодня особенно пророчески: «...российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном...». Северный Ледовитый океан и Арктика сегодня действительно становятся основными составляющими этого предсказанного более двух с половиной веков назад приращения могущества России.

Стратегическая значимость Арктики для России и развитие Северного морского пути

Территория России, расположенная на севере Евразии, протянулась на тысячи километров и 11 часовых поясов от границы с Норвегией на западе до Тихого океана на востоке. Нашему государству понадобилось более шести веков, чтобы включить это огромное пространство в свой состав. Российская Арктика и Дальний Восток омываются водами Северного Ледовитого и Тихого океанов, здесь Россия имеет самую протяжённую береговую линию в мире. Наличие богатых запасов разнообразных природных ресурсов делает Арктическую зону и Дальний Восток особенно значимыми для страны, однако суровые климатические условия затрудняют хозяйственное освоение этих обширных территорий (Богданов, Бресткин, Бузев. и др. 2006).

По оценке геологической службы США, в Арктическом регионе сосредоточены не менее 13% мировых запасов нефти, 30% – природного газа, а также залежи золота, алмазов, меди, никеля, угля и других ресурсов, в том числе редкоземельных элементов. Из них не менее половины находятся «на российской территории».

По данным Минприроды Российской Федерации, в настоящее время запасы углеводородов в Арктике составляют 7,3 млрд тонн нефти и 55 трлн куб. м газа (Орлова, Захаров 2022)². Один из наиболее ресурсообеспеченных районов Арктики – Западно-Сибирский нефтегазодобывающий район, на сегодняшний день являющийся главным производителем природного газа в мире и важной нефтедобывающей базой. Уренгойское месторождение считается вторым крупнейшим в мире газовым месторождением на суше, а его доля в совокупных мировых запасах природного газа составляет около 4,9%³. Среди крупнейших нефтегазовых месторождений в Арктике рассматривают также районы Восточно-Баренцевский, Южно-Карский, Лаптевский, Восточно-Сибирский и Чукотский. Именно на западе арктического шельфа сосредоточен основной запас ресурсов – 94% от общего объёма⁴.

² Проект-Арктика / ЦДУ ТЭК.11.08.2022. URL: https://www.cdu.ru/tek_russia/issue/2022/6/1031/. (Дата обращения: 21.12.2023).

³ Мировые запасы и ресурсы / ЦДУ ТЭК. 13.05.2022. URL: https://www.cdu.ru/tek_russia/issue/2022/3/1002/#:~:text=Доказанные%20запасы%20газа,%2C%20составили%2020 (Дата обращения: 21.12.2023); ПАО «Газпром», «Уренгойское месторождение». URL: <https://www.gazprom.ru/projects/urengoyskoye/> (Дата обращения: 05.04 2024)

⁴ Нефтегазовый клондайк Арктики / ЦДУ ТЭК. 14.02. 2019. URL: https://www.cdu.ru/tek_russia/issue/2018/12/545. (Дата обращения: 05.04 2024)

Освоение Россией арктического пространства существенно усилит её позицию на мировых рынках как ключевого поставщика сырьевых и энергетических ресурсов, а также обеспечит ими российскую экономику на перспективу не менее 100–150 лет.

Добраться до северных и восточных территорий России можно как из глубины материка, так и с моря. Водный транспорт всегда являлся самым дешёвым видом грузового сообщения, поэтому русские первопроходцы, наряду с сухопутными маршрутами, издавна пытались проложить Северный морской путь (СМП).

Морское сообщение в российской Арктике привлекательно, потому что СМП – это кратчайший водный путь из европейской части России на её Дальний Восток, и из Европы в Юго-Восточную Азию, в том числе в Китай.

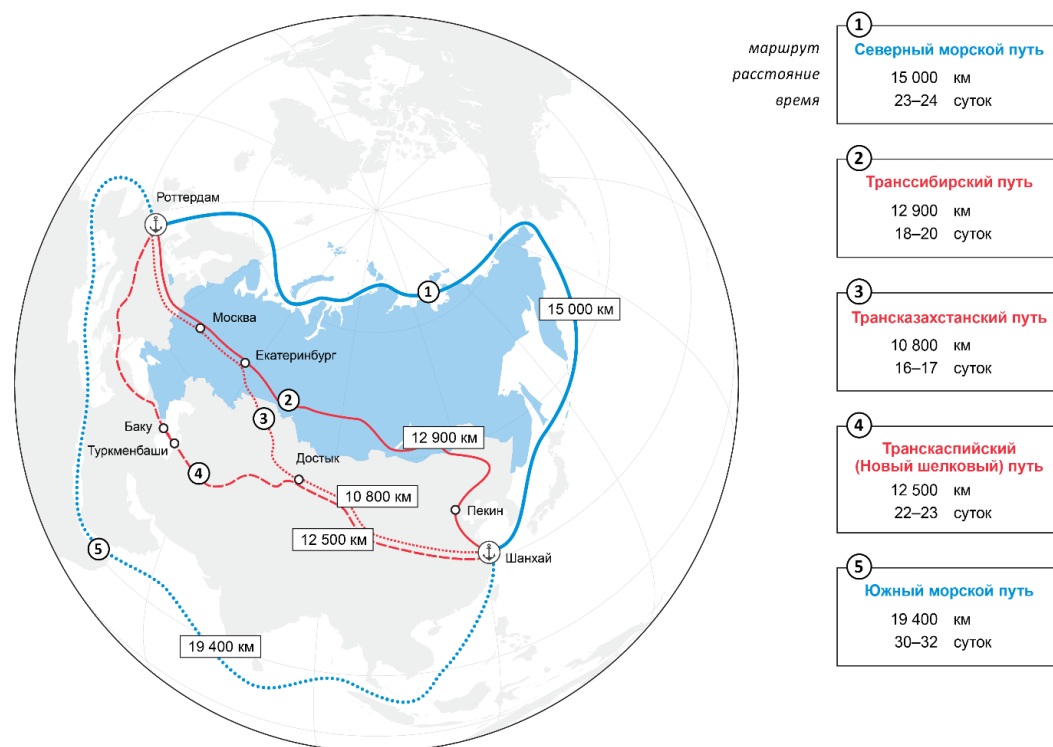

Рисунок 1. СМП и альтернативные трансевразийские маршруты

Figure 1. Northern Sea Route and alternative trans-Eurasian routes

Источник: ПАО «НК «Роснефть»

Расстояние от порта Мурманск до Владивостока (а также портов Японии) по СМП составляет около 11 000 км (5,8 тыс. миль), в то время как протяжённость южного маршрута через Суэцкий канал почти в два раза больше – около 23 000 км (12,5 тыс. миль), а длительность морского перехода занимает около

23 и 40 дней соответственно (Bulis, Skarpars 2014). Для перевозок грузов между Роттердамом и Шанхаем соотношение расстояний и сроков транспортировки оказывается также в пользу Северного морского пути (15 000 км и 23 дня пути) по сравнению с маршрутом через Суэцкий канал (19 400 км и 32 дня пути). Транспортировка по СМП обходится дешевле, чем по южному маршруту (Зефиров, Тимошилова 2023). Поэтому обеспечение бесперебойного круглогодичного функционирования СМП является значимым не только для России, но и для мирового грузопотока (Орлова, Захаров 2022; Приставка, Ганич, Рогалева, Макаров 2020). По имеющимся оценкам, доля России в мировых морских перевозках за счет транзитных перспектив СМП, может быть увеличена почти в два раза.

Использование СМП способно значительно улучшить транспортную доступность многих внутренних российских районов и таким образом повысить общую транспортную связанность России. Многие большие реки России текут в меридиональном направлении. Задействовав речной транспорт в обоих направлениях, можно разгрузить Восточный железнодорожный полигон – Транссиб и БАМ, отсрочить необходимость прокладки дорог и строительства мостов в широтном направлении. В связи с глобальным геополитическим сдвигом и переориентацией российских внешнеторговых контактов на восток, мощности Транссиба и БАМа уже в 2022 г. стали недостаточными.

Протяжённость самого сложного северного участка пути от Карских Ворот (пролив между о. Новая Земля и о. Вайгач, соединяющий Печорское и Карское моря) до бухты Провидения (полуостров Чукотка), по меркам морских путей, небольшая – около 5,6 тыс. км, однако период летней навигации в Северном Ледовитом океане и на севере Тихого океана является весьма коротким – не более 4 месяцев (с июля по конец октября).

Радикальный прогресс в транспортном освоении Севера произошёл в XX в. с началом постройки и использования ледокольного флота и особенно – атомного флота. В 1959 г. в СССР был принят в эксплуатацию первый в мире атомный ледокол «Ленин». Но только ввод в строй в 1975 г. атомного ледокола «Арктика» доказал возможность круглогодичной навигации по Северному морскому пути.

На фоне экономических проблем, последовавших за распадом Советского Союза, развитие Арктики и арктического флота надолго ушло из фокуса внимания. Однако по мере экономического развития России, в том числе освоения новых месторождений полезных ископаемых на севере, и особенно после введения Западом санкций в 2014 г. необходимость развития СМП стала очевидной.

Учитывая складывающуюся геополитическую ситуацию в мире важно подчеркнуть значимость СМП и активного освоения Арктики не только для целей долгосрочного развития российской экономики, но и для обеспечения безопасности страны.

сжиженного природного газа (СПГ) на полуострове Ямал. В 2017 г. компания «НОВАТЭК» начала производство сжиженного природного газа на предприятии «Ямал-СПГ». Поставки планировались в том числе и в страны Азиатско-Тихоокеанского региона по СМП, а в зимний период отсутствия навигации по СМП предполагалась перевалка в Европе.

В настоящее время СМП является незаменимым для перевозки полезных ископаемых, добываемых в Арктике: нефти, СПГ, угля и руды – для развития северных территорий и осуществления программы «северного завоза», для экспортных и транзитных грузовых перевозок (Бородкин, Грихно 2021).

С учётом этих потребностей и новых возможностей в России были приняты государственные программы развития СМП, а в 2022 г. Правительством Российской Федерации был утверждён комплексный План развития Северного морского пути на период до 2035 г.⁷ План предусматривает развитие как экспортной, так и каботажной грузовой базы СМП, производственной базы, грузового и ледокольного флотов, береговой и материковой транспортной и энергетической инфраструктуры. В целях безопасности судоходства по СМП будет создана арктическая спутниковая группировка и аварийно-спасательная инфраструктура, запланировано развитие гидрографического, гидрометеорологического, медицинского и кадрового обеспечения. Все элементы СМП должны быть охвачены цифровизацией.

В настоящее время сквозная активность СМП составляет 9–10 месяцев в году, запуск круглогодичной навигации на восточном направлении в соответствии с планами «Росатома» ожидается в 2024 г.⁸ Грузооборот по СМП постоянно растёт. В 1998 г. было перевезено 1,4 млн т грузов, в 2018 г. – 19,6 млн т, в 2021 г. грузопоток достиг 34,9 млн т, превысив целевой уровень на 2,9 млн т⁹. По оценкам «Росатома» и Министерства развития Дальнего Востока и Арктики, объем перевозок по СМП в 2022 г. составил 34 млн т, в 2023 г. – 36,2 млн т, а в 2024 г. достигнет 72 млн т¹⁰. Ключевой прирост наполнения грузопотока в 2024 г. должен обеспечить запуск проектов «Восток Ойл» ПАО «НК «Роснефть» и «Арктик СПГ 2» ПАО «НОВАТЭК». Согласно Плану развития СМП грузооборот СМП в 2030 г. должен вырасти до 150 млн т, 2035 г. – до 220 млн т.

⁷ План развития Северного Морского пути до 2035 года». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405010751/>; <http://government.ru/docs/46171/> (Дата обращения: 04.04.2024)

⁸ «Росатом» и «Новатэк» в начале 2024 года запустят круглогодичную навигацию на Севморпути» // Страна «Росатом», 19.05.2023. URL: <https://strana-rosatom.ru/2023/05/19/rosatom-i-novatek-v-nachale-2024-goda-z/#>. (Дата обращения: 04.04.2024)

⁹ Грузооборот Севморпути в 2021 году: рост сверх ожиданий // Инвестиционный портал Арктической зоны России. 16.03.2022 г. URL: <https://arctic-russia.ru/article/gruзоoborot-sevmorputi-v-2021-godu-rost-sverkh-ozhidaniy/> (Дата обращения: 04.04.2024).

¹⁰ Минвостокразвития: объём грузоперевозок по СМП в 2024 году может вырасти до 72 млн тонн // Информационное агентство ТАСС. 07.12.2023. URL: <https://tass.ru/ekonomika/19481089> (Дата обращения: 04.04.2024); Исторический рекорд Севморпути: объём грузоперевозок за 2023 год превысил 36,254 млн тонн // Департамент коммуникаций Госкорпорации «Росатом». 10.01.2024. URL: <https://www.rosatom.ru/journalist/news/istoricheskiy-rekord-sevmorputi-obem-gruzoperevozok-za-2023-god-prevysil-36-254-mln-tonn/>.

По предварительным оценкам, успешная реализация заявленных инвестиционных проектов в российской Арктике обеспечит прирост ВВП до 2035 г. на 30 трлн рублей (Новак 2023).

Обязательным условием роста перевозок по СМП является наличие соответствующего флота – в первую очередь, ледокольного, а также грузового и обеспечивающего (Комков, Селин, Цукерман 2014). Для сопровождения перевозок в акватории СМП в настоящее время работает семь атомных ледоколов, три из которых – «Арктика», «Сибирь» и «Урал» проекта 22220 – являются самыми мощными и современными в мире¹¹. Их дополняют четыре ледокола предыдущего поколения («Ямал», «50 лет Победы», «Таймыр», «Вайгач»), атомный контейнеровоз «Севморпуть». Более 30 судов различного типа, в том числе ледокольные, обслуживают СМП и порты. Однако уже сегодня ясно, что с учётом длительных сроков строительства судов дефицит флота ледового класса может стать ограничителем роста запланированного на 2030 г. объёма грузопотока по СМП¹². План развития СМП предусматривает строительство флота для проекта по освоению нефтяных месторождений «Восток Ойл», для проектов производства сжиженного природного газа «Арктик СПГ», для угольного проекта «Северная звезда», для горнорудного проекта «Горнодобывающая компания Баимская», для обеспечения «северного завоза». Всего для работы на СМП запланирована постройка до 2035 г. 50 судов – ледоколов и различных судов ледового класса. На Балтийском заводе идёт строительство двух атомных ледоколов проекта 22220, а на судостроительном комплексе (ССК) «Звезда» строится совершенно новый головной атомный ледокол проекта 10510 «Лидер».

Помимо флота для функционирования СМП необходима инфраструктура. Дополнительно к существующим объектам федеральной транспортной инфраструктуры продолжается строительство новых объектов. Это порт «Бухта Север», который обеспечит загрузку более 26 млн тонн, терминал «Утренний» – 21,5 млн тонн, терминал «Енисей» – 4,5 млн тонн. Строительство портовой инфраструктуры ведётся с учетом повышенных требований к охране окружающей среды в арктической зоне, в частности обеспеченности приемными сооружениями по переработке сточных вод и нефтесодержащих жидкостей (Багдасарян 2020).

Проект развития СМП соединяет в себе хозяйственные и научно-технические результаты большинства видов деятельности. Свой вклад в СМП вносят добывающие отрасли, далее по производственной цепочке следуют обрабатывающие отрасли, отрасли бизнес-инфраструктуры – банки, финансовые

¹¹ В Росатоме назвали ледоколы проекта 22220 самыми высоколокализованными судами // Информационное агентство ТАСС. 19.10.2023. URL: <https://tass.ru/ekonomika/19065417?ysclid=lnxb722758401380935> (Дата обращения: 04.04.2024).

¹² В Минвостоке допустили снижение плана по поставкам грузов в Арктике // РБК. 07.09.2023. URL: https://www.rbc.ru/business/07/09/2023/64f87a3c9a7947d73b6429c3?from=from_main_6. (Дата обращения: 04.04.2024)

и страховые услуги. Проект использует достижения передовой науки, медицины, образования и культуры, вовлекает в хозяйственную деятельность и поддерживает коренные народы Севера.

СМП является важной транспортной артерией для обеспечения круглогодичного функционирования северных территорий, для выполнения задач «северного завоза».

Для стимулирования перевозок по СМП внутри России в 2022 г. была запущена регулярная каботажная линия между Мурманском и Камчаткой с субсидированным тарифом. Основными грузами здесь являются несырьевые: продукция сельского хозяйства, рыболовства и обрабатывающей промышленности, в том числе машины, оборудование и строительные материалы для реализации инвестиционных проектов в Арктике. Существенную часть грузооборота составляют контейнерные перевозки (Журавель 2023).

СМП является важной транспортной артерией для доставки рыбной продукции как с Дальнего Востока на Запад России (для обеспечения внутреннего рынка), так и в обратном направлении (для экспорта рыбной продукции «на Восток») (Пономаренко 2022).

По СМП можно перевозить контейнеры с различной продукцией из Китая в Россию. Для повышения эффективности грузоперевозки должны носить двусторонний характер, что может обеспечиваться использованием контейнеров для экспортных поставок российской продукции в КНР

7 июля 2023 г. начал работать регулярный сервис контейнерных перевозок через СМП между Россией и Китаем. В первый рейс из Санкт-Петербурга в Шанхай был отправлен китайский контейнеровоз усиленного ледового класса, с грузом продукции деревообрабатывающих предприятий Северо-Запада России¹³.

В 2022 г. Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин дал поручение начать активное строительство Северного широтного хода, который позволит разгрузить БАМ и Транссиб, что принципиально важно с учётом переориентации на восток основных экспортных ресурсов России. С учётом перспектив развития речных перевозок и Северного широтного хода СМП станет частью комплексной транспортной инфраструктуры севера России¹⁴.

В транспортном использовании СМП сходятся воедино интересы большинства стран Азии и Европы. Поскольку СМП можно использовать для контейнерных перевозок, то СМП предоставляет прекрасную возможность международного транзита товаров между Европой и странами Азии – Индии, Китая

¹³ Росатом окажет поддержку новому сервису контейнерных перевозок между Россией и Китаем через СМП / Департамент коммуникаций Госкорпорации «Росатом». 07.07.2023. URL: <https://rosatom.ru/journalist/arkhiv-novostey/rosatom-okazhet-podderzhku-novomu-servisu-konteynerykh-perevozok-mezhdu-rossiei-i-kitaem-cherez-smp> (Дата обращения: 04.04.2024)

¹⁴ Заседание Совета по стратегическому развитию и национальным проектам / Информационный ресурс Президента России. 15.12.2022. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70086> (Дата обращения: 04.04.2024)

и Южной Кореи. Наблюдается растущий интерес к СМП со стороны Индии и государств Юго-Восточной Азии, в частности к созданию трансарктической контейнерной линии и строительству портовых мощностей и перерабатывающих предприятий на Северном морском пути (Пазовский 2001).

Притязания извне и потенциальные угрозы

Россия имеет заинтересованность в освоении Арктики и движении по Северному морскому пути, что вызывает противодействие со стороны США, которые намерены взять СМП под свой контроль, как они это сделали с большинством мировых путей. Аналитический центр RAND Corporation предлагает Минобороны США обеспечить присутствие в регионе военно-морского флота и береговой охраны США на постоянной основе¹⁵. Несмотря на отсутствие ледокольного флота, США располагают значительными возможностями для военного противостояния в Арктике. США имеют более 70 подлодок, сотни кораблей ВМС и Береговой охраны, мощные системы слежения и разведки. Северные страны предоставляют свои порты в распоряжение вооружённых сил США. Береговая охрана США намерена запустить новый класс боевых ледоколов, так называемых арктических сторожевых катеров, предназначенных для стратегического противостояния в ледовых регионах. По данным Главного контрольного управления США, общая приблизительная стоимость программы создания арктических сторожевых катеров увеличилась с \$ 9,8 млрд в 2018 г. до \$ 13,3 млрд в 2021 г.¹⁶

В октябре 2022 г. администрация Дж. Байдена опубликовала новую арктическую стратегию, в которой национальная безопасность была названа главным приоритетом США в регионе, опередив экологию, экономическое развитие и международное сотрудничество, при этом межправительственное сотрудничество с Россией не рассматривается, как возможное¹⁷.

В декабре 2023 г. США в одностороннем порядке расширили границы своего континентального шельфа, тем самым заявив о своих притязаниях на новые территории площадью около 1 млн км², расположенные в Арктике и в Беринговом море вблизи границ России¹⁸.

¹⁵ Report on the Arctic Capabilities of the U.S. Armed Forces / RAND Corporation. 2023. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR1600/RR1638-1/RAND_RR1638-1.pdf (Дата обращения: 04.04.2024)

¹⁶ Mauldin W. To Build Ships That Break Ice, U.S. Must Relearn to Cut Steel // Wall Street Journal. 17.09.2023. URL: <https://www.wsj.com/politics/national-security/to-build-ships-that-break-ice-u-s-must-relearn-to-cut-steel-da8c797f> (Дата обращения: 04.04.2024)

¹⁷ National strategy for the Arctic Region / Исполнительный офис президента США. 10.2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/National-Strategy-for-the-Arctic-Region.pdf>. (Дата обращения: 04.04.2024); Mauldin W., Cullison A. America's Military Trails Russia and China in Race for the Melting Arctic // Wall Street Journal. 30.07.2023. URL: <https://www.wsj.com/politics/national-security/to-build-ships-that-break-ice-u-s-must-relearn-to-cut-steel-da8c797f> (Дата обращения: 04.04.2024)

¹⁸ Bochove D. US Claims Huge Chunk of Seabed Amid Strategic Push for Resources // Bloomberg. 22.12.2023. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-12-22/us-claims-huge-chunk-of-seabed-amid-strategic-push-for-resources> (Дата обращения: 04.04.2024).

После вступления Швеции и Финляндии в НАТО России придётся в одиночку противостоять блоку НАТО в международном Арктическом совете.

Весьма невысокая плотность населения Сибири и Дальнего Востока существенно уменьшается при движении на север. Сообразно плотности населения изменяются также интенсивность экономической деятельности на территориях. В климатических условиях российской Арктики, учитывая размеры территории и малочисленность населения, невозможно ставить и решать задачи значимого повышения плотности населения и интенсификации экономической деятельности без развития инфраструктуры и повышения доступности региона». Дисперсный характер расселения и зачастую вахтовый характер организации труда в таких условиях являются преобладающими и неизбежными. Единственным экономическим средством реального упрочения столь разреженной территории является создание и интенсивное круглогодичное использование мощного инфраструктурного и производственного каркаса, основой которого должен стать Северный морской путь.

В 2022 г. правительство одобрило законопроект, запрещающий заход в северные территориальные воды России любых иностранных военных кораблей. Таким образом, СМП фактически стал внутрироссийским. Для охраны северных границ формируется российская арктическая военная группировка.

Проект «Звезда» как краеугольный камень инфраструктурного каркаса России

Судостроительный комплекс «Звезда» (ССК «Звезда») – российское судостроительное предприятие, находящееся в городе Большой Камень Приморского края.

В настоящее время это главное предприятие судостроительной промышленности на Востоке России и самая современная гражданская верфь в нашей стране. Наличие собственной верфи позволяет России снизить влияние и риски санкционных ограничений на поставку судов, высокотехнологичного бурового оборудования и морской техники со стороны недружественных стран.

Проект «Звезда» имеет стратегическое значение для экономики России и развития всей её производственной инфраструктуры. Продукция ССК «Звезда» делает возможным обеспечение многократного увеличения добычи полезных ископаемых в Арктической зоне России, а также качественного изменения статуса СМП, превращающегося в результате его насыщения соответствующей техникой в глобальный транспортно-логистический хаб, успешное функционирование которого будет способствовать экономическому развитию не только России, но и многих других стран мира.

Якорным заказчиком комплекса стало ПАО «НК «Роснефть», обеспечившее начальный пакет заказов. ПАО «НК «Роснефть» также заключило с АО «ДЦСС» эксклюзивное соглашение о размещении всех заказов на строительство новой

морской техники и судов на его мощностях. Кроме того, заказы получены от компаний «Росморпорт», «Совкомфлот», «Газпром» и «Атомфлот».

Стратегическое значение судовой верфи «Звезда» для развития отечественной экономики многократно возросло после введения западными странами масштабных антироссийских санкций, в частности ограничений на предоставление услуг по транспортировке и страхованию российской нефти, а также запрета на доступ к портам судам, заподозренным в нарушении режима санкций. Целью политики, проводимой недружественными странами, является лишение России возможности осуществлять морскую торговлю и, по сути, вернуть её в XVIII в. Для преодоления данной блокады российские компании вынуждены прибегать к использованию судов, зарегистрированных вне юрисдикции недружественных стран. В основном этот флот составляют устаревшие суда. По данным информационного сервиса VesselsValue, в конце июня 2023 г. средний возраст танкеров, перевозивших российскую нефть, составил 15,1 года¹⁹. В результате использование подобных судов сталкивается с ограничениями, вводимыми из-за проблем с безопасностью перевозок. Одновременно США усиливают давление на третьи страны и судовладельцев с целью ограничить перевозки российской нефти. В подобных условиях наиболее надёжным и оптимальным способом преодоления санкционной блокады является создание собственного танкерного флота. Строительство танкеров на судовой верфи «Звезда» по заказу отечественных нефтяных компаний становится стратегическим решением, способным обеспечить рост объёмов экспортных поставок российской нефти в средне- и долгосрочной перспективе.

Предыстория и ход реализации проекта «ССК «Звезда»

Строительные работы по возведению Дальневосточного завода по ремонту боевых кораблей Тихоокеанского флота «Звезда» были начаты в 1947 г. в Приморском крае на противоположном от Владивостока берегу Уссурийского залива, в бухте Большой Камень. В 1954 г. был сдан в эксплуатацию первый цех завода. Вокруг завода появился рабочий посёлок, который позже вырос в город Большой Камень (1989 г.). Завод специализировался на ремонте, переоборудовании и модернизации атомных подводных ракетноносцев Тихоокеанского флота.

В 2009 г. Председателем Правительства Российской Федерации Владимиром Владимировичем Путиным были сформулированы основные задачи по строительству новых верфей на Дальнем Востоке, в частности по созданию в городе Большой Камень судостроительного комплекса «Звезда».

¹⁹ Longley A., Cheong S. Russia's Rusty Oil Tanker Fleet Sets Sail with Newer Ships // Bloomberg. 01.07.2023. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-07-01/russia-s-scrapheap-worthy-fleet-of-oil-tankers-gets-an-infusion-of-newer-ships> (Дата обращения: 04.04.2024).

Новая верфь, получившая название «Звезда DSME», была заложена в 2009 г. как совместное предприятие ОСК, которой принадлежало 80 % верфи и Daewoo Shipbuilding & Marine Engineering, доля которой составляла 20 %. Предприятие должно было обеспечивать российские энергетические компании судами и морской техникой, необходимыми для реализации проектов по добыче углеводородов на континентальном шельфе. В производственные планы верфи входило строительство высокотехнологичных крупнотоннажных судов, в том числе танкеров ледового класса, элементов морских и наземных нефтегазовых сооружений, а также судов обслуживающего флота.

В 2013 г. по итогам совещания «О перспективах развития отечественного гражданского судостроения» Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин поручил создать на базе Дальневосточного центра судостроения и судоремонта судостроительный и промышленный кластер по строительству судов и морской техники для освоения шельфовых, в том числе арктических месторождений.

В 2013–2014 гг. иностранные участники вышли из совместного проекта. По поручению Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина консорциум инвесторов во главе с ПАО «НК «Роснефть» принял управление строительством.

Инвестиционная фаза проекта реализуется в две очереди строительства, каждая из которых подразумевает постепенное расширение продуктового ряда производимой продукции. Завершение поэтапного ввода в эксплуатацию всего комплекса производств верфи ожидается в конце 2025 г. с выходом на полную проектную мощность к 2029 г. Эксплуатационная фаза проекта началась с первой резки металла по пилотным заказам в блоке корпусных производств в декабре 2016 г.

На сегодняшний день построены основные объекты первой очереди: цех первичной обработки стали и металлопроката, трубообрабатывающий цех, блок корпусных производств, окрасочные камеры, открытый достроечный стапель, цех сборки блоков, набережные и глубоководный пирс, центр обработки данных и электрическая подстанция мощностью 63 МВт.

С 2021 г. функционирует основной объект второй очереди строительства – уникальный сухой док, самый большой в России и один из крупнейших в мире по совокупным параметрам. Его размеры: 485 метров – в длину, 114 метров – в ширину, и 14 метров – в глубину. На площадке сухого дока смонтирован кран-гигант «Голиаф» грузоподъемностью 1200 тонн²⁰. Технические параметры сухого дока позволяют осуществлять строительство большинства типов существующих и перспективных судов практически без ограничения тоннажа

²⁰ На судовой верфи «Звезда» смонтирован второй кран «Голиаф» / ЦСК «Звезда». URL: <https://www.sskzvezda.ru/index.php/about/8-news/298-na-sudoverfi-zvezda-smontirovan-vtoroj-kran-goliaf> (Дата обращения: 04.04.2024).

и спускового веса корпусов. С вводом в эксплуатацию всех объектов второй очереди мощность верфи возрастёт до 330 тысяч тонн металла в год. Это почти половина объёма всего металлопроката, идущего на производство судов в России.

В декабре 2022 – январе 2023 г. завершено строительство дополнительных объектов:

- плавучий док грузоподъёмностью 100 000 тонн для проведения работ по достройке и ремонту крупнотоннажных судов, а также специализированных судов большого водоизмещения, таких как атомный ледокол «Лидер», строительство которого ведётся на ССК «Звезда»;

- плавучий кран грузоподъёмностью 3500 тонн для осуществления работ по передаче крупных блоков со стапеля в сухой док.

По сути, мы стали очевидцами создания новой отрасли российской промышленности – тяжёлого гражданского судостроения. На верфи собран комплекс компетенций, необходимых для строительства самых сложных крупнотоннажных судов гражданского назначения. Налажен трансфер передовых технологий из стран Азиатско-Тихоокеанского региона с последующей локализацией производства. Создана высокотехнологичная инфраструктура, позволяющая максимально автоматизировать производственные процессы и управление.

Производственная программа ССК «Звезда»

Производственная программа судостроительного комплекса «Звезда» прежде всего предполагает создание высокотехнологичных судов и сооружений для освоения месторождений углеводородов на континентальном шельфе замерзающих морей Арктики и Дальнего Востока, судов для транспортного обеспечения Арктического региона. Основными потребителями ее продукции являются нефтегазовые компании, осуществляющие добычу, переработку и транспортировку нефти и природного газа.

ССК «Звезда» обладает возможностями по строительству судов водоизмещением до 350 тыс. тонн, судов ледового класса, морских платформ и других видов морской техники. Комплекс является одной из самых современных судовой верфей в мире и способен выпускать суда и технику, ранее не производившуюся отечественной промышленностью из-за отсутствия необходимых компетенций и технических возможностей. В частности, ССК «Звезда» является единственным предприятием в России, которое может строить крупнотоннажные челноки и суда-газовозы.

Для поддержания круглогодичной навигации по Северному морскому пути на «Звезде» будут построены ледоколы и современные суда ледового класса, способные самостоятельно пробивать себе дорогу во льдах, в том числе три сверхмощных ледокола проекта 10510 «Лидер» массой до 170 тыс. тонн со скоростью прокладки 50-метрового коридора в 15 узлов во льдах толщиной 2 метра. Финансирование строительства предусмотрено из федерального бюджета.

В 2020 г. состоялась церемония первой резки металла для головного судна проекта – атомохода «Россия». Резка первых деталей корпуса началась в блоке корпусных производств. Судостроительный комплекс «Звезда» выбран единственным исполнителем контракта согласно решению Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина. Завершение строительства головного ледокола планируется в 2027 г.

Производственная программа ССК «Звезда» предусматривает строительство до 178 судов и единиц морской техники различных типов до 2035 г. Портфель заказов судостроительного комплекса «Звезда» уже насчитывает около 60 судов гражданского назначения. В настоящее время в активной стадии строительства находится более 20 судов²¹. Общий дедейт заказов – более 3 миллионов тонн.

Якорным заказчиком судоверфи является ведущая российская нефтяная компания «Роснефть». Она ещё в 2015 г. разместила первый заказ на изготовление двух судов снабжения ледового класса, а в 2016 г. заказ был увеличен ещё на два судна.

В общей сложности ПАО «НК «Роснефть» разместило на ССК «Звезда» заказы на 28 судов, в том числе на 12 танкеров класса «Афрамекс» (из которых 10 будут эксплуатироваться АО «Роснефтефлот» и 2 ПАО «Совкомфлот»), 10 танкеров-челноков ледового класса ARC7 дедейтом 120 тыс. т, арктический танкер-челнок ледового класса ARC6 дедейтом 69 тыс. т, буровое судно и 4 многофункциональных судна снабжения усиленного ледового класса²². Пять танкеров «Афрамекс» из заказанных – «Владимир Мономах», «Владимир Виноградов», «Академик Губкин», «Океанский проспект» и «Восточный проспект» – уже находятся в эксплуатации.

В пакет заказов со стороны ПАО «Газпром» входят судно для перевозки буровых бригад, многофункциональное судно обслуживания морского добычного комплекса и три судна снабжения.

ПАО «Совкомфлот» в интересах ПАО «НОВАТЭК» заказаны 3 среднетоннажных танкера класса MR и 15 танкеров – газовозов СПГ ледового класса ARC7. Также ССК «Звезда» строит крупнейший атомный ледокол «Россия» мощность 120 Мвт для ГК «Росатом».

ССК «Звезда» является единственной в России верфью, способной строить суда-газовозы. В настоящее время реализуется строительство судов данного типа для проекта «Арктик СПГ-2».

²¹ Дни судоверфи «Звезда» прошли в павильоне «Роснефти» на форуме «Россия» / ССК «Звезда». 17.12.2023. URL: <https://www.sskzvezda.ru/index.php/news/8-news/1083-dni-sudoverfi-zvezda-proshli-v-pavilone-rosnefti-na-forume-rossiya> (Дата обращения: 04.04.2024).

²² На сухой док ССК «Звезда» доставлен технологический затвор / ПАО «НК «Роснефть». 01.09.2020. URL: <https://www.rosneft.ru/press/news/item/202583> (Дата обращения: 04.04.2024).

Прорабатывается вопрос размещения на верфи дополнительных заказов на проектирование и строительство судов, а также плавучих баз комплексного обеспечения шельфовых проектов и морских буровых установок для геолого-разведочных работ.

Оценка народнохозяйственных последствий реализации проекта с учётом мультипликативных эффектов

Вокруг судовой верфи «Звезда» возникает целый промышленный кластер, в рамках которого будут создаваться двигатели, гребные винты, винто-рулевые колонки. «Звезда» не только станет мощным фактором роста для всего Дальневосточного региона, но и выступит в качестве драйвера модернизации целых отраслей экономики России.

В городе создана территория опережающего социально-экономического развития «Большой Камень», резиденты которой получают существенные налоговые льготы и преференции, в том числе нулевые ставки по налогам на прибыль, на имущество, на землю в течение первые пять лет деятельности, обнуление ввозных и вывозных пошлин в рамках режима свободной таможенной зоны²³.

Для локализации производства систем судового оборудования в непосредственной близости от ССК «Звезда» построен «Завод ВРК Сапфир». Завод готовит к выпуску винто-рулевые колонки (ВРК) повышенной мощности (7,5–15 МВт) для монтажа на суда снабжения ледового класса, танкеры-челноки и суда-газовозы. ВРК является основным элементом систем электродвижения судов²⁴.

В 2021 г. в бухте Суходол на территории опережающего развития «Большой Камень» началось строительство крупного металлургического предприятия – Приморского металлургического завода (ПМЗ), производственные мощности которого составят 1,5 млн тонн металлопродукции в год. В рамках предполагается запуск сталеπροкатного и трубопрокатного производства в объёме до 220 тыс. тонн. Предприятие будет выпускать в том числе и широкоформатные стальные листы, что позволит сократить трудоемкость строительства судов на ССК «Звезда». Численность создаваемых в рамках проекта новых рабочих мест составит около 1,5 тыс. человек. Предприятие планируется ввести в эксплуатацию в 2025 г.²⁵.

²³ Территории опережающего развития / Восточный экономический форум. URL: <https://forumvostok.ru/about/asez/> (Дата обращения: 04.04.2024); Территории опережающего развития / Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики. URL: <https://erdc.ru/about-tor> (Дата обращения: 04.04.2024).

²⁴ Завершены строительно-монтажные работы на заводе винто-рулевых колонок «Сапфир» / ССК «Звезда». 28.01.2019. URL: <https://www.sskzvezda.ru/index.php/gd/8-news/229-zaversheny-stroitelno-montazhnye-raboty-na-zavode-vinto-rulevykh-kolonok-sapfir>. (Дата обращения: 04.04.2024).

²⁵ Началось строительство Приморского металлургического завода / Бизнес России – главный промышленный портал страны. 21.12.2021. URL: <https://glavportal.com/materials/nachalos-stroitelstvo-primorskogo-metallurgicheskogo-zavoda> (Дата обращения: 04.04.2024).

Развитие ССК «Звезда», его технологические нужды и ресурсные потребности сформировали и активировали производственные связи между сотнями российских предприятий десятков отраслей экономики.

Для оценки народнохозяйственных последствий реализации проекта создания ССК «Звезда» так же, как и в случае с проектом «Восток Ойл» (Сечин 2023) был использован межотраслевой подход (Широв, Янтовский 2011).

Оценка полных эффектов от капитальных и эксплуатационных затрат проводилась с использованием методики, основанной на таблицах «затраты – выпуск», публикуемых Росстатом, данных из открытых источников и сценарных гипотез в отношении объёмов и структуры капитальных и эксплуатационных затрат в проекте, доли отечественной продукции в этих затратах, ожидаемой выручки, налогов, фонда оплаты труда и страховых взносов, амортизации, прибыли, занятости на фазе строительства и эксплуатации (Ксенофонов и др. 2018).

В расчётах использовались следующие параметры проекта:

- капитальные затраты суммарно за 2017–2025 гг. составляют 218 млрд руб. в текущих ценах (287 млрд руб. в постоянных ценах 2021 г.);
- в структуре капитальных затрат 30 % приходится на строительные и монтажные работы (с учётом строительных материалов), 60 % – на машины и оборудование, транспортные средства, 10 % – на прочие направления;
- доля импорта в капитальных затратах на машины и оборудование составляет 70 %, по остальным направлениям капитальных затрат – 0 %;
- ожидаемая выручка в проекте повышается до 265 млрд руб. в текущих ценах (без НДС) к 2035 г. и в целом за 2017–2035 г. составляет 2,74 трлн руб.;
- операционные затраты повышаются до 226 млрд руб. в текущих ценах (без НДС) к 2035 г. и в целом за 2017–2035 г. составляют 2,35 трлн руб.;
- доля импорта в операционных затратах на сырьё и материалы, а также на оборудование для судов в рамках проекта снижается с 72 % в 2022 г. до 45% в 2035 г.;
- численность занятых на эксплуатационной фазе проекта повышается с 5,3 тыс. чел. в 2022 году до 19,1 тыс. чел. в 2035 г.

Наибольшие эффекты на валовой выпуск возникают на эксплуатационной фазе проекта, при этом косвенные и индуцированные эффекты сопоставимы с прямыми эффектами (таблица 1). Кумулятивный эффект на валовой выпуск за период 2017–2035 гг. составляет 8,37 трлн руб. в ценах 2021 г. (на капитальной фазе – 0,435 трлн руб., на эксплуатационной фазе – 7,935 трлн руб.). В расчёте на 1 рубль совокупных капитальных затрат кумулятивный полный эффект на валовой выпуск за весь период оценивается в 29,2 руб. В среднем за эти годы валовой выпуск в России повышается благодаря реализации проекта на 441 млрд руб., а в расчёте на 1 рубль совокупных капитальных затрат – на 1,54 руб.

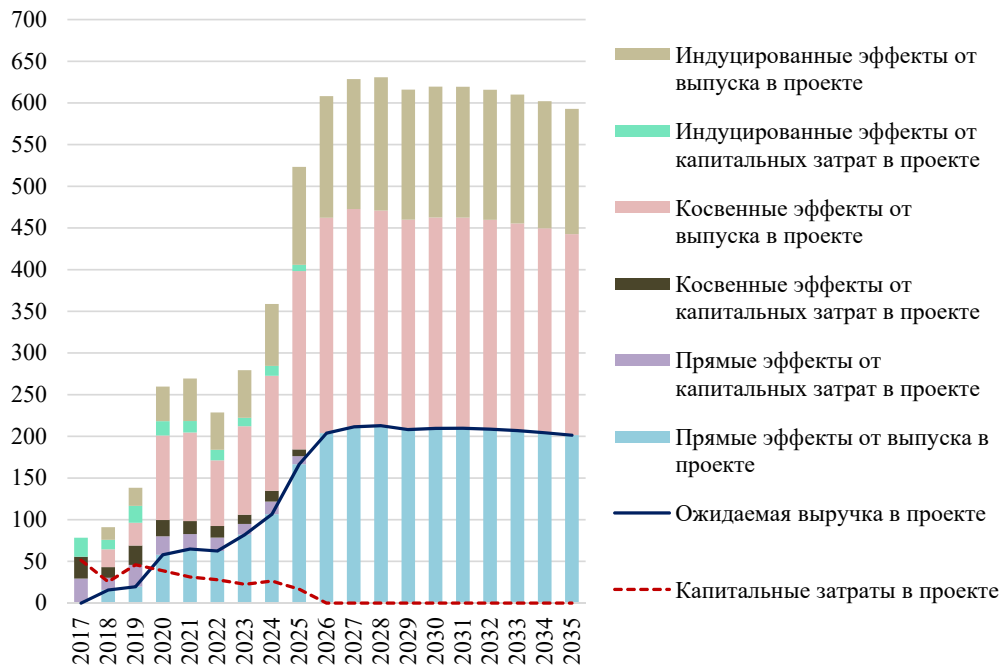

Рисунок 3. Мультипликативные эффекты строительства верфи ССК «Звезда»
Figure 3: Multiplicative Effects Arising from the Construction of the Zvezda Shipbuilding Complex Shipyard

Таблица 1. Оценка мультипликативных эффектов от реализации проекта ССК «Звезда» на валовой выпуск
Table 1. Evaluation of Multiplier Effects of the Zvezda Shipbuilding Complex Project on Gross Output

Показатель	Единица измерения	2021-2035
Капитальные затраты суммарно за период, текущие цены	млрд руб.	234
Капитальные затраты суммарно за период, цены 2021 г.	млрд руб.	287
Выручка в проекте суммарно за период, текущие цены	млрд руб.	2 740
Операционные затраты в проекте суммарно за период, текущие цены	млрд руб.	2350
Численность занятых на фазе эксплуатации в 2035 г.	тыс. чел.	19,1
Совокупные эффекты на валовой выпуск в России – фаза строительства (суммарно за весь период)		
Прямые эффекты	млрд руб.	435
Косвенные эффекты	млрд руб.	164
Индукцированные эффекты	млрд руб.	144
	млрд руб.	128
Совокупные эффекты на валовой выпуск в России – фаза эксплуатации (суммарно за весь период)		
Прямые эффекты	млрд руб.	7 935
Косвенные эффекты	млрд руб.	2 653
Индукцированные эффекты	млрд руб.	3 314
	млрд руб.	1 968
Совокупные эффекты на валовой выпуск в России (суммарно за весь период)	млрд руб.	8 370

Удельный полный эффект на валовой выпуск в России на 1 рубль капитальных затрат (суммарно за весь период)	руб.	29,20
Удельный полный эффект на валовой выпуск в России на 1 рубль капитальных затрат (в среднем за год)	руб.	1,54

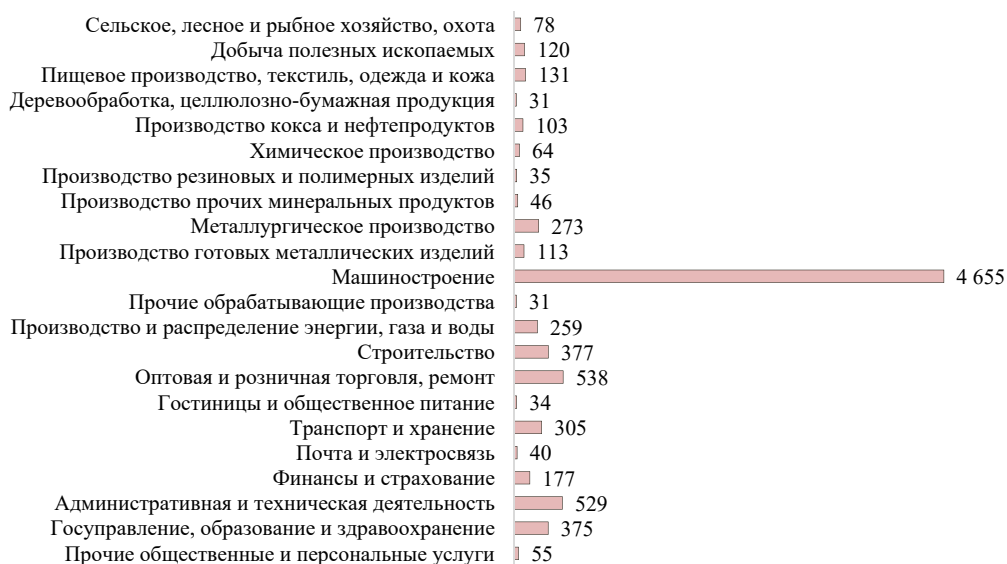

Рисунок 4. Мультипликативные эффекты строительства верфи ССК «Звезда» по видам экономической деятельности российской экономики, млрд руб. в ценах 2021 г., накопленным итогом за период 2017–2035 гг.).

Figure 4: Cumulative Economic Multiplier Effects of the Zvezda Shipbuilding Complex Construction by Economic Activity Type within the Russian Economy, in Billion Rubles (2021 Prices), for the Period 2017–2035.

Наибольшие приросты наблюдаются в машиностроении, административной и технической деятельности, торговле, строительстве, металлургии, транспорте.

Помимо этих межотраслевых эффектов естественным следствием инвестиционной и производственной деятельности стало развитие жилищной и социальной инфраструктуры. В городе Большой Камень уже ведётся массовое жилищное строительство, создаётся вся необходимая социальная инфраструктура – детские сады, школы, больницы.

Судостроительный комплекс «Звезда» уже стал ядром промышленного кластера на Дальнем Востоке. Кластер будет иметь на своей территории всю цепочку создания продукции, что позволит создать платформу для развития инноваций, обмена знаниями и опытом в судостроительной отрасли, сформировать

пул технологических и проектных компетенций, включиться в международные проекты и привлечь дополнительные инвестиции в экономику Дальнего Востока России.

Приращение могущества России в результате реализации проекта «Звезда»

Описанные выше оценки народнохозяйственных последствий реализации проекта «ССК «Звезда» в целом соответствуют уже ставшей классической межотраслевой методологии исследования такого рода проблем. В то же время используемая методология, позволяющая оценивать не только косвенные, но и индуцированные межотраслевые эффекты, тем не менее не может претендовать на исчерпывающее описание всех народнохозяйственных, и тем более глобальных последствий реализации проектов такого уровня, как «ССК «Звезда».

Главный результат, главное следствие, обусловленное реализацией проекта «ССК «Звезда», состоит не столько в увеличении выпуска в смежных отраслях экономики за счёт первоначального импульса, обусловленного созданием новых мощностей, сколько в снятии целого ряда существенных ограничений и в создании новых принципиальных возможностей роста российской экономики.

Речь идёт, во-первых, об обретении нового качества СМП: на первом этапе – резкое увеличение грузооборота за счёт перевозки сырьевых грузов, на втором – переход к круглогодичному судоходству через восточный сектор, на третьем – формирование на базе СМП полноценного мультимодального коридора с резким увеличением перевозок транзитных грузов, в том числе контейнеров.

Во-вторых, ещё одним системным эффектом может стать перераспределение грузов за счёт использования меридиональных речных путей с южных железнодорожных магистралей (Транссиб и БАМ) на СМП.

В-третьих, именно новое качество СМП, достигнутое за счёт его насыщения соответствующей техникой, в том числе ледового класса, обеспечивает реализацию такого масштабного проекта, как «Восток Ойл», а также проектов по производству и транспортировке российского арктического сжиженного природного газа.

В-четвертых, результатом инвестиционной, производственной и транспортной активности в Арктической зоне России станет существенное упрочение экономических и геополитических позиций России. За счёт организации производства сугубо гражданской продукции на ССК «Звезда» фактически обеспечивается не только экономическое, но и военно-политическое доминирование России в Арктике.

В заключение можно сделать следующий обобщающий вывод: без создаваемых сейчас новых производственных мощностей на ССК «Звезда» дальнейшее освоение российской Арктики и движение экономики России на Восток оказались бы практически невозможным.

Об авторе:

Игорь Иванович Сечин – кандидат экономических наук, главный исполнительный директор ПАО «НК «Роснефть», Россия, 117997, Москва, Софийская наб., 26/1. E-mail: postman@rosneft.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 338.45:622,629.12
Received: March 10, 2024
Accepted: April 05, 2024

Zvezda Shipyard Project: Global Implications and Its Influence on the Russian Economy

 I.I. Sechin
[DOI 10.24833/2071-8160-2024-2-95-7-30](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-2-95-7-30)

Rosneft Oil Company

Abstract: This article expands upon the author's previous work regarding the Vostok Oil project, initially discussed in the Gubkin University journal. It focuses on the establishment and development of the Zvezda Shipyard project, arguing its critical role in the potential development of the Vostok Oil and Gas province. The paper posits that without the Zvezda Shipyard, it would not be feasible to exploit the Vostok Oil and Gas province or significantly enhance the transportation and logistics capabilities of the Northern Sea Route (NSR). The development of Zvezda's new production facilities is presented as essential for the advancement of the Russian Arctic, facilitating a pivotal eastward shift in the Russian economy. The significance of the Zvezda project and the strategic decisions leading up to it are discussed in detail, demonstrating how they integrate the development of the NSR, the exploitation of Vostok Oil fields, and the establishment of investment and technological foundations for Russia's long-term strategy. This strategy addresses both socio-economic goals and defense and security challenges. Additionally, the paper provides quantitative analyses of the multiplicative effects generated by the Zvezda Shipyard project's realization.

Keywords: Russia, Rosneft, Arctic, Northern Sea Route (NSR), Vostok Oil, Zvezda Shipyard, economy, infrastructure, oil, capital expenditures, multiplicative effects, cargo shipping, ice-breaker fleet, dry dock.

About the author:

Igor I. Sechin – PhD in Economics, Chief Executive Officer, Rosneft Oil Company, Russian Federation, 117997, Moscow, 26/1 Sofiyskaya Naberezhnaya. E-mail: postman@rosneft.ru

Conflict of interests:

The authors declare absence of conflict of interests.

References:

Bulis A., Skapars R. 2014. Development of "New Silk Road" Northern branch through sea-port of Riga in Latvia. *Procedia-Social and Behavioral Sciences*. No. 150. P. 1222-1229.

Bagdasaryan A. A. 2020. Osnovnyye ekologicheskiye problemy Severnogo morskogo puti v perspektive yego razvitiya [The main environmental problems of the Northern Sea Route in the perspective of its development]. *Rossiyskaya Arktika*. No. 2. P. 17–29. (In Russian).

Bogdanov A. I., Brestkin S. V., Buzuyev A. YA. 2006. *Problemy severnogo morskogo puti Rossiyskaya akademiya nauk* [Problems of the Northern Sea Route Russian Academy of Sciences]. Council for the Study of Productive Forces of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Nauka. 580 p. (In Russian).

Borodkin V.S., Grikhno M.A. 2021. Ekonomicheskoye preimushchestvo ispol'zovaniya SMP kak glavnogo transarkticheskogo marshruta sbyta SPG v strany ATR i YES [Economic advantage of using the NSR as the main trans-Arctic route for LNG sales to the countries of the Asia-Pacific region and the EU]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*. No. 6–5 (108). P. 7–12. (In Russian).

Komkov N. I., Selin V. S., Tsukerman V. A. 2014. Napravleniya modernizatsii arkticheskoy morskoy transportnoy sistemy [Directions for modernizing the Arctic maritime transport system]. *MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitiye)*. No 4 (20). P. 4–11. (In Russian).

Ksenofontov M.YU., Shirov A.A., Polzikov D.A., Yantovskiy A.A. 2018. Otsenka mul'tiplikativnykh effektiv v rossiyskoy ekonomike na osnove tablits «zatraty-vypusk» [Assessment of multiplier effects in the Russian economy based on input-output tables]. *Problemy prognozirovaniya*. No 2. P. 3–12. (In Russian).

Novak A.V. 2023. Severnyy morskoy put': doroga budushchego [Northern Sea Route: the road of the future. Energy policy]. *Energeticheskaya politika*. No 2 (55). URL: <https://energypolicy.ru/severnyj-morskoy-put-doroga-budushchego-2/business/2023/14/14/> (Data obrashcheniya: 05.04 2024). (In Russian).

Orlova O. L., Zakharov A. N. 2022. Preimushchestva postavki nefti posredstvom Severnogo morskogo puti pered Suetskim kanalom [Advantages of oil supply through the Northern Sea Route over the Suez Canal]. *Vestnik Universiteta mirovykh tsivilizatsiy*. Vol. 13. No 4 (37). P. 94–101. (In Russian).

Pazovskiy V.M. 2001. Severnyy morskoy put' v otsenkakh zarubezhnykh spetsialistov [The Northern Sea Route as assessed by foreign experts]. *Vserossiyskiy ekonomicheskii zhurnal EKO*. No 8. P. 2–16. (In Russian).

Ponomarenko I. A. 2022. Vliyaniye perevozok po Severnomu morskomu puti na razvitiye rybokhozyaystvennogo kompleksa rossiyskoy Arktiki [The influence of transportation along the Northern Sea Route on the development of the fishery complex of the Russian Arctic]. *International agricultural journal*. No 4. P. 1703–1720. (In Russian).

Pristavka M.V., Ganich YA.V., Rogaleva N. L., Makarov D. V. 2020. *Severnyy morskoy put': ot proshlogo k budushchemu: monografiya* [Northern Sea Route: from past to future]. Moscow: RUSAYNS. 164 c. (In Russian).

Sechin I.I. 2023. Znachimost' proyekta «Vostok Oyl» dlya rossiyskoy ekonomiki i budushchego mirovykh energeticheskikh rynkov [The significance of the Vostok Oil project for the Russian economy and the future of global energy markets]. *Problemy ekonomiki i upravleniya neftegazovym kompleksom*. No 12(228). P. 9–21. (In Russian).

Shirov A.A., Yantovskiy A.A. 2011. Otsenka mul'tiplikativnykh effektiv v ekonomike. Vozmozhnosti i ogranicheniya [Assessing multiplier effects in economics. Opportunities and limitations]. *Vserossiyskiy ekonomicheskoy zhurnal EKO*. No 2011. P. 40–58. (In Russian).

Tsygankov A. P. 2023. Nezamenimaya Rossiya: kreposti i mosty «Russkoy idei». [Indispensable Russia: fortresses and bridges of the “Russian idea”]. *Rossiya v global'noy politike*. Vol. 21. No 5. P. 156–165. (In Russian).

Zefirov V.I., Timoshilova P. S. 2023. Morskaya logistika Severnogo morskogo puti [Maritime logistics of the Northern Sea Route]. *Vestnik Akademii znaniy*. No 2 (55). P. 91–94. (In Russian).

Zhuravel' V. P. 2023. Severnyy morskoy put': otsenki i prognozy [Northern Sea Route: assessments and forecasts]. *Nauchno-analiticheskiy vestnik Instituta Yevropy RAN*. No. 2 (23). P. 125–135. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Багдасарян А. А. 2020. Основные экологические проблемы Северного морского пути в перспективе его развития. *Российская Арктика*. No 2. 17–29.

Богданов А. И., Бресткин С. В., Бузуев А. Я. и др.; отв. ред. А. Г. Гранберг, В. И. Пересыпкин. 2006. *Проблемы северного морского пути* Российская академия наук. Совет по изучению производительных сил РАН, ЦНИИМФ. Москва: Наука. 580 с.

Бородкин В.С., Грихно М.А. 2021. Экономическое преимущество использования СМП как главного трансарктического маршрута сбыта СПГ в страны АТР и ЕС. *Международный научно-исследовательский журнал*. No 6–5 (108). С. 7–12.

Журавель В. П. 2023. Северный морской путь: оценки и прогнозы. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. No 2 (23). С. 125–135.

Зефиоров В.И., Тимошилова П. С. 2023. Морская логистика Северного морского пути». *Вестник Академии знаний*. No 2 (55). С. 91–94.

Комков Н. И., Селин В. С., Цукерман В. А. 2014. Направления модернизации арктической морской транспортной системы. *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*. No 4 (20). С. 4–11.

Ксенофонтов М.Ю., Шилов А.А., Ползиков Д.А., Янтовский А.А. 2018. Оценка мультипликативных эффектов в российской экономике на основе таблиц «затраты-выпуск». *Проблемы прогнозирования*, No 2. С. 3–12.

Новак А.В. 2023. Северный морской путь: дорога будущего. *Энергетическая политика*. No 2 (55). URL: <https://energypolicy.ru/severnyj-morskoj-put-doroga-budushhego-2/business/2023/14/14/> (Дата обращения: 05.04 2024)

Орлова О. Л., Захаров А. Н. 2022. Преимущества поставки нефти посредством Северного морского пути перед Суэцким каналом. *Вестник Университета мировых цивилизаций*. Том 13 No 4 (37). С. 94–101.

Пазовский В.М. 2001. Северный морской путь в оценках зарубежных специалистов. *Всероссийский экономический журнал ЭКО*. No 8. С. 2–16.

Пономаренко И. А. 2022. Влияние перевозок по Северному морскому пути на развитие рыбохозяйственного комплекса российской Арктики. *International agricultural journal*. No 4. С. 1703–1720.

Приставка М.В., Ганич Я.В., Рогалева Н. Л., Макаров Д. В. 2020. *Северный морской путь: от прошлого к будущему*: монография, Москва: РУСАЙНС. 164 с.

Сечин И.И. 2023. Значимость проекта «Восток Ойл» для российской экономики и будущего мировых энергетических рынков. *Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом*. No 12(228). С. 9–21.

Цыганков А. П. 2023. Незаменяемая Россия: крепости и мосты «Русской идеи». *Россия в глобальной политике*. Том 21. No 5. С. 156–165.

Широв А.А., Янтовский А.А. 2011. Оценка мультипликативных эффектов в экономике. Возможности и ограничения. *Всероссийский экономический журнал ЭКО*. No 2011. С. 40–58.

Стратегия военно-технического сотрудничества России со странами Арабского региона

А.А. Жильченко, М.Н. Пасько

Дипломатическая академия МИД России

Статья посвящена выявлению наиболее перспективных направлений военно-технического сотрудничества России и стран Арабского региона в контексте геополитической неопределённости. Несмотря на сохранение за Россией второго места в рейтинге крупнейших экспортёров, наблюдается пропорциональное снижение российской доли на мировом рынке оружия. При этом растущие показатели торговли обычными видами вооружений и циклическое повышение тактико-технических характеристик военных образцов вкупе с внедрением новейших технологий свидетельствуют о динамичном характере исследуемой сферы. В условиях текущих внешних ограничений и наблюдаемой недостаточной представленности современных образцов российского производства в растущих сегментах рынка вооружений России необходимо принять твёрдые и сбалансированные меры по удержанию и укреплению связей с государствами-партнёрами. В этом контексте особого внимания заслуживает стратегия ВТС со странами Арабского Востока как центра геополитических интересов ведущих держав и ключевого импортёра вооружений и военной техники.

В статье рассматриваются конкурентные позиции России на арабских рынках, приводится многофакторная оценка роли региона в мировой торговле вооружениями на основе динамики абсолютных и относительных статистических показателей и расчётных индексов. Также представлен анализ текущего состояния и возможных путей повышения эффективности российской системы военно-технического сотрудничества с государствами Арабского региона, авторами рассматриваются перспективы трансформации партнёрских связей государств в контексте принятия концепции сетецентрической войны. Кроме того, раскрываются ключевые риски взаимодействия стран в военной сфере на современном этапе, в том числе сопряжённые с потенциальным манипулированием инструментами ВТС, их использованием в качестве политического рычага давления. По результатам исследования предложены перспективные векторы дальнейшего укрепления взаимосвязей как в номенклатурном, так и в географическом разрезе: в том числе расширение практики лицензирования, лизинга, офсетных сделок и трансферта технологий в целом; продвижение истребителей пятого поколения, систем дальнего радиолокационного обнаружения и управления с использованием технологий Индустрии 4.0; обучение персонала зарубежных государств.

УДК 355.02/03(57)

Поступила в редакцию: 10.08.2023

Принята к публикации: 27.12.2023

Ключевые слова: военно-техническое сотрудничество, экспорт российских вооружений, Арабский Восток, продукция военного назначения, геополитические интересы, баланс сил, национальная безопасность, российско-арабское сотрудничество

В связи с нарастающей в последние десятилетия глобальной неопределённостью и напряжённостью в системе международных отношений на первый план во внутренней и внешней политике государств всё чаще выдвигаются вопросы безопасности. При этом наиболее консервативным элементом её обеспечения остаётся военная мощь.

Стремление государств повысить уровень боеспособности и боеготовности вооружённых сил находит отражение в росте военных расходов и увеличении объёмов торговли вооружениями и военной техникой (ВВТ). Согласно данным Стокгольмского международного института исследования проблем мира (SIPRI), в 2021 г. суммарные военные расходы стран впервые в истории развития мирового военно-промышленного комплекса (ВПК) превысили отметку в 2 трлн долл., составив 2,1 трлн долл.¹

Ведущие державы, в том числе США, Китай и Россия, формулируя принципы военно-технического сотрудничества (ВТС), обращают особое внимание на регионы, взаимодействие с которыми традиционно сопряжено с высоким уровнем политического риска при сопутствующей ему востребованности импортного вооружения. Среди таких конфликтогенных зон выделяется регион Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА), переживающий продолжительный период высокой политико-социальной нестабильности: в настоящий момент 11 из около полусотни активных вооружённых конфликтов в той или иной форме затрагивают ближневосточные страны², в том числе гражданские войны в Йемене, Сирии, палестино-израильский конфликт в Арабском субрегионе.

Наблюдаемое на сегодняшний день растущее давление на Россию как экспортёра ВВТ диктует необходимость принятия страной твёрдых и сбалансированных мер по укреплению своих позиций на мировом рынке вооружений. При безусловной значимости геополитического фактора российские поставки также обеспечивают 45%³ всего экспорта машин и оборудования страны и способствуют получению дополнительных доходов предприятиями ВПК, которые на сегодняшний день часто выполняют роль не только градообразующих

¹ Da Silva D. L., Tian N., Béraud-Sudreau L., Marksteiner A., Liang X. 2021. Trends in World Military Expenditure. SIPRI. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2022-04/fs_2204_milex_2021_0.pdf (accessed 10.04.2024)

² В мире насчитывается более полусотни активных вооружённых конфликтов. 2022. *Коммерсантъ*. 24 сентября. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5580440> (дата обращения: 10.04.2024)

³ Расчёты авторов по данным Федеральной службы государственной статистики.

и стратегически значимых компаний, но и экономических агентов, составляющих научно-технологическую основу для становления инновационной экономики.

Проблема повышения международной конкурентоспособности российского ВПК находит отражение в специализированных научных изданиях и систематически обсуждается на государственном уровне. Исследователи и практики указывают на необходимость поиска новых рынков сбыта ВВТ и освоения новых ниш⁴ (Хлебников 2019). Вместе с тем взгляды экспертов концентрируются, как правило, на дружественных странах или партнёрах, связи с которыми в сфере ВТС уже можно считать стабильными: странах ОДКБ, Индии (Кашин 2023), Китае (Власов, Власова 2019), а также государствах Латинской Америки (Чемезов 2019). Такая тенденция прослеживается и в отношении БВСА, где внимание уделяется преимущественно Сирии, Ираку, Ирану и Турции (Щёкин 2022). Тем не менее анализ научной литературы показывает, что из «новых» импортёров, продолжающих активно наращивать военный потенциал, в качестве вероятных партнёров России чаще рассматриваются страны Азиатско-Тихоокеанского региона, преимущественно благодаря индийско-китайскому фактору, а также развитию производству комплектующих для боевых систем.

Кроме того, географический охват наиболее актуальных исследований по выбранной проблематике фактически ограничивается широким понятием «Большого Ближнего Востока» и обусловлен активной международной деятельностью США. Наконец, перспективные направления ВТС с рассматриваемыми в данной статье странами раскрываются преимущественно с позиций политологии, а предлагаемые авторами направления взаимодействия зачастую рассматриваются в отрыве от возможностей национальной экономики (Дуброва 2019). Указанные аспекты вкупе с недостаточной исследованностью проблемы, обусловленной закономерной нехваткой достоверных данных в открытом доступе в силу стратегической значимости исследуемой сферы, актуализируют необходимость оценки перспективы ВТС России со странами Арабского региона.

Таким образом, в рамках статьи поставлен следующий исследовательский вопрос: необходима ли России в сложившихся внешнеэкономических условиях интенсификация военно-технического сотрудничества со странами Арабского Востока? Для ответа на поставленный авторами вопрос была выдвинута первоначальная гипотеза: предположим, что сложившаяся политико-экономическая конъюнктура закрепляет за задачей сохранения позиций, упрочения и дальнейшего расширения России на рынках ВВТ арабских стран стратегическое значение.

⁴ Хлебников А. 2019. Россию выдавливают с глобального рынка вооружений. *Российский совет по международным делам (РСМД)*. 21 марта. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiyu-vydvayayut-s-globalnogo-rynka-vooruzheniy/> (дата обращения: 10.04.2024)

Таким образом, целью исследования выступает оценка международной конкурентоспособности российского военно-промышленного комплекса на рынках арабских государств за счёт выявления выгод и рисков углубления военно-технического сотрудничества со странами Арабского региона.

Структура статьи представлена статистическим анализом арабского импорта ВВТ, выявлением ключевых тенденций, а также отраслевых и географических приоритетов арабских государств при выстраивании ВТС с зарубежными странами. Далее авторы переходят к характеристике позиций России на рынке ВВТ арабских государств, оценивая эффективность и перспективы сложившейся в современной практике отечественной системы ВТС со странами – представителями Арабского региона. Кроме того, в статье фиксируются ключевые преимущества и недостатки российской стратегии ВТС с арабскими партнёрами, а также риски и возможности, связанные с поступательным продвижением российских ВВТ на региональном рынке. Полученные результаты ретроспективного, статистического и SWOT-анализа позволяют получить обоснованные выводы о высоком экспортном потенциале отечественного ВПК при необходимости системного реформирования системы ВТС с арабскими государствами.

Характеристика Арабского региона как ключевого импортёра вооружений на мировом рынке ВВТ

БВСА занимает второе место в мире по объёму прогнозируемых поставок в период 2021–2024 гг. по заключённым ранее контрактам (138,2 млрд долл. США), уступая всего 2 млрд долл. по ёмкости имеющегося портфеля заказов Азиатско-Тихоокеанскому региону – крупнейшему импортёру основных видов вооружений⁵.

Особенно активно наращивают импорт вооружений члены Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). Так, ежегодные военные расходы Катара возросли в период с 1990 по 2021 гг., в 5,9 раза, а Королевства Саудовская Аравия (КСА) – на 87%, поместив его на 8-е место в глобальном рейтинге стран по объёму военных расходов⁶. Вместе с тем стоит отметить, что на текущий момент страны Аравийского полуострова не рассматривают Россию в качестве полноценного альтернативного партнёра по ВТС.

Резкий скачок расходов на военные нужды свойственен и другим субрегионам Арабского Востока. Например, статья военных расходов за 1990–2021 гг. возросла в Тунисе в 4,3 раза, в Алжире – в 14,1 раза. Это объясняется

⁵ Долевое распределение стран – поставщиков вооружений на рынке Ближнего Востока в период 2013–2020 гг. 2022. *Центр анализа мировой торговли оружием*. URL: <https://armstrade.org/files/analytics/394.pdf> (дата обращения: 10.04.2024)

⁶ Da Silva D.L., Tian N., Béraud-Sudreau L., Marksteiner A., Liang X. Trends in World Military Expenditure. 2021. *SIPRI*. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2022-04/fs_2204_milex_2021_0.pdf (accessed 10.04.2024)

как необходимостью поддерживать внутреннюю стабильность и боеготовность вооружённых сил, так и вызванным внешне стремлением сохранить стратегический баланс (в случае Алжира – в отношениях с Марокко). Кроме того, рост военных расходов обуславливается практически перманентным вовлечением арабских стран во внешние вооружённые столкновения, а также высоким уровнем угрозы террористических актов и экстремизма (Щёкин 2022: 9).

В подкрепление тезиса о выявленной тенденции стремительного развития военной сферы в странах региона отметим, что наблюдается стремительный рост военной мощи ряда соответствующих государств. Так, в 2023 г. Египет и КСА вошли в топ-20 рейтинга военной мощи Global FirePower⁷ (рис.1).

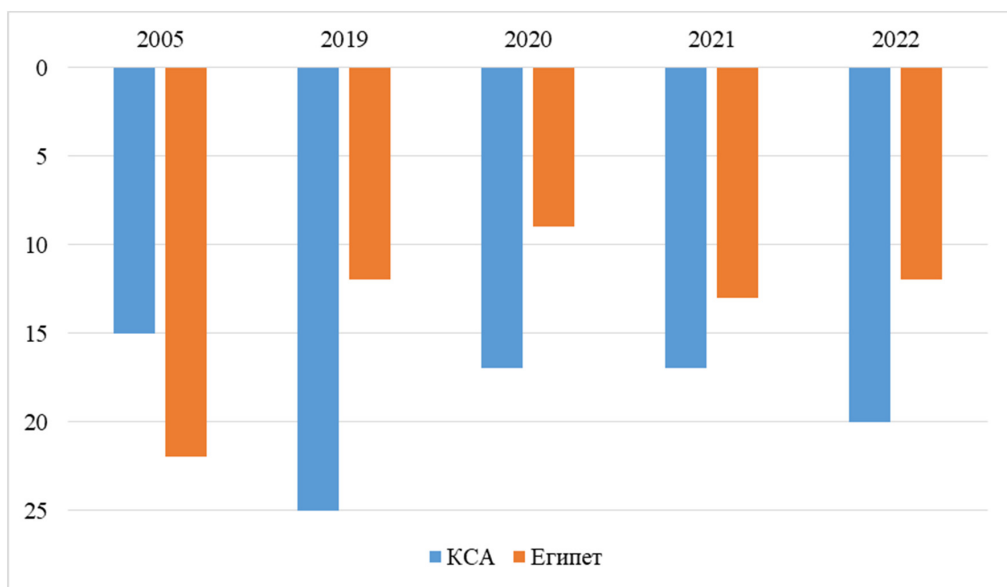

Рисунок. 1. Динамика позиций КСА и Египта в рейтинге военной мощи стран мира, 2005–2022 гг.

Figure 1. Dynamics of the positions of Saudi Arabia and Egypt in the world ranking of military power, 2005-2022

Источник: составлено авторами на основе данных Global Firepower

В целях наглядного сопоставления на диаграмме также представлены данные за 2005 г. Исходя из представленных данных очевидно: КСА в среднем находится в диапазоне 17–20 строчки в глобальном рейтинге военной мощи на протяжении всего рассмотренного периода, а Египет в основном занимает

⁷ Military Powers Ranked since 2005 According to Global Firepower. *Global Firepower Ranks*. URL: <https://www.globalfirepower.com/global-ranks-previous.php> (accessed 10.04.2024)

9–13-е место, лидируя среди стран БВСА. При этом оба государства приблизили значения индекса военной мощи PwrIndx к 0, что соответствует самому высокому уровню национальной боееспособности (рис. 2).

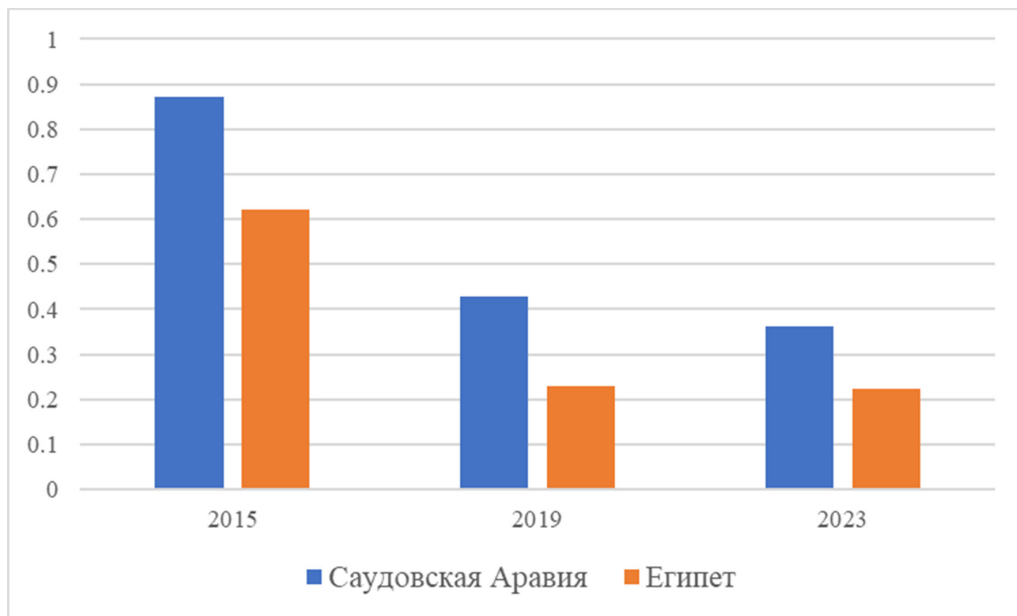

Рис. 2. Динамика PwrIndx КСА и Египта, 2015–2023 гг.

Figure 2. Dynamics of Saudi Arabia and Egypt PwrIndx, 2015–2023

Источник: составлено авторами на основе данных Global Firepower

При этом в стороне от общерегионального тренда на укрепление вооружённых сил не остаются и другие арабские страны. Например, в Кувейте, Джибути и Омане, несмотря относительно низкие абсолютные показатели военных расходов по сравнению с лидерами региона, их доля в ВВП достигает 5–6%⁸.

В свою очередь, в связи с активизацией усилий по наращиванию военного потенциала Арабский регион закономерно трансформируется в целевой рынок для всех основных экспортеров ВВТ. В глобальном разрезе на него приходится около трети мировых поставок⁹, причём четыре из десяти крупнейших стран – получателей продукции военного назначения – арабские государства (табл. 1).

⁸ SIPRI Military Expenditure Database. *SIPRI*. URL: <https://milex.sipri.org/sipri> (accessed 10.04.2024).

⁹ Why China decided to fund EgyptSAT-A. *Space in Africa*. URL: <https://africanews.space/why-china-decided-to-fund-egyptsat-a/> (accessed 10.04.2024).

Табл. 1. Арабские страны, вошедшие в рейтинг десяти крупнейших импортёров ВВТ**Table 1. Arab countries included in the ranking of the top ten world importers of weapons and military equipment**

№ п/п	Страна	Доля в мировом импорте ВВТ, %
1	КСА	11
2	Египет	5,7
3	Катар	4,6
4	ОАЭ	2,8

Источник: составлено авторами на основе данных отчёта SIPRI.

Характерно, что Египет, лидируя среди арабских стран в рейтинге по военной мощи, занимает только второе место по объёму импорта, и наоборот — активные закупки ВВТ со стороны КСА не позволяют Королевству выйти на более высокие позиции с точки зрения совокупного индекса военного потенциала.

Таким образом, хотя наращивание импорта основных видов вооружений не является гарантией увеличения военной мощи, поставки из-за рубежа остаются важным фактором выравнивания региональных дисбалансов и обеспечения безопасности арабских государств в связи с необходимостью оперативно реагировать на периодическую эскалацию локальной напряжённости в меж- или внутригосударственном масштабе. При этом контроль над рынком импортируемого арабскими странами вооружения, в сущности, принадлежит ограниченному ряду отдельных поставщиков (табл. 2).

Табл. 2. Ключевые партнёры арабских стран в рамках ВТС, 2019–2021 гг.**Table 2. Key partners of the Arab countries in terms of military cooperation, 2019–2021**

Страна-поставщик	Страны-импортёры	Доля поставщика в импорте ВВТ, %
США	Ливан	95,2
	Марокко	90,5
	КСА	82,6
	Тунис	81,8
	Бахрейн	64,4
	Кувейт	56,4
	ОАЭ	52,7
	Иордания	37,2
Россия	Ирак	75,5
	Алжир	63,3
	Египет	32,7
Китай	Джибути	53,3
	Мавритания	73,5
Турция	Оман	89,2

Катар	Сомали	61,5
Франция	Катар	45,9

Источник: составлено авторами на основе данных отчёта SIPRI.

Таким образом, несмотря на наблюдаемые в последние годы заявления мирового сообщества о потере влияния США в регионе, фактическая динамика свидетельствует об обратном: учитывая поступательное увеличение американского экспорта, в период 2007–2011 гг. доля государств Ближнего Востока в зарубежных поставках ВВТ страны составила 27%, а в последующие пятилетние периоды – 47% и 43%¹⁰ соответственно. США фактически монополизировали рынки Ливана и Марокко, равно как монархий Персидского залива, и это существенно осложняет продвижение российского «бренда» военно-технической продукции на территориях, исторически «закреплённых» за конкурентом.

Вместе с тем текущие тренды развития мирового военно-технического сектора иллюстрируют постепенное смещение фокуса развивающихся стран (преимущественно с высоким и средним уровнем дохода) с традиционных форм ВТС на по меньшей мере снижение односторонней зависимости от экспортёра, а преимущественно – на освоение критических технологий на собственной производственной базе. В этой связи важно также учитывать конкурентные преимущества других поставщиков, демонстрирующих свои стремления по становлению в качестве самостоятельных игроков в регионе: Франции, Италии, Германии, Китая, Турции и Индии.

Место России в системе ВТС арабских стран с зарубежными партнёрами

Занимая устойчивое второе место в рейтинге крупнейших экспортёров на мировом рынке ВВТ (19% в период 2017–2021 гг.), Россия является одним из традиционных партнёров стран Арабского региона: в 2020 г. на Алжир, Египет и ОАЭ пришлось 28,6% отечественного экспорта основных видов вооружений¹¹, выраженного в TIV¹².

При этом среди государств БВСА страну связывают наиболее тесные исторически обусловленные взаимосвязи в сфере ВТС именно с Арабским миром, институционально представленным Лигой арабских государств. В первую очередь это обусловлено идеологическим контекстом: в период Холодной войны для ряда стремящихся к политической независимости на международной арене

¹⁰ SIPRI Arms Transfers Database. *SIPRI*. URL: <https://www.sipri.org/databases/armstransfers> (accessed 10.04.2024).

¹¹ SIPRI Arms Transfers Database. *SIPRI*. URL: <https://www.sipri.org/databases/armstransfers> (accessed 10.04.2024).

¹² Показатель тренда, разработанный SIPRI и характеризующий торговлю вооружениями с точки зрения перемещения «военных ресурсов» в противовес упрощённой финансовой оценке.

арабских государств (Сирия, Ливия, Ирак и др.) политический фактор сыграл решающую роль при выборе СССР как партнёра по ВТС. Эта тенденция закономерно отражается и на современных российско-арабских научно-технических контактах, а также на уровне разработанности нормативно-правовой базы ВТС (табл. 3).

Табл. 3. Хронологическая последовательность подписания соглашений о военно-техническом сотрудничестве между Правительством Российской Федерации и правительствами арабских стран-партнёров

Table 3. Chronological sequence of signing agreements on military-technical cooperation between the Russian Government and governments of Arab partner countries

Страна-партнёр	Дата подписания
Йемен	26 марта 1998 г.
Алжир	1 апреля 1999 г.
Саудовская Аравия	14 июля 2008 г.
Ливан	25 февраля 2010 г.
Марокко	9 февраля 2012 г.
Джибути	27 сентября 2012 г.
Ирак	10 октября 2013 г.
Египет	25 марта 2014 г.
Бахрейн	19 мая 2015 г.
Южный Судан	20 января 2016 г.
Тунис	16 ноября 2016 г.
Катар	25 октября 2017 г.

Источник: составлено авторами на основе материалов системы «Гарант».

Из таблицы следует, что в эволюции нормативно-правового регулирования вопроса ВТС России с Арабским Востоком можно выделить отдельные волны активизации нормотворчества. Так, в первую очередь Россия подписала соответствующие соглашения с Йеменом и Алжиром. Заметим, что соглашение о ВТС с Алжиром впервые было подписано в 1999 г., то есть всего через год после достижения аналогичных договорённостей с Йеменом. Это в очередной раз доказывает правомерность высказанного ранее тезиса об однозначном влиянии советского опыта сотрудничества с традиционными для СССР партнёрами на современные тренды в российской внешнеэкономической политике.

Стоит отдельно подчеркнуть, что наиболее проработанным с юридической точки зрения представляется соглашение о ВТС с Ираком, включающее в себя в том числе положения о порядке реализации соглашения, реэкспорте, защите информации и интеллектуальной собственности¹³. Аналогичные документы,

¹³ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Ирак о военно-техническом сотрудничестве. *Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов*. URL: <https://docs.cntd.ru/document/499065186>

заключённые с другими представителями Арабского Востока, обычно отличаются более общим характером выносимых на подписание положений. В отдельных случаях вопросы охраны результатов интеллектуальной деятельности в рамках ВТС освещаются в соответствующих дополнительных соглашениях и протоколах, как например в случае Египта, Алжира, ОАЭ и Марокко.

Таким образом, в «постсоветских» условиях фактор постепенной деидеологизации и прагматизации внешнеполитической стратегии арабских стран потенциально может обеспечить Россию возможностями ВТС с принципиально новыми партнёрами, ранее подпадавшими под сферу исключительного влияния США (например, ССАГПЗ). Кроме того, на современном этапе российские поставки ВВТ выступают, в сущности, «гарантом» региональной безопасности, предоставляя альтернативы товарам военного назначения американского производства.

В связи с вышеизложенным не вызывает сомнений правомерность точки зрения современных исследователей, которые уверены в выгодности выбранного Россией похода к ВТС с арабскими государствами на современном этапе. В отличие от советской практики, когда обмен стратегическими технологиями был возможен только с арабскими странами «дружественного» блока и социалистической направленности, сегодня перед Россией не возникает «идеологических» препятствий для расширения сотрудничества, в т. ч. с Саудовской Аравией¹⁴ (Хетагуров 2017), остающейся тем не менее предметом жёсткой конкуренции с США (табл. 4).

Таблица 4. Российские поставки вооружений в Арабский регион (2019–2021 гг.)
Table 4. Russian arms supplies to the Arab region (2019–2021)

Страна-реципиент	Название	Тип	Количество	Год поставки
Алжир	9М120 «Атака»	противотанковая ракета	1500	2020
	БМПТ «Терминатор»	боевая машина поддержки танков	120	2020
	МиГ-29М	многоцелевой истребитель	14	2019
	Су-30МК	многоцелевой истребитель	16	2019
	Модуль «Бережок»	башня боевой машины пехоты	-	2020
Египет	9М120 «Атака»	противотанковая ракета	1000	2017–2019
	EgyptSat-A	разведывательный спутник	1	2019
	Ка-52 «Аллигатор»	боевой вертолёт	46	2017–2019
	МиГ-29М	многоцелевой истребитель	50	2017–2020
	R-73	управляемая ракета	300	2017–2020
	R-77	управляемая ракета	300	2017–2020
	ПТРК «Вихрь»	противотанковый ракетный комплекс	1000	2017–2019

¹⁴ Хетагуров А. 2017. Военно-техническое сотрудничество России: государства Ближнего Востока. *Российский совет по международным делам (РСМД)*, 13 октября. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/geopolitics-arms-market/voenno-tehnicheskoe-sotrudnichestvo-rossii-gosudarstva-blizhnego-vostoka/> (дата обращения: 10.04.2024)

Ирак	«Бастион»	противотанковый ракетный комплекс	300	2018–2019
	БМП-3	боевая машина пехоты	31	2018–2019
	T-90С	танк	73	2018–2019
Иордания	Ми-26	транспортный вертолёт	4	2018–2019
Катар	«Игла-С»	переносной зенитно-ракетный комплекс	500	2018–2019
Саудовская Аравия	ТОС-1	тяжёлая огнемётная система	10	2019
Сирия	Ми-24П/Ми-35П	боевой вертолёт	4	2017–2021
	МиГ-29С	многоцелевой истребитель	6	2020
	«Корнет»	противотанковый ракетный комплекс	100	2020
	R-73	управляемая ракета	100	2020
ОАЭ	«Корнет»	противотанковый ракетный комплекс	5000	2018–2020

Источник: составлено авторами по материалам базы данных SIPRI

Действительно, как показывает представленная выше таблица, Россия осуществляет поставки ВВТ в страны, равномерно представляющие все субрегионы Арабского Востока. Стоит отметить, что именно период 2019–2020 гг. наиболее часто фигурировал в поставочных контрактах в качестве даты реализации договорённости, при этом большая их часть была заключена в 2015 г. Представляется, что, в связи с этим данный временной отрезок, хронологически точно совпавший с кризисом отношений России с «западными» партнёрами, можно характеризовать как отправную точку для возвращения к традиции активного военно-технического взаимодействия с арабскими партнёрами. Российские поставки ВВТ в регион способствуют выравниванию регионального военного дисбаланса, вызванного преобладанием в структуре импорта продукции США и их союзников.

Принимая во внимание тот факт, что Россия считается важным поставщиком продукции военного назначения на территорию арабского мира, можно утверждать, что верно и обратное: данный рынок играет системообразующую роль для сбыта российских ВВТ (табл. 5).

Табл. 5. Объём российских поставок ВВТ в ключевые страны-импортёры за 2016–2021 гг., млрд ТИВ

Table 5. The volume of Russian arms and military equipment deliveries to key importing countries for 2016–2021, billion TIV

№ п/п	Импортёр	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	Всего
1	Индия	1,75	1,99	1,92	1,55	1,32	1,56	1,24	1,39	12,73
2	Китай	0,6	0,76	0,69	0,99	1,77	1,18	0,63	0,77	7,38
3	Алжир	0,31	0,56	1,59	1,02	1,14	-	0,52	0,15	5,29
4	Вьетнам	1,06	0,74	0,7	0,47	0,33	0,14	0,01	0,07	3,51

5	Египет	0,11	0,01	0,18	1,12	0,86	0,76	0,45	-	3,49
6	Ирак	0,33	0,47	0,35	0,17	0,43	0,13	-	-	1,88

Источник: составлено авторами по материалам базы данных SIPRI.

Таким образом, половина из шести крупнейших импортёров российского вооружения – арабские государства, хотя, например, Алжир представляет собой рынок, несоизмеримо меньший по объёму в сравнении с индийским или китайским. Отсюда следует, что исторически сложившаяся в СССР практика расширенного сотрудничества с Арабским Востоком в военной сфере – весомая составляющая научно-технического взаимодействия между современной Россией и её арабскими партнёрами. В свою очередь, частичное снижение объёмов поставок можно объяснить свойственным сфере ВТС временным лагом между датой заключения контракта и сроком поставки.

Вместе с тем, хотя арабские государства являются одними из ключевых реципиентов российского вооружения, вклад России в региональный импорт не превышает 11%, уступая доле США (53%) и Франции (12%). Расширение присутствия России на рынке ВВТ региона осложняется рядом факторов. С 2018 г. наблюдается характерное для всех ключевых стран-партнёров сокращение объёмов экспорта основных видов вооружений (см. таблицу 5), а в период 2017–2021 гг. страна потеряла 26% своей доли на мировом рынке вооружений по сравнению с 2012–2016 гг.: в рассматриваемый период она снизилась с 24% до 19%. В целях сопоставления заметим: доля США за тот же период увеличилась с 32% до 39%¹⁵.

Представляется, что это связано, с одной стороны, с перенасыщением импортного рынка, а с другой – обусловлено освоением странами лицензионного производства на собственной базе, а также волатильностью политической воли государств в силу специфики сферы ВТС как инструмента продвижения внешних интересов.

Вместе с тем также необходимо учитывать целенаправленную политику поставщиков-конкурентов, ориентированную на укрепление собственных позиций на рынке ВВТ, в том числе путём ослабления позиций России. Об этом свидетельствуют различные меры: в частности, введение западными странами санкций против российских предприятий и организаций с 2014 г. Кроме того, в 2017 г. США – основной конкурент России – приняли закон «О противодействии противникам Америки посредством санкций» (CAATSA), подразумевающий возможность введения вторичных санкций в отношении иностранных

¹⁵ Wezeman P.D., Kuimova A., Wezeman S.T. 2021 Trends in International Arms Transfers. SIPRI. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2022-03/fs_2203_at_2021.pdf (accessed 10.04.2024).

государств и предприятий, заключающих сделки с российскими оборонными предприятиями, включёнными в санкционный список. Характерно, что известны случаи использования СААТСа в качестве инструмента давления на ближневосточных партнёров, поскольку регион остаётся главным получателем ВВТ: несмотря на декларируемые усилия Конгресса по ограничению поставок основных видов вооружений в связи с конфликтом в Йемене, их объём увеличился на 79% с 2010–2014 по 2015–2019 гг., составив 51% от соответствующего экспорта¹⁶.

Наконец, ослабление позиций России на мировом рынке ВВТ сопряжено и с факторами внутреннего характера. Несмотря на наблюдаемые в текущий момент витки возрастающего интереса арабских государств к российским технологиям и вооружениям, зачастую сотрудничество приобретает ситуативный характер¹⁷, не предполагая последующего сервисного и ремонтно-технического обслуживания.

SWOT-анализ конкурентоспособности российской стратегии ВТС со странами Арабского Востока

На текущем этапе взаимодействие России с большинством арабских стран в военной сфере ограничивается экспортными поставками ВВТ. Исключениями выступают несколько стран: так, ВТС с Саудовской Аравией, Алжиром и Египтом включает в себя подготовку кадров в специализированных военных учебных заведениях России (Дуброва 2019: 31), а также в случае последних – регулярное проведение совместных учений. В свою очередь, ОАЭ активно включается не только в торговлю вооружениями с Россией, но и участвует в совместной разработке образцов гражданской техники (например, проект модернизации самолёта МС-21), формируя базу и для следующего этапа российско-эмиратского технического сотрудничества – ВТС.

В дополнение отметим: противодействие террористическим угрозам, безусловно, находит отражение в российской стратегии продвижения своих ВВТ на пространстве арабского мира, однако совместное участие в борьбе с терроризмом имеет скорее «точечный» характер и свойственно взаимодействию со странами, уже являющимися партнёрами России на протяжении длительного исторического периода (см. табл. 3): Сирии и Ираку. В противовес США выбрали антитеррористическую повестку приоритетом при выстраивании взаимоотношений с арабскими странами, укрепляя связи как с рядом арабских партнёров, так и с Израилем. Однако данная политика имеет и обратный эф-

¹⁶ Ежегодник СИПРИ 2020. «Вооружения, разоружение и международная безопасность» со Специальным приложением ИМЭМО РАН. 2021. Пер. с англ. Редкол.: А.А. Дынкин, А.Г. Арбатов, В.Г. Барановский и др. Москва: ИМЭМО РАН. 916 с.

¹⁷ Хетагуров А. Военно-техническое сотрудничество России: государства Ближнего Востока. *Российский совет по международным делам (РСМД)*. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/geopolitics-arms-market/voenno-tehnicheskoe-sotrudnichestvo-rossii-gosudarstva-blizhnego-vostoka> (дата обращения: 10.04.2024).

фект: американо-израильское сотрудничество закономерно препятствует углублению влияния США на рынок ВВТ стран, для которых израильский фактор в отношениях с зарубежными партнёрами неприемлем. Тем не менее круг таких стран в текущий момент сужается на фоне нормализации отношений между Израилем и ССАГПЗ – экономическим лидером Арабского Востока.

Кроме того, хотя статистика заключаемых контрактов демонстрирует потребность стран региона в истребителях, БМП, боевых самолётах и вертолётах, экспортные российские образцы по большей части представляют собой модификацию советских разработок: на рынок не выводятся принципиально новые модели, способные покрыть растущие потребности арабских стран в средствах обороны при свойственной региону ограниченности финансовых ресурсов. В этой связи стоит учитывать, что именно арабские государства со средним и низким уровнем дохода прежде всего тяготеют к сотрудничеству с Россией в противовес ССАГПЗ.

Подчеркнём также, что на данный момент отмечается недостаточная представленность российской продукции в ряде набирающих популярность сегментов, в том числе беспилотной авиации. Более подробно результаты анализа российского ВТС с арабскими странами представлены в таблице 6.

Табл. 6. SWOT-анализ российской системы ВТС со странами ЛАГ
Table 6. SWOT analysis of the Russian system of military cooperation with the countries of the Arab League

Сильные стороны	Слабые стороны
• исторический опыт научно-технологического сотрудничества со странами региона, устойчивая геополитическая основа; • партнёрство по вопросам борьбы с терроризмом; • сохранение баланса в межгосударственных отношениях со сторонами конфликтов, затрагивающих регион; • поддержание конкурентоспособности ВВТ, развитие перспективных видов вооружений, в т. ч. гиперзвуковых стратегических комплексов, систем с использованием технологий искусственного интеллекта и др.	• необходимость модернизации образовательных программ для подготовки отечественных и иностранных специалистов в рамках ВТС; • длительный процесс реформирования, представляющаяся пока недостаточно «отлаженной» система сопровождения сделок; • зависимость от импортных комплектующих при производстве ряда современных образцов ВВТ, в особенности в сфере радиоэлектроники и оптики¹⁸; • задержка испытаний новых образцов ВВТ (БМП «Курганец-25»); • задержка серийного производства ряда современных ВВТ (например, истребителей пятого поколения Су-57 и Су-75, танка Т-14 «Армата», самоходной артиллерийской установки 2С35 «Коалиция-СВ» и др.) • недостаточная представленность России в ряде рыночных ниш: самолёты ДРЛОиУ, разведывательные самолёты, учебно-тренировочные самолёты, БЛА класса MALE и HALE, тактические БЛА¹⁹.

¹⁸ Патрушев указал на дефицит компетентных маркетологов и зависимость от импорта в ОПК. 2020. *Информационное агентство России ТАСС*. 9 июня. URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/8683581> (дата обращения: 10.04.2024).

¹⁹ Позиционирование России по объёму экспорта в 29 категориях обычных вооружений в 2013–2020 гг. *Центр анализа мировой торговли оружием*. URL: <https://armstrade.org/files/analytics/601.pdf> (дата обращения: 10.04.2024).

Возможности	Угрозы
• политика стран региона, направленная на компенсацию дискриминационных действий США по сохранению военного превосходства Израиля; • применение новых форм внешнеэкономических операций, в т. ч. офсетных; • расширение реализуемых форм ВТС, в т. ч. контракты жизненного цикла, создание регионального центра по послепродажному обслуживанию и сервису, совместные фонды НИОКР; • демонстрация актуальных технических характеристик российских ВВТ в условиях боевых действий; • заключение контрактов в национальных валютах; • частичная локализация производства; • повышение уровня сопровождения сделок по «советскому образцу»: предпродажная подготовка оружия и боевой техники, своевременная доставка покупателю, техническая документация на арабском или английском, французском языках, комплектующие, материалы для ремонта и сервисного обслуживания; • расширение практики подготовки кадров иностранных государств и межсекторного взаимодействия: проведение совместных учений, поставка тренажёров, предоставление учебно-материальной базы, модернизация образовательных программ в РФ; • разработка и продвижение высокотехнологичных моделей ВВТ (например, БПЛА, систем ПВО и ПРО, автоматизированной и мобильной техники с использованием систем ИИ, радиоэлектроники, зондов и др.).	• введение новых ограничений со стороны государств – поставщиков компонентной базы и агрессивная политика конкурентов; • политика диверсификации поставок и/или переориентации, проводимая странами-партнёрами в условиях международной нестабильности; • приоритет выполнения гособоронзаказа над экспортными контрактами с целью удовлетворения потребностей российской армии в условиях СВО; • финансовая несостоятельность ряда предприятий российского ОПК.

Источник: составлено авторами.

Таким образом, дальнейшее расширение военно-технического сотрудничества России со странами ЛАГ дополнительно осложняется и проводимой специальной военной операцией на Украине: производство ряда образцов ВВТ в настоящее время ещё зависит от поставок высокотехнологичных импортных комплектующих, подпавших под ограничения вследствие введения санкций против Российской Федерации. Кроме того, в краткосрочной перспективе очевиден приоритет удовлетворения срочных потребностей российской армии над экспортными поставками в страны дальнего зарубежья.

В результате в условиях вероятного переноса сроков исполнения российских контрактов прогнозируется дальнейшее наращивание поставок в регион ВВТ китайского производства «без политических обязательств»²⁰. Сочетание выгодных ценовых параметров, которые может предложить Пекин, и потенциала китайского ВПК является важным преимуществом КНР по сравнению с другими поставщиками.

²⁰ Конкурируя с Россией, отодвигая Америку. *Новости ВПК*. 2022. 17 октября. URL: https://vpk.name/news/641313_konkuriruya_s_rossiei_otodvigaya_ameriku.html (дата обращения: 10.04.2024).

Несмотря на положительные для России эффекты расширения Китая в арабском регионе, в том числе снижение зависимости арабских стран от американских поставок путём сведения к минимуму использования доллара при заключении контрактов, освоение Китаем такой традиционной для РФ рыночной ниши, как ВВТ, представляет собой существенную долгосрочную угрозу. Кроме того, стоит учитывать и стремление Индии по становлению в качестве самостоятельного экспортёра на мировом рынке вооружений. Страна имеет значительный потенциал и может занять высокотехнологичную нишу на рынках ВВТ государств с низким и средним уровнем дохода, в том числе в сегменте ракетных систем, где имеет сравнительные преимущества.

Отметим, однако, что даже при условии коммерческой привлекательности китайских технологий, переход на системы производства КНР пока не является предпочтительным вариантом для ряда государств. Так, для стран с низким и средним уровнем дохода целесообразным будет модернизация существующих, в том числе российских (ранее – советских), систем, а для более богатых монархий Персидского залива – наращивание сотрудничества с поставщиками, качество продукции которых активно демонстрируется в условиях текущих вооружённых конфликтов.

Актуальные тенденции в развитии форм и инструментов ВТС России с арабскими странами

Представляется, что повышению эффективности российской системы ВТС с арабскими партнёрами будет способствовать расширение применяемых форм взаимодействия в противовес «точечной» коммерческой реализации вооружений и техники, в том числе создание соответствующих межправительственных комиссий, проведение совместных учений и испытаний, предоставление услуг сервисного характера и т. д.

Отметим, что такие формы сотрудничества уже практикуются в рамках российско-арабского взаимодействия. Например, в 2021 г. было подписано межправительственное соглашение о военно-техническом сотрудничестве России и КСА. В том же году на полигоне Тарское в Северной Осетии прошли первые совместные российско-алжирские тактические учения, а в 2022 г. в Алжире впервые стартовали антитеррористические учения «Щит пустыни» при участии России.

В целом на современном этапе определяющее значение будет иметь принятие усилий по развитию модели межсекторного взаимодействия на всех этапах разработки и производства ВВТ, поскольку, как уже отмечалось ранее, ВТС является инструментом продвижения геополитических интересов и предполагает установление долгосрочных взаимоотношений между заказчиком и поставщиком в противовес агрессивному тактическому маркетингу и гибкой ценовой политике, свойственным традиционным рынкам.

В общем смысле представляется, что модернизация российской системы ВТС с арабским миром не обязательно предполагает развитие «с нуля»: образцом взаимодействия с арабскими партнёрами может выступать советский опыт. Одновременно необходимо учитывать приоритеты национальной политики государств-партнёров. Анализ показывает, что в стремлении укрепить обороноспособность при одновременном курсе на развитие отечественной технологической базы, страны всё чаще делают выбор в пользу лицензионного производства или совместных проектов. Так, например, в соответствии с концепцией «Видение Саудовской Аравии – 2030», Королевство взяло на себя обязательство локализовать 50% расходов на оборону.

Подобные тенденции в региональном и глобальном масштабах обуславливают необходимость трансформации системы ВТС и перехода от простой коммерческой реализации ВВТ с последующим сервисным обслуживанием к рассмотренным выше альтернативным формам. Важно отметить, что без стройной и отлаженной системы сопровождения сделок по ВТС оружие и боевая техника выходят из строя, превращаются в горы металлолома и дискредитируют страну-поставщика. Несмотря на сохраняющийся риск прототипирования и снижения экспортных доходов, необходимость удержания рынка, а также рост темпов устаревания технологий определяют готовность других крупных экспортёров идти на подобные уступки, заключая, например, контракты на офсетной основе. В этом контексте наиболее выгодным для России представляется проведение совместных НИОКР (например, с Египтом, КСА и ОАЭ), что косвенно будет способствовать развитию собственного кадрового потенциала, укреплению отечественной научной школы.

Кроме того, как известно, современные концепции войн шестого и седьмого поколений, или так называемых «сетевых войн» («бесконтактных», «дистанционных», «асимметричных») фокусируются не столько на улучшении тактико-технических характеристик вооружений, сколько на повышении качества горизонтальной и вертикальной интеграции участников военных действий, в том числе с использованием технологий Индустрии 4.0 (Чаднов, Гель и др. 2018: 28). Подобные глобальные тенденции открывают новые возможности взаимодействия между Россией и Арабским Востоком: так, например, одним из наиболее эффективных способов освоения боевых систем последних моделей и достижения углублённого понимания кадрами принципов военного дела является обучение на компьютерных учебно-боевых тренажёрах, которые также могут быть предоставлены иностранным государствам в рамках ВТС.

Одновременно, поскольку разработка и внедрение образцов на базе цифровых технологий (например, систем управления тактическим звеном, автономных БПЛА, биометрических систем и т. п.) являются затратными, целесообразно создание общих фондов НИОКР, производственных предприятий с иностранным участием и последующее проведение совместных испытаний.

Ещё одним из наиболее перспективных направлений сотрудничества можно назвать сферу кибербезопасности, в которой в том числе нуждаются арабские страны. Так, атаки дронами и ракетами компании Saudi Aramco, то есть критически важных объектов нефтяной инфраструктуры Саудовской Аравии, часто расцениваются именно как угроза, возникшая в результате пробелов в системе цифровой безопасности. В то же время Россия обладает необходимыми наработками в этой области как на частном (АО «Лаборатория Касперского»), так и на государственно-частном уровне (концерн «Калашников») (Жданеев 2020). Представляется, что наукоёмкие стратегические технологии – это вектор российско-арабского сотрудничества, обладающий на сегодняшний день серьёзным, но нереализованным потенциалом. Одновременно необходимо учитывать растущие опасения арабских партнёров: взаимодействие с российскими компаниями по вопросам, сопряжённым с обеспечением национальной безопасности арабских государств, напрямую увеличивает риск вторичных санкций.

В том, что касается страновых приоритетов, статистические данные (см. таблицы 2 и 3) подкрепляют ранее высказанный нами тезис: наиболее тесные связи арабских стран с Россией исторически обусловлены и базируются на советском опыте. Представляется, что это также можно считать одним из проявлений провала в преодолении культурно-цивилизационных барьеров входа на новые рынки в постсоветский период. С нашей точки зрения, подобное объяснение сложившейся ситуации – единственное, так как намеренное игнорирование наиболее платёжеспособных арабских рынков можно исключить. Например, в отличие от Алжира, спрос ССАГПЗ, несомненно, является стратегической целью «завоевания» для России в борьбе с расширением влияния США и растущими рыночными притязаниями новых экспортёров.

Вместе с тем в контексте совместных научных разработок, особенно обращает на себя внимание поставка в Египет разведывательных спутников EgyptSat-A в 2019 г. Здесь отметим: Россия – ключевой стратегический партнёр арабских стран в сфере космоса, в том числе для Египта, в связи с тем, что не только принимает участие в разработке летательных аппаратов, но и предоставляет в дальнейшем площадки для их запуска, а также возможности обучения специалистов.

Что касается непосредственно EgyptSat-A, в сущности, он представляет собой спутник, предназначенный для зондирования поверхности Земли и производства оптической разведки. Его разработка, как и создание предыдущей модели EgyptSat-2, была поручена российской ракетно-космической корпорации «Энергия». Учитывая, что в 2015 г. первый созданный для Египта спутник вышел из строя, случай был признан страховым, компания запустила в производство аналогичный по функционалу, но усовершенствованный EgyptSat-A, поставка которого и отражена в таблице 4.

Кроме того, важно упомянуть: часть финансовых средств для изготовления Россией спутника для Египта была выделена Китаем в качестве гранта египетской стороне²¹. Возможно, именно трёхсторонняя кооперация – наиболее подходящий вариант сотрудничества с Арабским Востоком, часто испытывающим трудности как в финансовом, так и технологическом плане.

Несмотря на стратегическую значимость устойчивых взаимоотношений России с арабскими странами в сфере научно-технического сотрудничества, в том числе его военных аспектах, необходимо постоянно учитывать риски политической дестабилизации в арабском мире и соседних государствах. В силу особенности регионального политико-социального развития армия и военная мощь стали главным механизмом защиты национальных интересов и суверенитета данных государств. Одновременно ряд арабских стран (в том числе Кувейт, Бахрейн, ОАЭ, Катар и др.) рассматривают присутствие иностранного военного контингента как гарантию безопасности, придерживаясь политики «аутсорсинга безопасности». Таким образом, уязвимость региона, определяющая потребность стран в укреплении вооружённых сил вкупе со стремлением мировых держав усилить свои позиции на Арабском Востоке, обуславливает его статус как зоны геополитического «разлома».

В свою очередь, стремление арабских стран получить различного рода иностранную помощь при отсутствии диверсификации внешнеэкономических связей приводит к возникновению зависимости от стран-доноров, поставляющих в регион не только материальные ресурсы, но и технологии. При этом, реализуя продукцию стратегического назначения, в том числе военного, поставщики закономерно руководствуются не «филантропическим» стремлением содействовать переходу региона к устойчивому развитию, а исключительно частными интересами.

Заключение

Подытожив, можно выделить следующие риски социально-экономического характера, напрямую влияющие на позиционирование России на арабском рынке:

- снижение эффективности государственных институтов региона, потеря доверия к органам государственного управления, социально-экономическая нестабильность (Сирия, Ирак, Ливан, Йемен, Ливия, Судан);
- повышение конфликтного потенциала арабского мира, развитие теневой торговли оружием с последующим нарушением эмбарго на поставки;

²¹ Why China decided to fund EgyptSAT-A. 2019. *Space In Africa*. 29 January. URL: <https://africanews.space/why-china-decided-to-fund-egyptsat-a/> (accessed 10.04.2024)

- рост государственного долга ряда арабских стран (Ливан – 115% от ВВП, Ливия – 99%²²)²³ (Бартенев 2020).

Стоит отметить, что исследование было в определённой степени осложнено нехваткой достоверных данных в открытом доступе и соответствующей невозможностью репрезентативной оценки потенциала освоения рынка региона «новыми» экспортерами ВВТ. Тем не менее гипотеза, выдвинутая авторами, подтвердилась: углубление сотрудничества с арабскими государствами по военно-техническим вопросам может способствовать укреплению репутационного капитала отечественного ВПК и повышению его международной конкурентоспособности. В то же время игнорирование возможностей активизации и оптимизации российского ВТС с Арабским Востоком будет способствовать всё более очевидному исключению России из арабской и в более широком смысле – ближневосточной повестки.

В этой связи России, выступающей одним из гарантов безопасности в регионе, необходимо принять решительные и сбалансированные меры, направленные, с одной стороны, на удержание собственных позиций и выстраивание долгосрочных отношений с государствами, а с другой – на компенсацию дисбалансов, вызванных действиями других акторов. Тем не менее в фарватере развития российской системы ВТС первостепенной задачей становится не столько прямая конкуренция с США и другими традиционными партнёрами арабских стран, сколько стремление занять собственную нишу на арабском рынке ВВТ с учётом объективных возможностей России как поставщика, а также потребностей партнёров.

В связи с этим приоритетными формами ВТС как части реализации научного потенциала обеих сторон является не «точечная» коммерческая реализация продукции военного назначения, а укрепление многостороннего партнёрства по вопросам контроля над вооружениями, формирование институциональной основы миротворческих миссий, проведение совместных опытно-конструкторских работ, а также сервисное сопровождение реализованной продукции военного назначения. В конечном счёте целью российско-арабского ВТС в первую очередь должно стать достижение равновесия сил в регионе, содействие обеспечению суверенитета государств и поддержка в них тенденций устойчивого развития в интересах долгосрочного взаимовыгодного сотрудничества сторон.

²² Date to GDP Ratio by Size. *World Economics*. URL: <https://www.worldeconomics.com/Debt/> (accessed 10.04.2024)

²³ Бартенев В. 2020. Международная помощь странам Ближнего Востока и Северной Африки: управляя рисками. Доклад № 62/2020. *Российский совет по международным делам (РСМД)*. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/MENA-IntAid-Report62.pdf> (дата обращения: 10.04.2024)

Об авторах:

Алина Александровна Жильченко – магистр экономики, Факультет мировой экономики и международного права Дипломатической академии МИД России, 119992 Москва, ул. Остоженка, 53/2.

E-mail: a.alzhil@yandex.ru

Марианна Николаевна Пасько – аспирант кафедры мировой экономики Дипломатической академии МИД России, 119992 Москва, ул. Остоженка, 53/2. E-mail: marianna-pasko@mail.ru

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

UDC 355.02/03(57)
Received: August 10, 2023
Accepted: December 27, 2023

Strategy of Russian Military Cooperation with the Countries of the Arab Region

 A.A. Zhilchenko, M.N. Pasko
[DOI 10.24833/2071-8160-2024-2-95-31-53](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-2-95-31-53)

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Abstract: The article undertakes an analysis of the prospective domains of Russian military collaboration with Arab countries against the backdrop of geopolitical uncertainties. Despite maintaining its position as the second-largest arms exporter globally, Russia has experienced a proportional decline in its share of the global arms market. Nevertheless, a discernible up-tick in the trade volume of conventional weaponry, coupled with cyclical enhancements in the tactical and technical attributes of military assets, reflects positive momentum in this sector. Amid prevailing external constraints and a noticeable scarcity of contemporary Russian weaponry in burgeoning segments of the arms market, Russia necessitates resolute and equitable measures to uphold and fortify collaborative ties with partner nations. Within this context, particular emphasis is placed on Russia's strategic military cooperation with Arab states, given the region's status as a focal point of geopolitical interests for major economies and a primary destination for arms imports.

The article scrutinizes Russia's competitive standing in the arms and military equipment markets of the Arab world, acknowledging the region's significance as a pivotal importer of such goods. Employing a multifaceted evaluation encompassing absolute and relative statistical metrics and derived indices, the study assesses the region's role in global arms procurement. Moreover, it offers an appraisal of the existing state and potential avenues for enhancing the efficacy of the Russian-Arab military-technical collaboration framework. The discourse delves into the transformative prospects of this partnership within the framework of network-centric warfare concepts. Furthermore, the article elucidates the principal risks inherent in military cooperation among nations at present, highlighting concerns regarding the possible manipulation of military-technical cooperation mechanisms to serve as leverage in furthering the geopolitical aspirations of specific stakeholders.

In conclusion, the study posits forward-looking trajectories for bolstering bilateral relations, both sectorally and geographically. These include initiatives such as expanding licensing, leasing, offset transactions, and technology transfer initiatives; advocating for fifth-generation fighter aircraft and long-range radar detection and control systems, leveraging Industry 4.0 technologies; and prioritizing the training of foreign specialists.

Keywords: military cooperation, Russian weapons exports, the Arab East, military production, geopolitical interests, balance of power, national security, Russian-Arab cooperation

About the authors:

Alina A. Zhilchenko – Master of Economics, World Economy and International Law Faculty, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 119992 Moscow, Ostozhenka st., 53/2. E-mail: a.alzhil@yandex.ru

Marianna N. Pasko – Postgraduate Student of the Department of World Economy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 119992 Moscow, Ostozhenka st., 53/2. E-mail: marianna-pasko@mail.ru

Conflict of interests:

The authors declare the absence of conflict of interests.

References:

Chadnov A.P., Gel V.E., Gudkov M.A. 2018. «Cifrovye» Vooruzhennyye sily Rossijskoj Federacii. Chast' 1. Rol' voennyh setevykh cifrovyyh tehnologij v stroitel'stve i razvitii VS RF novogo oblika ["Digital" Armed Forces of the Russian Federation. Part 1. The Role of Military Network Digital Technologies in the Construction and Development of the RF Armed Forces of a New Look]. *Informacija i kosmos*. №1. P. 25–32 (In Russian).

Chemezov S., Goreslavsky S. 2019. Diversifikaciya rossijskogo e'ksporta vooruzhenij: venesue'lskij case study [Diversification of Russian Arms Exports: Venezuelan Case Study]. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*. 63(2). P. 29–35. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-2-29-35

Dubrova E.E. 2019. Voennoe vzaimodejstvie Rossii i Blizhnego Vostoka v XXI v. v kontekste voennogo sotrudnichestva SShA so stranami regiona [Military Cooperation between Russia and the Middle East in the 21st Century in the Context of the Cooperation between the United States and the Countries of the Region]. *Vestnik Permskogo universiteta. Serija: Politologija*. 13(3). P. 25–35 (In Russian) DOI: 10.17072/2218-1067-2019-3-25-35

Kashin V.B. 2023. Menyayushhiesya kontury' voenno-texnicheskogo sotrudnichestva Rossii i Indii [The Changing Contours of Russia-India Defense Engagement]. *MGIMO Review of International Relations*. 16(2). P. 104–119. (In Russian). DOI: 10.24833/2071-8160-2023-2-89-104-119

Shchekin A. S. 2022. Voennno-texnicheskoe sotrudnichestvo Rossii so stranami Blizhnego Vostoka kak faktor stabil'nosti v regione [Russia's Military-Technical Cooperation with Middle Eastern States as a Factor of Stability in the Region]. *Rossiia i sovremenniy mir*. №2. P. 6–26 (In Russian). DOI: 10.31249/rsm/2022.02.01

Vlasova I.A., Vlasov S.O. 2019. Voennno-texnicheskoe sotrudnichestvo i konkurenciya Rossii i Kitaya na sovremennom mirovom ry'nke vooruzhenij kak faktory' rossijsko-kitajskix otnoshenij [Military-Technical Cooperation and Competition between Russia and China in the Modern World Arms Market as Factors of Russian-Chinese Relations]. *Obshchestvo: politika, e'konomika, pravo*. 7(72). (In Russian). DOI: 10.24158/pep.2019.7.4

Zhdaneev O. (ed.). 2020. *Voprosy tehniceskoy politiki otraslej TJeK Rossijskoj Federacii* [Issues of Technical Policy of the Branches of the Fuel and Energy Complex of the Russian Federation]. Moscow: Science. DOI: 10.7868/9785020408241 (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Власова И.А., Власов С.О. 2019. Военно-техническое сотрудничество и конкуренция России и Китая на современном мировом рынке вооружений как факторы российско-китайских отношений. *Общество: политика, экономика, право*. 7(72). DOI: 10.24158/рер.2019.7.4

Дуброва Е.Е. 2019. Военное взаимодействие России и Ближнего Востока в XXI в. в контексте военного сотрудничества США со странами региона. *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*. 13(3). С. 25–35. DOI: 10.17072/2218-1067-2019-3-25-35

Жданев О.В. (ред.). 2020. *Вопросы технической политики отраслей ТЭК Российской Федерации*. Москва: Наука. DOI: 10.7868/9785020408241

Кашин В.Б. 2023. Меняющиеся контуры военно-технического сотрудничества России и Индии. *Вестник МГИМО-Университета*. №16(2). С. 104–119. DOI: 10.24833/2071-8160-2023-2-89-104-119

Чаднов А.П., Гель В.Э., Гудков М.А. 2018. «Цифровые» Вооружённые силы Российской Федерации. Часть 1. Роль военных сетевых цифровых технологий в строительстве и развитии ВС РФ нового облика. *Информация и космос*. №1. С. 25–32.

Чемезов С.В., Гореславский С.С. 2019. Диверсификация российского экспорта вооружений: венесуэльский case study. *Мировая экономика и международные отношения*. 63(2). С. 29–35. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-2-29-35

Щёкин А.С. 2022. Военно-техническое сотрудничество России со странами Ближнего Востока как фактор стабильности в регионе. *Россия и современный мир*. №2. С. 6–26. DOI: 10.31249/rsm/2022.02.01

Советско-индийские отношения на начальном этапе их эволюции

С.И. Лунев

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России
Институт востоковедения РАН

Ко Второй мировой войне у СССР практически не было опыта и сложившихся традиций взаимодействия со странами Южной Азии. Первоначально советско-индийские отношения можно было охарактеризовать как прохладные, что было во многом связано с отсутствием достоверной информации друг о друге. В военные годы СССР недооценил преимущества установления тесных отношений с индийскими левоцентристами, предпочтя им коммунистов, которые предоставляли Кремлю фальсифицированные данные о национально-освободительном движении в стране.

В статье исследуется, как развивались и укреплялись двусторонние связи по мере роста количества сведений друг о друге. Уже второй этап советско-индийских отношений (1955–1971 гг.) можно назвать периодом «рождения дружбы»: укрепляется образ партнёра в глазах советских и индийских политиков и общественности. Ключевую роль в изменении политики сыграла советская дипломатия: дипломаты стремились собирать важнейшую информацию о происходящем в стране, передавать её в СССР и содействовать двустороннему сближению, действуя иногда даже в нарушение инструкций.

Отдельное внимание в статье уделено деятельности лидера левого крыла Индийского национального конгресса Субхаса Чандры Боса, который по индийским социологическим опросам о наиболее выдающихся политиках XX в. уступает лишь Махатме Ганди. В годы Второй мировой войны он был непримиримым борцом с британскими колонизаторами. Советский Союз не обращал должного внимания на С.Ч. Боса, хотя потенциально он мог быть полезным партнёром Москвы.

В настоящее время снова остро встаёт проблема слабой информированности друг о друге, что препятствует развитию более тесных политических, экономических и культурно-гуманитарных связей между Россией и Индией.

Ключевые слова: СССР, Индия, двусторонние отношения, информационная база, Бос, мифология, Сталин, Германия, Япония, Вторая мировая война

В настоящий момент внимание многих российских историков справедливо сконцентрировано на успехах советской внешней политики. Однако в истории внешней политики были и другие страницы, которые также необходимо тщательно анализировать для извлечения из них ценных уроков. Одним из таких вопросов остаётся сюжет о проблемах раннего этапа советско-индийских отношений.

Цель настоящей статьи – выявить базовые факторы, которые способствовали тому, что советско-индийские отношения на начальных этапах (до середины 1950-х гг.) были в достаточной степени прохладными. Гипотеза заключается в том, что партнёрство между Москвой и Дели в целом не было основано на прочном историческом фундаменте, который адаптируется к геополитическим изменениям, а базовым фактором настороженного отношения к партнёру было практическое отсутствие надёжных сведений о другой стороне.

Теоретической основой работы является конструктивизм, в центре внимания которого находится восприятие, идеологии и стратегическая культура государств. Основным методом в статье выступил историко-генетический.

Как ни парадоксально, научных работ по истории отношений Индии и России довольно мало. Советские учёные были обязаны занимать идеологически «правильную» позицию и сверять полученные результаты с официальными советскими документами. Поэтому в СССР так и не было издано ни одной научной монографии, в которой изучались бы различные параметры советско-индийских отношений. Опубликованные работы можно характеризовать как пропагандистские. После 1991 г. некоторое внимание исследователей сосредоточилось на начальном периоде советско-индийских отношений, но число работ российских авторов осталось небольшим. Отдельные аспекты анализируются в работах С.И. Лунева (Лунев 1993), Г. Горошко и В. Скосырева (Горошко, Скосырев 1999), С.И. Лунева и Г.К. Широкова (Лунев, Широков 2001), «Индия – Россия. Диалог цивилизаций» (Индия – Россия 2003), «Индия сегодня» (Индия сегодня 2005), С.И. Лунева и А.В. Шахматова (Лунев, Шахматов 2006), Ф.Н. Юрлова и Е.С. Юрловой (Юрлов, Юрлова 2010), «Россия – Индия: 70 лет дипломатических отношений» (Россия – Индия 2017).

В биполярный период индийские авторы опубликовали много работ, в которых содержался анализ начального периода советско-индийских отношений¹, но после 1991 г. их интерес к проблематике существенно ослаб из-за ослабления влияния России в мире. Большинство новых трудов представлены отдельными статьями в коллективных монографиях. Западные исследователи обычно рассматривают советско-индийские отношения в контексте глобальных проблем.

¹ Особо следует выделить работы Зафара Имама (Imam 1975) и Дж.А. Вибхакара (Vibhakar 1972).

Что касается специального вопроса исследования – деятельности С.Ч. Боса – то практически все работы по этой проблематике написаны индийскими авторами или опубликованы в Индии² (Purcell 2010; Gordon 2021; Roy 2011; Pattnaik 2014).

Вторая мировая война и Субхас Чандра Бос

В сентябре 1939 г. Великобритания объявила Индию «воюющей» стороной. В результате произошёл раскол национально-освободительного движения страны, и ряд индийских политиков стал ориентироваться на Японию и Германию, рассчитывая, что те окажут содействие достижению независимости Индии.

Субхас Чандра Бос (1897–1945 гг.) возглавил «Индийскую национальную армию», которая была создана Японией и участвовала в военных действиях в Бирме. Этот индийский деятель был кумиром бенгальцев, особенно молодёжи, дважды становился мэром Калькутты и являлся лидером левого крыла Индийского национального конгресса. Его основной целью была ликвидация колониального положения Индии. В 1938 г. С.Ч. Бос был избран президентом Конгресса. Его избрание и усиление левого крыла Конгресса вызвало негативную реакцию Махатмы Ганди, которому был не нужен президент партии, не разделявший основ партийной идеологии и тактики, прежде всего – идей ненасилия. Бос стал активно призывать к вооружённому выступлению против колонизаторов, тем более что в воздухе все сильнее «пахло порохом»: восстание, полагал Бос, в условиях надвигавшейся войны имело все шансы на успех. Эти призывы не поддержали другие члены руководства партии, включая Джавахарлала Неру: принадлежа, как и Бос, к левому крылу партии, он всё же выступал за ненасилие. В партии начался разброд, завершившийся расколом: С.Ч. Бос создал в рамках Конгресса свою партию «Форвард блок» (Блок «Вперед!»), но объединить в ней все левые силы Конгресса не смог; многие видели в его деятельности стремление ослабить партию. В августе 1939 г. Рабочий комитет Конгресса отстранил С.Ч. Боса от руководства бенгальским отделением партии и запретил ему выдвигать свою кандидатуру в руководящие органы партии на три года.

Уже в 1938 г. С.Ч. Бос, считая Германию потенциальным союзником против британских колониальных властей, пошёл на контакт с немецким консулом в Калькутте (Gandhi 2014: 422). Сразу после начала Второй мировой войны он, выступая на заседании Рабочего комитета Индийского национального конгресса, заявил, что никакие «индийцы, индийские средства и ресурсы не должны участвовать в империалистической войне»³. Летом 1940 г. политик был аресто-

² Chaudhuri S.R. 20.12.2020. The Netaji Mystery: Marking the End of Another 'Baba' Story. *The Wire* (New Delhi). URL: <https://thewire.in/history/netaji-subhas-chandra-bose-gumnam-baba> (accessed 04.04.2024)

³ The Hindu (Delhi). 04.09.1939.

ван колониальными властями за антибританскую деятельность и посажен под домашний арест. 27 января 1941 г. С.Ч. Бос смог бежать из-под ареста и отправился в Советский Союз через Афганистан. Там он носил пуштунскую одежду и изображал из себя глухонемого, чтобы не выдать себя незнанием языка. С помощью местных сподвижников (полагают, что среди них были агенты германской разведки) индийский политик добрался до Пешавара, затем до Кабула, где германское посольство выдало ему транзитную визу, и далее – до советской границы. В Москве С.Ч. Бос попытался заинтересовать советскую сторону перспективами антибританского восстания в Индии, но, насколько известно, никто из крупных советских деятелей не обратил на это внимания. Согласно архивным данным, советские политические руководители не стали встречаться с ним в Москве (Юрлов, Юрлова 2010: 221).

Дело в том, что британцы установили в Индии настоящий железный занавес для СССР. После Октябрьской революции британские власти делали всё возможное, чтобы никакие граждане Советского Союза не посещали Южную Азию, а от разведывательной сети, широко развернутой царской администрацией на Индостане, большевики отказались сами. В результате практически всю свою информацию об Индии, вплоть до получения ею независимости, Москва получала от индийских коммунистов, а те расценивали конгрессистов как своих главных внутренних оппонентов. В итоге в Кремле очень подозрительно относились к лидерам Индийского национального конгресса.

После неудачной попытки договориться с советскими властями С.Ч. Бос с помощью германского посла в Москве графа Ф.В. фон дер Шуленбурга выехал в Берлин. Индийский политик выдвинул «План сотрудничества между державами оси и Индией», основной целью которого было прекращение колониального правления Великобритании в Индии. Специально следует выделить то, что индийский деятель крайне негативно отнёсся к нападению Германии на СССР и сразу заявил, что с июня 1941 г. индийцы стали считать «Третий рейх» агрессором.

В начале 1943 г. нетаджи (вождь), как стали именовать С.Ч. Босу, переехал в Японию, где он стал лидером 50-тысячной Индийской национальной армии, которая создавалась японцами из числа лиц индийского происхождения, проживавших в Юго-Восточной Азии, и индийских военнопленных. Япония захватила Бирму, где и оказалась Индийская национальная армия, но на вторжение в Индию (и на Цейлон) сил у неё уже не хватило. Весной 1944 г. прошла единственная крупная военная операция, но она завершилась серьёзным поражением японских войск и ИНА.

С.Ч. Бос полагал, что Советский Союз в будущем неизбежно окажется противником Британии, и желал выступить на советской стороне. Уже в ноябре 1944 г. индийский политик наладил связи с советским посольством в Японии. По некоторым данным, куратор Индийской национальной армии генерал-майор Исода Сабуро дал согласие на то, чтобы индийский политик С.Ч. Бос пере-

брался через Маньчжурию в Москву (Purcell 2010). По всей видимости, именно в ходе этой операции С.Ч. Бос попал на Тайване в авиационную катастрофу и погиб 18 августа 1945 г. Его пепел был захоронен в храме Ренкоджи в Токио. Японцы старательно ухаживают за могилой С.Ч. Боса, которого еще при жизни называли «индийским самураем».

Мифологизация С.Ч. Боса или жизнь после смерти

Множество индийцев, особенно в Бенгалии, не поверили в информацию о смерти политика на Тайване. Появилась легенда, что С.Ч. Бос был схвачен британцами, перевезен в Дели и там тайно убит. Но чаще утверждали, что политик долетел до Маньчжурии и сдался советским властям, но интерпретация дальнейших событий была различной. По одному из мифов, получивших распространение с 1950-х гг., С.Ч. Бос был отпущен Москвой в Индию, где он стал проживать инкогнито. Люди, верившие в это, утверждали, что он жил в разных местах штата Уттар-Прадеш, стал святым (садху), участвовал в похоронах Махатмы Ганди, создал свой ашрам (обитель отшельников и мудрецов), практиковал медитации в целях спасения всего человечества (Gordon 2021). Назывались различные имена отшельников, наиболее часто – святого Гумнами-бабы, умершего в 1985 г. (племянница С.Ч. Боса Лалита, которая смогла добиться указания Высшего суда в Аллахабаде об исследовании имущества покойного, заверяла, что обнаруженные письма написаны рукой её дяди) (Chaudhuri 2020).

По другой версии, С.Ч. Бос находился в заключении в одном из лагерей ГУЛАГа в районе Байкала. Небольшое количество лиц, придерживавшихся данной легенды, считало, что индийский политик стал орудием советского нажима на Дж. Неру и М. Ганди. Как правило, сторонники этой легенды считали, что это как раз лидеры ИНК просили Москву, согласную выпустить С.Ч. Боса из тюрьмы, не освобождать его якобы из-за опасений, что он станет их главным противником в Индии. Особенно эту версию раскручивают сторонники ныне правящей Бхаратия Джаната партии, чьим основным соперником является Индийский национальный конгресс. Так, член индийского парламента Субраманиян Свами недавно выступил с утверждением, что Боса якобы убили по приказу И.В. Сталина в Якутске⁴.

Индийская общественность настолько поверила во все эти легенды, что в Дели в разные годы создавались комиссии по изучению обстоятельств смерти С.Ч. Боса. Комитет под руководством генерала Индийской национальной армии Ш.Н. Кхана, созданный в 1956 г., и комиссия бывшего главного судьи Пенджаба Г.Д. Кхослы (в 1970 г.) пришли к заключению о реальности смерти выдающегося

⁴ Shukla V.K. Alleged role of Stalin in killing of Subhas Chandra Bose too impacted India-Russia relations? *OneIndia*, 04.10.2018. URL: <https://www.oneindia.com/india/alleged-role-of-stalin-in-killing-of-subhas-chandra-bose-too-impacted-india-russia-relations-2787607.html> (accessed 04.04.2024)

политика в 1945 г. В ходе многолетней работы третьей комиссии под руководством М.К. Мукерджи, бывшего судьи Верховного суда Индии (начало работы – 1999 г.) были организованы поездки в Японию, Тайвань и Россию, в ходе которых были исследованы тысячи документов. В 2005 г. Комиссия сделала заключение, что С.Ч. Бос не мог погибнуть в 1945 г., а на Тайване вместо него был похоронен японский военнотружующий, что существовал японский секретный план по безопасному переезду индийского деятеля в Советский Союз. Было отмечено, что нет ни одного письменного свидетельства о крушении самолета на взлетной полосе, нет даже сообщений об аварии в тайваньской прессе, не было обнаружено официальных документов о смерти С.Ч. Боса и других пострадавших. При этом одновременно были отвергнуты слухи о казни нетаджи в Дели и об идентификации Гумнами-баба с С.Ч. Босом. Комиссия высказала недовольство, что не смогла изучить ряд архивных документов, хранящихся в Великобритании, Индии и России. Индийское правительство выразило несогласие с данными выводами⁵, а по поводу отказа в доступе к некоторой информации отметило, что речь идёт о документах, которые были уже ранее уничтожены как ненужные⁶.

Нельзя не обратить внимания и на то, что миф о нахождении индийского политика в советской тюрьме базируется на недоказанной информации, полученной от неизвестных источников. Так, утверждается, что некий стенографист якобы печатал письмо Дж. Неру премьер-министру Великобритании, в котором заявлялось, что «ваш военный преступник Бос получил от Сталина разрешение въехать на российскую территорию» (странным образом была даже сохранена копия письма, которое, правда, содержало чудовищные опечатки⁷); что некий немецкий инженер поведал другому индийскому инженеру в 1960-х гг. о том, что индийский политик сидел в тюрьме где-то в Сибири; что один научный сотрудник РАН якобы утверждал о существовании документа Политбюро об обсуждении в 1946 г. вопроса о нахождении С.Ч. Боса в Советском Союзе (Roy 2011) (комиссия М.К. Мукерджи опровергла эту информацию)⁸.

Причины, которые вызвали появление различных конспирологических мифов, ясны. Следует принимать во внимание роль легендарного и харизматического С.Ч. Боса для Индии, и особенно для Бенгалии. По ряду социологических опросов, проведённых в Индии, он выходит на второе место среди исторических деятелей XX в., опережая Дж. Неру и уступая только М. Ганди. Любителей теорий заговоров просто привлекают беспрестанные загадки и повороты судьбы С.Ч. Боса, тайны вокруг его жизни⁹.

⁵ Это решение было поддержано большинством членов семьи индийского деятеля (Purcell 2010).

⁶ Sarkar V. Unravelling A Conspiracy: How Did Subhas Chandra Bose Really Die? *Homegrown*. 23.01.2023. URL: <https://homegrown.co.in/homegrown-voices/unravelling-a-conspiracy-how-did-subhas-chandra-bose-really-die> (accessed 04.04.2024)

⁷ 'Nehru letter' calling Bose war criminal starts Congress-BJP. *The Times of India* (New Delhi). 24.01.2016.

⁸ Mitra P. Netaji scholar disputes Taiwan death theory. *The Times of India*. 05.12.2019.

⁹ Интересно, что Махатма Ганди в 1946 г. утверждал, что внутренние голоса всё время ему внушают, что «Субхас всё ещё жив и где-то находится» (Pattnaik 2014: 37).

В этом плане не совсем понятна политика России. В архивах МИД и КПСС нет никаких документов о попадании индийского политика в СССР в 1945 г. Указания индийских экспертов на военные архивы в Подольске не выдерживают никакой критики: вряд ли след о пребывании индийского политика в Советском Союзе не появился бы в партийных архивах. Однако до сих пор ни советские, ни российские органы власти, по существу, не реагировали на постоянные запросы индийцев о судьбе индийского политика, за что Россию в Индии часто упрекают в сокрытии «истины».

Уровень информированности Москвы о Южной Азии

Нежелание советских лидеров устанавливать тесные связи с Субхасом Чандрой Босом связано с опорой исключительно на индийских коммунистов и очевидным информационным вакуумом. После того, как не оправдались расчёты большевиков на социалистические революции в Европе, они стали строить планы на крупнейшие государства Азии. В.И. Ленин уже в 1921 г. писал: «Исход борьбы зависит в конечном счёте от того, что Россия, Индия, Китай и т. п. составляют гигантское большинство населения и втягиваются с необычайной быстротой в последние годы в борьбу за своё освобождение, так что в этом смысле не может быть ни тени сомнения в том, каково будет окончательное решение мировой борьбы. В этом смысле окончательная победа социализма вполне и безусловно обеспечена» (Ленин 1970: 404). И.В. Сталин ещё в 1920 г. считал, что получение Индией независимости вызовет «ослабление позиций империализма, усиление позиций революции» в мире (Сталин 1947: 371). Отсюда вытекали и ставка на коммунистов, и неприятие важной роли национальной буржуазии Индии.

Об отсутствии серьёзной информации говорит, например, такой факт, что в ходе встречи со вторым послом Индии и будущим вторым президентом Индии С. Радхакришнаном в январе 1950 г. И.В. Сталин задал вопросы о доминирующем языке в Индии и о том, является ли Цейлон индийским штатом¹⁰. Во время беседы в феврале 1953 г. с одним из лидеров Индийского национального конгресса и личным другом Дж. Неру Кришной Меноном советский руководитель вновь заинтересовался языковой проблемой и спросил, какой язык является основным в Индии – урду или «хинду»¹¹. Интересно сопоставить уровень знаний И.В. Сталина о Южной Азии и Южной Америке (во время встречи в феврале

¹⁰ Record of the Conversation of J.V. Stalin and Sarvepalli Radhakrishnan, January 15th, 1950. N.M.M.L., J.N. (S.4) №34. P. 286–287. URL: <https://neodemocracy.blogspot.com/2020/04/three-conversations-of-jv-stalin-and.html> (accessed 04.04.2024)

¹¹ Record of the Conversation of J.V. Stalin and K.P.S. Menon, February 19th, 1953. N.M.M.L., J.N. (S.4) №167. Pt. I. P. 119–123. URL: <https://neodemocracy.blogspot.com/2020/04/three-conversations-of-jv-stalin-and.html> (accessed 04.04.2024)

1953 г. с послом Аргентины Леопольдо Браво И.В. Сталин выдвинул концепцию о создании организации стран Южной Америки, которая легла в основу появления в 1991 г. интеграционного объединения МЕРКОСУР¹²).

Таким образом в Кремле ощущался явный недостаток информации об Индии и после окончания Второй мировой войны. Сохранялась и исключительная опора на индийских коммунистов.

Пример Индии продолжал довольно сильно разочаровать советских лидеров, поскольку в СССР стали оценивать мир как биполярный и исходили, как и США, из принципа «кто не с нами, тот против нас». Помимо идеологических соображений, определявших холодное отношение к Индии, существовали и чисто прагматические. У СССР после огромных потерь во Второй мировой войне и начала Холодной войны не было ни возможностей прямого вовлечения в события в Южной Азии, ни особого желания (в 1940-е гг. для Москвы была очевидна приоритетность Европы). В Азии основным направлением оставалось китайское. В то же время Советский Союз твёрдо поддерживал национально-освободительное движение в Азии.

Однако именно отсутствие достаточной и полной информации об Индии было, по-видимому, ключевой проблемой двусторонних отношений на данном этапе. Достаточно отметить, что первая советская делегация, посетившая Индию в 1947 г., категорически отвергла возможность встречи с Махатмой Ганди, поскольку индийские коммунисты рассматривали его как главного противника в борьбе за индийский народ. Советская пресса именovala индийских лидеров «западными марионетками», а Махатма Ганди назывался «реакционером». После убийства индийского лидера И.В. Сталин отказался послать свои соболезнования. Только личная позиция первого советского посла К.В. Новикова несколько сгладила негативную реакцию в Индии. Не случайно, в одном из первых писем первого советского посла в Индии К.В. Новикова министру иностранных дел В.М. Молотову (от 11 ноября 1947 г.) отмечалось, что у советских граждан нет никакой информации об Индии, а в качестве главных задач деятельности посольства он ставил изучение 1) социально-экономической обстановки в Индии; 2) внутренней политики; 3) внешней политики; 4) военно-стратегической ситуации; 5) политических партий. На последнее, шестое место были поставлены «установление культурных связей и пропаганда советских достижений»¹³.

Видимо, посол СССР не случайно стал действовать вне инструкций Москвы, как только лучше осознал индийскую действительность (так, он, вопреки запрету, принёс соболезнования по случаю убийства М. Ганди от имени советского правительства). Интересно отметить, что его поступок позднее был расценен Политбюро ЦК ВКП(б) как правильный.

¹² Сизоненко А.И. Сталин интересовался Эвой Перон. *Независимая газета*. 20.01.2000.

¹³ Дипломатический архив Министерства иностранных дел России. Фонд секретариата В.М. Молотова. Опись N 9, дело N 766, лист N 52. С. 1-2.

Однако ещё продолжительное время высшие руководители СССР относились весьма прохладно и настороженно к Конгрессу и к Дж. Неру. Например, в предложенном в ноябре 1948 г. варианте поздравительной телеграммы премьер-министру Индии И.В. Сталин заменил выражение «дружеские поздравления» на «наилучшие пожелания». Послания Дж. Неру советскому лидеру первоначально всегда содержали термин «сердечные пожелания», но он, по-видимому, постепенно начал уставать от холодных ответов. Отправленное Дж. Неру 13 июля 1950 г. послание И. В. Сталину заканчивалось словами «с самым высоким уважением», в ответе (15 июля) – «с уважением», в послании премьер-министра от 16 июля уже такое же выражение¹⁴.

И.В. Сталин отказался встречаться с первым послом Индии в СССР Виджай Лакшми Пандит, сестрой Дж. Неру, назначенной на этот пост в июле 1947 г. При вручении верительных грамот В.Л. Пандит заявила: «У Индии особые связи с Советским Союзом, так как обе страны – Индия и Россия – показали способность сближать и соединять различные расы и цивилизации» (Vibhakar 1972: 9), однако она оказалась в изоляции в Москве и уже через несколько месяцев вообще отказалась что-либо предпринимать для улучшения двусторонних отношений (Горошко, Скосырев 1999: 45-48).

Советско-индийские отношения на начальном этапе

В СССР осознавали необходимость развития отношений с Индией. Джавахарлал Неру в своей первой речи по вопросам внешней политики (сентябрь 1946 г.) после создания в Индии Временного правительства заявил о необходимости установления дружественных отношений с Советским Союзом. 21 сентября 1946 г. Дж. Неру направил письмо министру иностранных дел СССР В.Я. Молотову, в котором сообщил, что он направляет в качестве своего представителя Кришна Менона для проведения переговоров об установлении дипломатических отношений. После встречи с В.Я. Молотовым в Нью-Йорке 31 октября он отметил, что наиболее вероятным является развитие самых тесных и близких отношений между Индией и СССР¹⁵.

Переговоры, проходившие между СССР и Индией в Москве и Дели, привели к тому, что 13 апреля 1947 г. одновременно в Советском Союзе и Индии было объявлено об установлении дипломатических отношений между правительствами двух стран. Глубоко символичным является факт, что дипломатические отношения были установлены за четыре месяца до провозглашения Индии доминионом (закон о независимости Индии вошёл в силу 15 августа 1947 г.).

¹⁴ Дипломатический архив МИД России.

¹⁵ The Hindu (New Delhi), 01.10.1946.

Индийская общественность с чувством глубокого одобрения встретила объявление об установлении дипломатических отношений между Индией и Советским Союзом. Например, газета «Хиндустан Таймс» отметила, что подобное решение «в значительной степени равнозначно признанию фактической независимости Индии ещё до того, как объявлено о её формальной конституционной независимости», и выражала уверенность, что «данный шаг является началом прочной и плодотворной дружбы между народами Индии и СССР»¹⁶.

Проводя политику нейтралитета, индийское правительство не только пыталось расширить контакты с западными государствами, но и стремилось к укреплению связей с социалистическими странами, в первую очередь, с СССР. Отвечая на приветственное послание министра иностранных дел СССР в связи с провозглашением независимости Индии, Дж. Неру отметил: «Для реализации наших внешнеполитических задач мы стремимся к развитию сотрудничества с правительством и народом СССР, которым я от имени своих коллег и народа Индии посылаю наилучшие пожелания»¹⁷.

Две страны выступали с единых позиций по целому ряду международных проблем. Так, Индия после начала колониальной войны Нидерландами против Индонезии летом 1947 г. поддержала требование СССР к европейской стране отвести войска на прежние позиции.

СССР и Индия осуждали захватническую войну Франции во Вьетнаме и создание на оккупированной территории марионеточного режима Бао-Дая, бывшего императора Вьетнама. Вместе с тем необходимо отметить, что правительство Индии официально не признавало Демократическую Республику Вьетнам.

Индия была первым государством несоциалистического лагеря, признавшим Китайскую Народную Республику. В Советском Союзе с одобрением восприняли усилия индийского правительства, предпринимаемые для восстановления мира на Дальнем Востоке.

Можно констатировать близость или совпадение точек зрения правительств двух стран и по некоторым другим международным проблемам. Так, на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, когда Индия поставила вопрос о расовой дискриминации в Южно-Африканском Союзе (где проживало несколько сот тысяч индийцев), Советский Союз полностью поддержал требование осудить режим апартеида. Если западные государства, в первую очередь Соединённые Штаты и Великобритания, возражали даже против обсуждения этого вопроса, то глава делегации СССР в своем выступлении, указав на полную законность постановки данной проблемы, заявил, что система апартеида «ложится чёрным пятном на тех, кто устанавливает такую дискриминацию, усугубляет и углубляет её, а также на тех, кто терпит такое положение» (Внешняя политика 1952: 513).

¹⁶ The Hindustan Times (New Delhi), 15.04.1947.

¹⁷ Amrita Bazar Patrika (Kolkata), 22.08.1947.

В свою очередь, индийская делегация в ООН поддержала предложение Советского Союза о неправомерности считать подопечную территорию составной частью территории государства, которому вверено её управление. Индийское временное правительство разделяло точку зрения советского правительства, состоявшую в том, что главной целью международной опеки было обеспечение странам, находившимся под международной опекой, национальной независимости. Представитель США в ООН Джон Ф. Даллас уже на первой сессии Генеральной Ассамблеи заявил, что «в Индии советский коммунизм оказывает через временное индийское правительство сильное влияние»¹⁸.

Следует отметить, что первоначально после начала корейской войны Дели выступил на стороне США и поддержал в ООН резолюцию западных держав об объявлении агрессором Корейской Народно-Демократической Республики. Посол США в Индии Л. Хендерсон, узнав об этом, заявил: «Это день, которого я ждал» (Menon 1965: 268). Вместе с тем обеспокоенность в Индии возможностью крупномасштабной войны между Западом и Востоком, стремление проводить нейтралистский внешнеполитический курс и нежелание давать повод считать её присоединившейся к западному блоку вынудили индийское правительство занимать умеренные позиции. В Корею был отправлен только медицинский отряд. Индийское правительство попыталось также выполнять посредническую миссию. Уже через неделю после начала военных действий в Корее представитель Индии в ООН Б.Н. Рау хотел организовать встречу представителей СССР и США. Дж. Неру в июле 1950 г. отправил послания Председателю Совета Министров СССР И.В. Сталину и государственному секретарю США Д. Ачесону, в которых предлагал локализовать конфликт и добиться быстрого мирного урегулирования корейской проблемы. В посланиях отмечалась необходимость представить КНР место в ООН. В ответе советского правительства приветствовалась мирная инициатива Индии (Внешняя политика 1953: 27), американская же администрация отказалась от индийского предложения.

В августе 1950 г. представитель Индии в Совете Безопасности высказался за принятие предложения Советского Союза о признании законным представителем Китая в ООН делегации Китайской Народной Республики.

Давление на представительство Индии со стороны общественности с целью изменения позиции Индии по вопросу о войне в Корее (в Индии с июля 1950 г. неоднократно проходили многотысячные демонстрации и митинги протеста против действий США в Корее), пересечение американскими войсками под флагом ООН 38 параллели в октябре 1950 г., бомбардировки американцами гражданского населения и угрозы США применить атомное оружие привели к тому, что индийское правительство прекратило поддержку американской позиции и начало осуждать её определённые аспекты. Индия в ООН отказалась

¹⁸ New York Herald Tribune, 18.01.1947.

поддержать резолюции, разрешавшие «войскам ООН» пересекать 38 параллель (октябрь 1950 г.)¹⁹, объявлявшие КНР агрессором в Корее (январь 1951 г.). Индийское правительство резко осуждало американские бомбардировки и атомный шантаж США. Даже ультраправые круги Индии к концу 1951 г. не ратовали за полную поддержку действий США в Корее открыто.

В июне 1951 г. Индия в ООН поддержала советское предложение о прекращении огня в Корее и перемирии, обеспечивавшим взаимный отвод войск к 38 параллели. Летом 1952 г. Индия и СССР самым решительным образом осудили американские бомбардировки электростанций на китайско-корейской границе, которые сорвали урегулирование корейской проблемы. В Советском Союзе высоко оценили изменение позиции Индии по дальневосточному вопросу. Выступая на торжественном заседании, посвященном 36-й годовщине Октябрьской революции, Председатель Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилов, отмечая усилия индийского правительства, предпринимаемые для восстановления мира на Дальнем Востоке, заявил, что «такое крупное государство Азии, как Индия, заслуживает немалой благодарности за то, что война в Корее прекращена»²⁰.

В этот период были близки точки зрения правительств двух стран по вопросу о мирном договоре с Японией. Советский Союз, неудовлетворённый проектом договора, предложенным США и Великобританией, на конференции в Сан-Франциско выдвинул поправки и изменения, предусматривавшие признание суверенитета КНР над Манчжурией, Тайванем и рядом островов, Япония – над островами Рюкю и Бонин, СССР – над Южным Сахалином и Курильскими островами; вывод войск союзных держав с территории Японии; демократизацию внутривнутриполитической обстановки в стране. Индия же даже не отправила своих представителей на конференцию в Сан-Франциско, и, по существу, позиции Советского Союза и Индии по этому вопросу практически совпадали, в результате чего обе стороны не подписали мирный договор с Японией.

Вместе с тем советские лидеры не были твёрдо уверены в реальном нейтралитете Индии. В служебных бумагах того периода типичным был тезис, что Индия, заявляя о том, что не встанет на сторону ни одной из сверхдержав, на практике выступает на стороне Великобритании. Кремль достаточно прохладно относился и к стремлению Индии стать лидером Азии, видя в этом желание добиться реализации старого японского тезиса о создании «паназиятского единства», заменив Японию в роли идеологического центра подобного блока.

Действительно, Индия в тот период была существенно ближе к США, чем к СССР. В ходе голосований в ООН южноазиатская страна чаще была на стороне Соединённых Штатов. Нейтралистская политика Индии отнюдь не означала, что её внешнеполитический курс должен проходить «посередине». Премьер-

¹⁹ «Нью-Йорк Таймс» писала по этому поводу 12 октября 1950 г., что позиция Индии – «близорукая и безответственная».

²⁰ Правда, 07.11.1953.

министр Индии Джавахарлал Неру демонстрировал полный прагматизм совершенно открыто. Ещё в декабре 1947 г. он говорил в Учредительном собрании: «В прошлом году мы провозгласили, что не примкнём ни к одной из группировок ... Если возникнет большая война, у нас нет никаких особых оснований тут же вступать в неё ... если нам удастся этого избежать, а когда придет время сделать выбор, мы примкнём к той стороне, присоединиться к которой будет в наших интересах» (Неру 1965: 57).

Москва не доверяла Дели, но и Дели не доверял Москве и был гораздо ближе к западным странам. В Организации Объединенных Наций кандидатура Индии периодически выдвигалась против стран из советского блока. Ряд конкретных шагов индийского правительства также вёл к напряжённости в двусторонних отношениях. Например, индийская цензура, как правило, не давала разрешения на демонстрацию советских фильмов, взрывались кинотеатры, где они шли, а в июле 1948 г. индийские власти вообще запретили показ советских фильмов в Бомбее. Регулярно советским делегациям отказывали в выдаче виз (так, в мае 1949 г. запретили въезд советским писателям, а в сентябре 1949 г. – советским студентам) (Imam 1975: 6–7, 9).

Большой урон взаимосвязям нанесла ставка Москвы на Коммунистическую партию Индии, которая находилась на леворадикальных позициях. Результаты Второй мировой войны, победа «народных революций» в Китае и Восточной Европе опять дали основание Москве рассчитывать на самое серьёзное перераспределение сил в мировой политике в пользу Советского Союза. После того, как лидером КПИ в 1948 г. стал Бхалчандра Тримбак Ранадиве, партия взяла курс на революцию и начала вооружённую борьбу (особенно кровавый и массовый характер она получила на юге Индии – в Теленгане). Во многих штатах запретили деятельность КПИ, а коммунисты подверглись беспрецедентным репрессиям. В брошюре Госдепа США «Индия, образец демократии в Азии» как основной пример этого приводилось утверждение, что в Индии до 1951 г. содержалось в тюрьмах самое большое число коммунистов в мире²¹. Индийская полиция вторгалась на территорию советских дипломатических представительств в поисках коммунистов.

Начало перелома в советско-индийских отношениях

Успешная работа советского посольства в Индии и особенно её первого посла смогла, однако, скорректировать негативное восприятие азиатского гиганта в глазах Кремля. В Индии чрезвычайно высоко оценили тот факт, что И.В. Сталин дважды принял нового посла Индии в СССР С. Радхакришнана (в январе 1950 г. и в апреле 1952 г.), что было весьма необычно: он вообще очень редко

²¹ India. A Pattern for Democracy in Asia. Wash., State Department: U.S. G.P.O., 1953.

принимал иностранных послов несоциалистических стран, а дважды – никого. При этом И.В. Сталин очень высоко оценил личность С. Радхакришнана (Горошко, Скосырев 1999: 60–63), а посол Индии после второй встречи отметил, что председатель Совета Министров СССР «проявил самую дружескую заинтересованность в нашем прогрессе»²². Интересно отметить, что в январе 1951 г. впервые в поздравительной телеграмме Дж. Неру И.В. Сталин использовал слова «наилучшие пожелания вам лично и индийскому народу».

Москва стала менять подход и к кашмирской проблеме. В 1952 г. при обсуждении кашмирского вопроса в Совете Безопасности ООН представитель СССР отметил, что позиция США и Великобритании, стремившихся к созданию военных баз в Кашмире, являлась основным препятствием для решения этой проблемы (Imam 1975: 12–13). Позиции СССР и Индии по глобальным и международным вопросам становились ближе.

Началось активное развитие экономических связей. В январе 1952 г. Советский Союз принял участие в промышленной выставке (решение об этом принимал Президиум ЦК ВКП (б)). Советский павильон привлёк внимание десятков тысяч посетителей, а многие промышленные товары, представленные в нём, были сразу закуплены индийскими фирмами²³. В свою очередь, Индия в числе 42 стран приняла участие в международном экономическом совещании, проходившем в Москве апреле 1952 г. После окончания совещания члены индийской делегации заявили, что «есть и необходимость, и хорошие возможности для развития торговых отношений между двумя странами» (По Нихамин 1959: 179).

В 1953 г. было подписано первое двустороннее торговое соглашение сроком на пять лет. Произошёл обмен письмами об оказании СССР технического содействия Индии и об организации советского торгового представительства²⁴. Советский Союз оказался первой мировой державой, согласившейся принимать индийскую рупию в качестве международной валюты, а также определившей такой режим судоходства, который позволял Индии перевозить на своих судах большое количество товаров.

СССР оказывал активную поддержку южноазиатской державе в развитии тяжёлой промышленности, в чём ей первоначально отказывали международные кредитно-финансовые организации и западные государства. После того как они не стали сотрудничать с Индией в сооружении комплексного металлургического завода, Советский Союз предложил свои услуги, и 2 февраля 1955 г. было подписано двустороннее соглашение об этом строительстве. СССР выделял партнёру кредит в размере 647 млн рупий под низкий процент (2,5%

²² The Hindustan Times, 07.03.1953.

²³ Новое время, № 50, 1953, с. 6.

²⁴ Правда, 03.12.1953.

годовых) и длительный срок (12 лет)²⁵. Подписание советско-индийского соглашения привело к тому, что западные державы также стали содействовать южноазиатской стране в развитии тяжёлой промышленности.

Советский Союз оказывал Индии и гуманитарную помощь. Так, в апреле 1951 г. СССР дал согласие на поставку 100 тыс. т. пшеницы в те районы Индии, в которых существовала угроза возникновения массового голода, в то время как Соединённые Штаты остановили поставки продовольственной помощи из-за отказа Индии голосовать в ООН за американскую резолюцию, объявлявшую КНР агрессором в Корее. Посол США в Индии Ч. Боулс впоследствии признал, что этот шаг СССР оставил неизгладимый след в памяти индийского народа (Bowles 1954: 220). В августе 1952 г. Председатель ВЦСПС В.В. Кузнецов объявил, что советские профсоюзы приняли решение оказать помощь голодающим в штате Андхра Прадеш и послать им в дар 10 тыс. т. пшеницы, 5 тыс. т. риса, 500 тыс. банок сгущенного молока, а также 250 тыс. индийских рупий (Vibhakar 1972: 66).

В середине десятилетия двусторонние связи продолжили постепенно укрепляться.

* * *

На начальном этапе развития советско-индийских отношений их ключевой проблемой выступило отсутствие серьёзной и правдивой информации друг о друге. В результате в годы Второй мировой войны СССР недооценил преимущества установления тесных отношений с индийскими левоцентристами, явно настроенными против колониальных европейских метрополий. Понятно, что Великобритания, мировой лидер с середины XVIII в. до середины XX в., была союзницей Советского Союза, но лишь на очень короткий период – до 1945 г. (это подтвердил план У. Черчилля «Немыслимое»). Фигура выдающегося политика С.Ч. Боса была полностью проигнорирована Москвой.

Слабая информационная база способствовала поддержанию прохладного отношения к Индии и после установления дипломатических отношений, и ставка была сделана на ультрарадикальные элементы из Коммунистической партии Индии. В свою очередь, индийское правительство также имело искаженные представления о политике и целях СССР. Такие неверные оценки способствовали тому, что, несмотря на декларированный полный нейтралитет, Дели был гораздо ближе к западному блоку до середины 1950-х гг.

Советская дипломатия сыграла ключевую роль в изменении ситуации. С самого начала, после открытия посольства СССР в Дели, дипломаты стремились собирать важнейшую информацию о происходящем в стране и передавать её

²⁵ Правда, 03.02.1955.

в СССР. Более того, советские дипломаты прибегали даже к нарушению инструкций, полученных из Москвы, в том случае, если понимали, что данные указания были основаны на ошибочных сведениях о ситуации в Индии.

Если двусторонние отношения в 1947–1955 гг. были прохладными, то с середины 1950-х гг. началась их очевидная эволюция в направлении дружественных. Данный процесс был вызван целым рядом факторов, таких как политика Запада в Южной Азии, дальнейшее усиление Советского Союза на мировой арене, смягчение советских подходов к отношениям с Индией. Особенно следует отметить крайне позитивную роль советской дипломатии и её конкретных представителей.

В настоящий момент связи России и Индии в культурно-гуманитарной сфере остаются достаточно слабыми. Информация друг о друге крайне ограничена в обеих странах. Особо отрицательная ситуация сложилась в СМИ, резко сократилось количество индологов в России, а русистов – в Индии, в странах отсутствует и какое-либо лобби противоположной стороны. Всё это способствует закреплению информационного вакуума, что уже привело к ухудшению отношения политиков и общественности двух стран. Невнимание к состоянию информационной базы может привести к возврату двусторонних отношений на начальный уровень, что особенно плохо в связи с объективным повышением места Индии в системе внешнеполитических приоритетов России в условиях конфронтации с Западом.

Об авторе:

Сергей Иванович Лунев – доктор исторических наук, профессор МГИМО МИД России; главный научный сотрудник Института востоковедения РАН. 119454, Россия, Москва, проспект Вернадского 76. E-mail: s.lunev@inno.mgimo.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC 327.47(5+57)

Received: November 1, 2023

Accepted: January 29, 2024

Embarking on Friendship: Exploring Early Soviet-Indian Relations

 S.I. Lunev[DOI 10.24833/2071-8160-2024-2-95-54-72](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-2-95-54-72)

MGIMO University

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

Abstract: By the onset of the Second World War, the USSR had virtually no experience or established traditions of interaction with South Asian countries. Initially, Soviet-Indian relations could be characterized as tepid, largely due to a lack of accurate information about each other. During the wartime, the USSR underestimated the advantages of forging close ties with Indian left-wing centrists, favoring instead communists who provided the Kremlin with falsified data on the national liberation movement in the country.

The article examines how bilateral relations evolved and strengthened as mutual knowledge grew. The second stage of Soviet-Indian relations (1955-1971) can be termed as a period of "birth of friendship," as the image of partnership is consolidated in the eyes of Soviet and Indian politicians and the public. Soviet diplomacy played a pivotal role in shaping policy changes: diplomats sought to gather crucial information about events in the country, transmit it to the USSR, and promote bilateral rapprochement, sometimes even acting in violation of instructions.

The article pays particular attention to the activities of Subhas Chandra Bose, the leader of the left wing of the Indian National Congress, who according to Indian sociological surveys on the most prominent politicians of the 20th century, ranks second only to Mahatma Gandhi. During the Second World War, he was an uncompromising fighter against British colonialists. The Soviet Union did not pay sufficient attention to S.C. Bose, although he potentially could have been a valuable partner for Moscow.

At present, the problem of mutual lack of awareness has resurfaced, hindering the development of closer political, economic, and cultural-humanitarian ties between Russia and India.

Keywords: USSR, India, bilateral relations, information base, Bos, mythology, Stalin, Germany, Japan, World War II

About the author:

Sergey I. Lunev – Dr. of Science (History), Professor at the Department of Oriental Studies of MGIMO University; Principal Chief Research Fellow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Pr. Vernadskogo 76, Moscow, Russia, 119454.
E-mail: s.lunev@inno.mgimo.ru

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

- Bowles Ch. 1954. *Ambassador's Report*. New York: Harper & Brothers. 415 p.
- Gandhi R. 2014. *Mohandas: A True Story of a Man, his People and an Empire*. New Delhi: Penguin Books India. 745 p.
- Gordon L. 2021. *Brothers against the Raj: a Biography of Indian Nationalists Sarat and Subhas Chandra Bose*. New Delhi: Rupa Publications. 448 p.
- Imam Z. 1975. *Ideology and Reality in Soviet Policy in Asia. Indo-Soviet Relations. 1947–60*. Delhi: Kalyani Publishers. 260 p.
- Menon K.P.S. 1965. *Many Worlds: An Autobiography*. Bombay: Oxford University Press, 324 p.
- Pattnaik S. 2014. The Lost Hero: Netaji Subhash Chandra Bose. *Odisha Review*. №1. P. 34–39.
- Purcell H. 2010. Subhas Chandra Bose: The Afterlife of India's Fascist Leader. *History Today* (London). №11.
- Roy P. 2011. *The Search for Netaji: New Findings*. Kolkata: Purple Peacock Books and Arts Pvt. Ltd. 288 p.
- Vibhakar J.A. 1972. *Model Relationship. 25 Years of Indo-Soviet Diplomatic Ties*. New Delhi: Punjabi Publishers. 136 p.
- Vneshnyaya politika Sovetskogo Soyuza. 1946 god. Dokumenty i materialy, yanvar' - dekabr' 1946 g.* 1952. [Foreign Policy of the Soviet Union. 1946. Documents and Materials, January–December 1946]. Moscow: Gospolitizdat. 836 p. (In Russian)
- Vneshnyaya politika Sovetskogo Soyuza, 1950.* 1953. [Foreign Policy of the Soviet Union, 1950]. Moscow: Gospolitizdat. 669 p. (In Russian)
- Indiya – Rossiya. Dialog civilizacij.* 2003. [India – Russia. Dialogue of Civilizations]. Ed. by Arun Mohanti. Moscow: IKAR. 199 p. (In Russian)
- Indiya segodnya: spravochno-analiticheskoe izdanie.* 2005. [India Today: a Reference-Analytical Publication]. Ed. By Shaumyan T.L. Moscow: Ariavarta-Press. 595 p. (In Russian)
- Rossiya – Indiya: 70 let diplomaticheskikh otnosheniy.* 2017. [Russia – India: 70 Years of Diplomatic Relations]. Ed. by V.P. Kashin, T.L. Shaumyan. Moscow: IV RAN. 184 p. (In Russian)
- Goroshko G., Skosyrev V. 1999. *Bereza i ban'yan (Rossijsko-indijskie otnosheniya: vchera, segodnya, zavtra)* [Birch and Banyan (Russian-Indian Relations: Yesterday, Today, Tomorrow)]. Moscow: Slavyanskij dialog. 208 p. (In Russian)
- Lenin V.I. 1970. *Luchshe men'she, da luchshe* [Better Less, but Better]. Moscow: Complete Works. Vol. 45. P. 389–406. (In Russian)
- Lunev S.I. 1993. *Diplomatiya v Yuzhnoj Azii* [Diplomacy in South Asia]. Moscow: GRVL. 194 p. (In Russian)
- Lunev S.I., Shahmatov A.V. 2006. *Indiya: Politicheskoe razvitiye i vneshnyaya politika. Informacionnye bazy, ekonomika i finansy* [Political Development and Foreign Policy. Information Bases, Economics and Finance]. Moscow: MGIMO University. 191 p. (In Russian)
- Lunev S.I., Shirokov G.K. 2001. *Transformatsiya mirovoj sistemy i krupnejšie strany Evrazii* [Transformation of the World System and the Largest Countries of Eurasia]. Moscow: Academia. 302 p. (In Russian)
- Neru J. 1965. *Vneshnyaya politika Indii. Izbrannye rechi. 1946–1964* [India's Foreign Policy. Selected Speeches. 1946–1964]. Moscow: Progress. 352 p. (In Russian)
- Nihamin V.P. 1959. *Ocherki vneshnej politiki Indii. 1947–1957* [Essays on India's Foreign Policy. 1947–1957]. Moscow: GIPL. 223 p. (In Russian)

Stalin I.V. 1947. *Predislovie k sborniku statej po nacional'nomu voprosu* [Preface to the Collection of Articles on the National Question]. Sochineniya. Vol. 4. Moscow: OGIZ. P. 370–373. (In Russian)

Yurlov F.N., Yurlova E.S. 2010. *Istoriya Indii. XX vek* [History of India. 20th Century]. Moscow: IV RAN. 919 p. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Внешняя политика Советского Союза, 1950. 1953. Москва: Госполитиздат. 669 с.

Внешняя политика Советского Союза. 1946 год. Документы и материалы, январь-декабрь 1946 г. 1952. Москва: Госполитиздат. 836 с.

Горошко Г., Скосырев В. 1999. Береза и баньян (Российско-индийские отношения: вчера, сегодня, завтра). Москва: Славянский диалог.

Индия – Россия. Диалог цивилизаций. 2003. Отв. ред. Арун Моханти. Москва: ИКАР. 199 с.

Индия сегодня: справочно-аналитическое издание. 2005. Рук. Шаумян Т.Л. Москва: Ариаварта-Пресс. 595 с.

Ленин В.И. 1970. *Лучшие меньше, да лучшие.* Полное собрание сочинений. Т. 45. С. 389–406.

Лунев С.И. 1993. *Дипломатия в Южной Азии.* Москва: ГРВЛ. 194 с.

Лунев С.И., Шахматов А.В. 2006. *Индия: Политическое развитие и внешняя политика. Информационные базы, экономика и финансы.* Москва: МГИМО Университет. 191 с.

Лунев С.И., Широков Г.К. 2001. *Трансформация мировой системы и крупнейшие страны Евразии.* Москва: Academia. 302 с.

Неру Дж. 1965. *Внешняя политика Индии. Избранные речи. 1946–1964.* Москва: Прогресс. 352 с.

Нихамин В.П. 1959. *Очерки внешней политики Индии. 1947–1957.* Москва: Гос.изд-во полит. Литер. 223 с.

Россия – Индия: 70 лет дипломатических отношений. 2017. Отв. ред. В.П. Кашин, Т.Л. Шаумян. Москва: ИВ РАН. 184 с.

Сталин И.В. 1947. *Предисловие к сборнику статей по национальному вопросу.* Сочинения. Т. 4. Москва: ОГИЗ. С. 370–373.

Юрлов Ф.Н., Юрлова Е.С. 2010. *История Индии. XX век.* Москва: ИВ РАН. 919 с.

От разногласий к разрыву: советско-албанский конфликт 1960–1961 гг.

К.К. Худoley

Санкт-Петербургский государственный университет

Советско-албанский конфликт стал одним из проявлений центробежных тенденций в мировой системе социализма. В настоящей статье используется широкий круг источников, в том числе и впервые вводимых в научный оборот. Это документы Государственного архива Российской Федерации, Архива внешней политики Российской Федерации, мемуары как высших руководителей (Н.С. Хрущёв, Э. Ходжа, Р. Алия), так и других официальных лиц, и иные источники. Особый интерес представляют материалы корпункта ТАСС в Тиране, который в сотрудничестве с дипломатами и журналистами других социалистических стран занимался не только обычной работой, но и подготовкой аналитических материалов и донесений, в том числе и для высшего руководства КПСС. В статье рассматривается усиление разногласий между Москвой и Тираной, перерастание их в открытый конфликт и полный разрыв партийных и государственных связей. Основные выводы исследования таковы: 1) главными причинами конфликта стали появление в СССР и Албании различных моделей социализма и несовпадение интересов сверхдержавы и самой маленькой страны блока; 2) в Москве отказ АПТ от проведения преобразований по советскому образцу воспринимался как подрыв лидирующей роли КПСС в международном коммунистическом движении, а в руководстве АПТ видели в них угрозу своей власти; 3) разногласия, хотя и различными темпами, нарастали во всех сферах, но идеологический аспект играл значительно большую роль, чем в конфликтах СССР с Югославией и Китаем; 4) влияние внешних факторов на развитие советско-албанского конфликта было ограниченным, так как он имел свою логику, динамику и инерцию; Тирана всё заметнее дистанцировалась от КПСС, и ухудшение советско-китайских отношений было катализатором, а не причиной этого процесса; Запад внимательно наблюдал за происходящим, но не пытался вмешиваться; 5) в основе советско-албанских разногласий и конфликта лежали объективные причины, а субъективные факторы имели второстепенное значение, хотя именно они привели к тому, что конфликт принял самые острые формы.

Ключевые слова: советско-албанский конфликт, КПСС, Албанская партия труда, международное коммунистическое движение, мировая система социализма, Китай, Югославия, Хрущёв, Ходжа

Центробежные тенденции, внутренние противоречия и конфликты появились в мировой системе социализма почти одновременно с её возникновением. В большинстве случаев они развивались по линии взаимоотношений между СССР, который официально признавался главой социалистического лагеря, и отдельными социалистическими государствами.

Представляется возможным выделить четыре типа подобных конфликтов.

Конфликт с Югославией в 1948–1949 гг. возник в первую очередь из-за разногласий в межгосударственных отношениях, а затем только распространился на сферу идеологии и другие. В дальнейшем Югославия взяла курс на проведение политики равной удалённости от Москвы и Вашингтона и стала одним из лидеров Движения неприсоединения.

2) Конфликт с КНР в конце 1950-х – начале 1960-х гг. имел более сложную подоплёку. Нам представляется самой обоснованной точка зрения, согласно которой и тут главную роль играли межгосударственные противоречия, хотя и идеологический компонент с самого начала был существенным (Shen, Xia 2015: 133). Немаловажную роль играли претензии КПК и лично Мао Цзэдуна на лидерство в международном коммунистическом движении вместе с КПСС или даже вместо КПСС, не получившие поддержку большинства компартий.

3) Конфликт СССР с самой маленькой социалистической страной — Албанией возник в основном из-за отказа руководства АПТ проводить преобразования, начатые КПСС в середине 1950-х гг., что привело к появлению различных моделей социализма. Ухудшение отношений КПСС и КПК стало катализатором, но не причиной возникновения конфликта, имевшего свою специфику и динамику, причём здесь противостояние в сфере идеологии играло очень важную роль. После недолговечного сближения с КНР Албания оказалась на несколько десятилетий в полной изоляции от внешнего мира.

4) Разногласия, возникавшие время от времени у СССР с КНДР, Вьетнамом, Кубой и Румынией; эти страны пытались использовать советско-китайский конфликт для достижения своих целей, причём только Румыния искала возможностей улучшить отношения с Западом.

Отношения СССР и Албании изучены в значительно меньшей степени, чем конфликты СССР с КНР и Югославией. В 1960-е — 1980-е гг. были опубликованы лишь несколько работ, что связано во многом с ограниченностью источниковой базы и высокой политической ангажированностью данной темы. В последние годы ситуация изменилась — появилась небольшая, но активная группа исследователей данной проблематики. Это А. Животич (Животич 2022), Ю. Крисафи (Krisafi 2016), А. Лалай (Lalaj 2013), Ю. Марку (Marku 2019), Н. Махмутай (Mahmutaj 2023), Э. Мехили (Mëhilli 2017), Н.Д. Смирнова (Смирнова 2003), Ар. А. Улунян (Улунян 2012, 2013), Б. Февзиу (Fevziu 2016), К.К. Худолей (Khudoley 2020) и другие. Однако все аспекты советско-албанского конфликта 1960–1961 г. освещены ещё не в полной мере.

Важным элементом новизны настоящего исследования выступает его широкая источниковая база. В научный оборот впервые вводятся документы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ) (ранее исследователи использовали преимущественно албанские и китайские архивы), сборники документов, мемуары и др. Особый интерес представляют документы корпункта ТАСС в Тиране, хранящиеся в ГАРФ. Корпункт ТАСС, кроме обычной журналистской работы, подготавливал различные материалы о положении в Албании, которые отправлялись руководству ТАСС, а затем и в ЦК КПСС (наиболее важные докладывались первому секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущёву и членам президиума ЦК КПСС), МИД, Минобороны и КГБ СССР. При этом корпункт ТАСС тесно сотрудничал с дипломатами и журналистами других социалистических стран, особенно болгарскими, имевшими связи во всех слоях албанского общества, и чехословацкими, которые имели хорошие контакты с рядом деятелей культуры. Материалы АВП РФ за 1960–1961 гг. доступны в значительно меньшей степени, чем за предшествующий период, но и в них имеется интересная информация. Существенно расширяют наши знания мемуары как высших руководителей — Н.С. Хрущёва, первого секретаря ЦК АПТ Э. Ходжи и сменившего его Р. Али, так и должностных лиц более низкого уровня — сотрудника ЦК КПСС Ф.М. Бурлацкого, командира базировавшейся во Влёре советской подводной лодки В.С. Козлова и другие. Конечно, приводимые в них факты требуют сопоставления с другими источниками, но они очень важны для воссоздания тогдашней атмосферы советско-албанских отношений.

Расширение круга источников позволяет дать несколько иные по сравнению с имеющейся литературой оценки, особенно по вопросам соотношения объективных и субъективных факторов в возникновении конфликта (значение вторых, по нашему мнению, преувеличено), воздействия внешних акторов (Китай сыграл важную, но не решающую роль), уточнить ряд деталей.

Цель статьи заключается в том, чтобы показать динамику и внутреннюю логику развития советско-албанских отношений в 1960–1961 гг., когда они за короткий период эволюционировали от разногласий к полному разрыву всех партийных и государственных связей — единственный случай за всю историю мировой системы социализма.

В преддверии конфликта

Одним из важнейших проявлений дезинтеграции мировой системы социализма стало возникновение различных моделей социализма. Первой по этому пути пошла Югославия. В середине 1950-х гг., особенно после XX съезда КПСС (1956), руководству КПСС и других правящих компартий стало очевидным, что советская модель конца 1920-х – начала 1950-х гг. нуждается в серьёзных изменениях, хотя по вопросу о том, что именно надо делать, существовал широкий

спектр мнений. В Албании ситуация была иной — правящий слой, состоявший в большинстве случаев из бывших партизан, имевших несомненные заслуги в борьбе с итальянскими и германскими оккупантами, не обладал ни необходимым уровнем образования, ни управленческим опытом. Существовавшая модель представлялась им оптимальной. Как справедливо отмечал Э. Мехили, «сталинский проект в Албании работал слишком успешно» (Mëhilli 2017: 201). Ввиду этого во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. в СССР и Албании возникли различные модели социализма.

Главными отличиями Албании от СССР того периода стали:

- сохранение культа личности и непринятие даже на словах идеи «коллективного руководства»;
- управление страной чрезвычайными методами, больше соответствовавшими духу военного времени, чем мирной жизни;
- отказ от реабилитации жертв политических репрессий и преследование всех, даже в минимальной степени несогласных с политикой Э. Ходжи;
- растущая изоляция от внешнего мира, которая с того времени включала в себя и дистанцирование от СССР;
- апелляция к национализму, в сложившихся условиях выступавшему как обоснование сохранения сталинской модели. Это был сильный ход, так как питательная среда для подобных настроений была весьма обширна.

В ЦК КПСС понимали, что каждая правящая компартия имеет свои проблемы и определённую специфику, но при этом по-прежнему рассматривали ситуацию в социалистических странах, кроме Югославии и в некоторой степени Китая, в контексте внутренней политики, а не международных отношений. Лозунг Всемирного Советского Союза исчез с роспуском Коминтерна (строго говоря, о нём уже не вспоминали и в последние годы деятельности Коминтерна), вопрос о вступлении в СССР стран Центральной и Восточной Европы, где к власти пришли компартии, поднимался только отдельными коммунистами и всерьёз не рассматривался. Однако многие стереотипы 1920-х – 1930-х гг. продолжали сохраняться и в мышлении, и в практической деятельности, особенно по вопросу о необходимости наличия единого центра, определяющего не только внешнюю, но и внутреннюю политику социалистических государств и выступающего своеобразным гарантом сохранения власти компартий в случае возникновения внешней угрозы или внутреннего кризиса. Москва настаивала на признании её лидирующей роли (как говорилось в Декларации Международного совещания компартий 1957 г., сформировался «несокрушимый лагерь социалистических государств, возглавляемый Советским Союзом»¹), полной поддержке её линии

¹ *Документы совещаний представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшихся в Москве в ноябре 1957 года.* 1957. Москва: Госполитиздат. С. 10.

на международной арене, а также соблюдении некоторых общих установок во внутренней политике, которые характеризовались как «главные закономерности, присущие всем странам, вступившим на путь социализма»².

Албанская модель в эти рамки не вписывалась. В Москве это вызывало раздражение, но не очень сильное беспокойство — там были убеждены, что Тирана не рискнёт порвать с СССР. Согласно воспоминаниям Р. Алии, член президиума ЦК КПСС А.И. Микоян однажды сказал руководителям АПТ, что без советской поддержки они не продержатся у власти и двух дней³. Нет никаких данных, которые бы свидетельствовали о том, что ЦК КПСС поддерживал членов политбюро ЦК АПТ Т. Якова и Б. Спахиу, критически отзывавшихся об Э. Ходже, или делегатов Тиранской партконференции (1956), потребовавших преобразований в духе XX съезда КПСС, или оппозиционную радиостанцию «Социалистическая Албания». Подозрения Э. Ходжи по этому поводу были явным преувеличением. Хотя в самый разгар Тиранской партконференции Э. Ходжа встретился с советским послом и заручился его поддержкой⁴, в своих мемуарах он утверждает, что Н.С. Хрущёв был «вдохновителем заговора» против него, а югославы — «организаторами»⁵. Но несомненно, что в возможном влиянии изменений в СССР на Албанию он видел угрозу своей власти. Если в конце 1940-х – начале 1950-х гг. близость к СССР рассматривалась руководством АПТ как важный фактор сохранения власти, то теперь ситуация стала складываться совершенно иначе.

Логическим следствием появления различных моделей социализма было нарастание и обострение противоречий во всех сферах.

Разногласия в сфере политики были во многом обусловлены различием приоритетов во внешней политике между сверхдержавой и самым маленьким государством блока. СССР сделал многое для укрепления международных позиций Албании, которые в первое послевоенное десятилетие были слабыми: в 1955 г. Албания стала одним из участников Организации Варшавского договора (ОВД) и членом ООН. Однако Тирана крайне болезненно восприняла нормализацию отношений СССР и Югославии в 1955 г. Возражения политбюро ЦК АПТ Москва отклонила⁶, поскольку в ЦК КПСС рассчитывали на возврат Югославии в блок социалистических государств и готовы были идти ради этого на уступки. Между тем Э. Ходжа и его окружение рассматривали Югославию как главного своего антагониста и постоянно опасались, что КПСС пожертвует Тираной ради сближения с Белградом. Судя по имеющимся документам, Н.С. Хрущёв

² Там же. С. 13.

³ Alia R. 2010. *Jeta ime: kujtime*. Tirana: Toena. F. 150.

⁴ Доклад Н.С. Хрущёва о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. Документы. 2002. Москва: РОССПЭН. С. 689.

⁵ Ходжа Э. 1980. *Хрущёвцы*. Тирана: 8 нентори. С. 212.

⁶ Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946-1980 гг.: Т. I. 1946–1964. Документы. 2014. Москва: МФД. С. 616–618.

на переговорах с Югославией всегда защищал Албанию, но в Тиране любое сближение Москвы и Белграда воспринималось с подозрительностью и даже враждебностью. Отношения с Югославией стали одним из главных, если не самым сильным, раздражителем в отношениях между КПСС и АПТ. Ввиду отсутствия мирного договора и наличия территориальных претензий со стороны Греции, у Албании были серьёзные опасения за судьбу своих южных регионов. Они несколько уменьшились после подписания Варшавского договора (ранее у СССР не было в отношении Албании каких-либо договорных обязательств), но вновь возросли после венгерского кризиса осенью 1956 г. — у руководства АПТ сложилось впечатление, что СССР не придёт на помощь в случае подобного развития событий в Албании и может пойти на уступки за её счёт ради разрядки напряжённости с Западом. По этой же причине Э. Ходжа отрицательно относился к предложениям других социалистических стран о превращении Балкан в безъядерную зону. Его раздражение вызывало и то, что с ним никто не советовался ни во время венгерского кризиса, ни по планам создания безъядерной зоны на Балканах. Немаловажное значение имела идея Н.С. Хрущёва о превращении Албании в «жемчужину»⁷, которая стала бы притягательным примером для всего мусульманского мира. Э. Ходжа считал это принижением роли Албании.

Второй по остроте сферой противоречий была идеология — отношение к решениям XX съезда КПСС. Весной 1956 г. в Албании прошла пропагандистская кампания с одобрением его решений, но, в отличие от предшествующих лет, в ходе неё говорилось только о социально-экономических успехах СССР, а вопросы политики и особенно идеологии обходились. Выводы КПСС о возможности предотвращения новой мировой войны, о мирном сосуществовании как генеральной линии, а не «временной передышки», о повышении вероятности мирного пути социалистической революции не воспринимались АПТ, как и КПК и некоторыми другими компартиями. Они противоречили и искренним убеждениям Э. Ходжи и его окружения, которые всегда оставались приверженцами марксизма-ленинизма в его крайне догматической трактовке, и их собственному опыту политической борьбы. Ещё сложнее обстояло с оценкой роли И.В. Сталина. Если в докладе Н.С. Хрущёва на закрытом заседании XX съезда КПСС И.В. Сталин в целом оценивался негативно, а в документах КПК он рассматривался как видный марксист-ленинец, но допускавший серьёзные ошибки, то в АПТ полностью отвергали критику И.В. Сталина. В албанской печати — в отличие от КНР и европейских социалистических государств — при публикации речи А.И. Микояна на открытом заседании XX съезда КПСС была полностью опущена критика И.В. Сталина⁸. В дальнейшем в деятельности АПТ

⁷ Хрущёв Н.С. 2016. *Воспоминания. Время. Люди. Власть*. Книга II. Москва: Вече. С. 114.

⁸ Zëri i Popullit. 1956. 22 Shkurt.

особый акцент делался на борьбу с ревизионизмом, в котором открыто обвинялись И. Тито и И. Надь, но делались также скрытые намёки на В. Гомулку и, в меньшей степени, на Я. Кадара. Необходимость борьбы с догматизмом, о чём также говорилось в Декларации 1957 г., полностью замалчивалась. Попытки Н.С. Хрущёва убедить Э. Ходжу пересмотреть позицию не дали результата. Даже в Совместном заявлении о визите Н.С. Хрущёва в Албанию (1959) говорилось о значении XXI (но не XX) съезда КПСС и необходимости борьбы только с ревизионизмом⁹. Ввиду высокой степени идеологизации отношений любые различия негативно сказывались на всех остальных сферах.

Постепенно нарастали и разногласия по проблемам экономики. После вступления в СЭВ (февраль 1949 г.) внешнеэкономическая деятельность Албании оказалась под советским контролем, а два первых пятилетних плана разрабатывались при самом активном участии Госплана СССР. СССР оказывал Албании значительную помощь — по размерам на душу населения она существенно превосходила помощь другим социалистическим странам. Однако в середине 1950-х гг. в ЦК КПСС возобладало мнение, что Албания использует её неэффективно. Особенно твёрдо эту позицию отстаивал А.И. Микоян, стычки которого с руководителями АПТ возникали постоянно¹⁰. В то же время часть албанских коммунистов считала, что пятилетние планы (особенно первый) были составлены в интересах СССР¹¹, а в целом в Тиране полагали, что помощь СССР могла бы быть значительно большей. К тому же в СССР были обеспокоены отставанием темпов роста экономики стран СЭВ от ЕЭС и предлагали исправить положение путём внедрения схемы «международного социалистического разделения труда». В ней Албании отводилась роль, как сказал Н.С. Хрущёв, «цветущего сада»¹², поставляющего в другие страны социализма фрукты и овощи и являющегося местом отдыха для их граждан. Для Э. Ходжи это было неприемлемо — он настаивал на приоритетном развитии тяжёлой промышленности. При этом он исходил не только из догматического подхода к опыту первых советских пятилеток, но и из уверенности, что развитие тяжёлой промышленности — это единственный путь преодоления вековой отсталости Албании.

Рост разногласий в сферах политики, идеологии и экономики смягчался успешным развитием военного сотрудничества. СССР с самого начала оказывал Албании крупную военную помощь — почти бесплатные поставки вооружений, подготовка офицерских кадров и т. д., но не планировал размещения войск на постоянной основе. Ситуация изменилась после вступления Греции и Турции в НАТО (1952) и визитов кораблей ВМФ СССР в Албанию в 1954 г. и 1956 г.

⁹ *Наша дружба на века: Пребывание партийно-правительственной делегации Советского Союза в Народной Республике Албания. Май–июнь 1959 г. 1959. Сборник материалов.* Москва: Госполитиздат. С. 135.

¹⁰ Ходжа Э. Указ. соч. С. 65–72.

¹¹ АВП РФ. Ф. 67. Оп. 16. Папка № 19. Пор. № 14. Л. 39.

¹² *Наша дружба на века...* С. 16.

На советских моряков большое впечатление произвела бухта Паша-Лиман как место возможного создания базы ВМФ. Эту идею полностью поддержал Э. Ходжа, заявивший министру обороны СССР Г.К. Жукову, что Албания готова стать передовой линией обороны Севастополя и Одессы¹³. В 1958 г. база во Влёре была открыта, на ней разместились 12 подводных лодок. Предполагалось, что по мере подготовки экипажей все они будут переданы Албании. Появление советской базы давало руководству АПТ значительно большую уверенность в своих силах как на международной арене, так и внутри страны. Более того, Э. Ходжа был готов к размещению в Албании советских ракет и ядерного оружия в ответ на планы США разместить свои ракеты и ядерное оружие в Греции и Турции и испытал разочарование, когда СССР не пошёл на это (Улунян 2013: 47).

Осложняющим моментом были личные взаимоотношения руководителей двух стран. Н.С. Хрущёв — в отличие от И.В. Сталина — не вызывал у Э. Ходжи восхищения, хотя первоначально со стороны албанского лидера были попытки наладить контакт с Н.С. Хрущёвым. У самодовольного и подозрительного Э. Ходжи крайне негативную реакцию провоцировал снисходительно-покровительственный тон, которым с ним разговаривали руководители КПСС. Такой же стиль общения проявлялся и на более низких уровнях. Например, посольство СССР отмечало неуважительное отношение делегации советских писателей, прибывшей на съезд писателей и работников искусств Албании (1957), что вызвало сильное разочарование у хозяев мероприятия¹⁴. Всё это вело, как отмечал классик албанской литературы И. Кадаре, к формированию и у Э. Ходжи, и у албанского общества в целом представления о Москве как о «Третьем Риме» (Kadare 1981: 124).

Нельзя сказать, что в ЦК КПСС не видели этих проблем, но там главное внимание уделялось отношениям с КПК. Считалось, что разногласия с АПТ, как и с Трудовой партией Кореи (ТПК), Партией трудящихся Вьетнама (ПТВ) и некоторыми другими не выйдут за определённые рамки. Большие надежды возлагались на визит Н.С. Хрущёва в Албанию 1959 г. То, что впервые в истории Албании её посещал высший руководитель великой державы, конечно, льстило самолюбию Э. Ходжи и правящих кругов — Н.С. Хрущёву был оказан самый пышный приём. В приветственной речи Э. Ходжа назвал Н.С. Хрущёва выдающимся руководителем Коммунистической партии и Советского правительства, великим сыном советского народа, верным учеником великого Ленина, выдающимся деятелем международного коммунистического и рабочего движения, великим борцом за мир, близким сердцу другом¹⁵. Однако результат визита оказался скромным: обе стороны сохранили свои позиции без изменений.

¹³ Георгий Жуков. 2001. *Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы*. Москва: МФД. С. 181.

¹⁴ АВП РФ. Ф. 67. Оп. 16. Папка 19. № 14. Л. 31–32.

¹⁵ *Наша дружба на века...* С. 7.

Вскоре разногласия стали ещё заметнее. Нейтральная позиция, занятая Москвой в пограничном конфликте Китая и Индии в августе-сентябре 1959 г., вызвала недовольство Пекина, считавшего это нарушением принципов пролетарского интернационализма. Официальные лица Албании выступали очень осторожно, но в партийной печати определённый крен в сторону Китая несомненно присутствовал¹⁶. Во время празднования 15-летия освобождения Албании газета «Правда» — в отличие от предшествующих лет — опубликовала не доклад Э. Ходжи, а его статью, в которой поддерживалась идея Н.С. Хрущёва о «цветущем саде», но полностью обходились политические и идеологические проблемы¹⁷. В информации посольства СССР отмечалось, что во время празднования делались необоснованные выпады против Югославии¹⁸. Однако в редакционной статье «Правды», посвящённой 90-летию И.В. Сталина, среди его ошибок конфликт с Югославией не упоминался¹⁹, а в январе 1960 г., принимая югославскую делегацию, Н.С. Хрущёв вновь подтвердил поддержку Албании²⁰.

В феврале 1960 г., когда Э. Ходжа и председатель совета министров М. Шеху прибыли в Москву на ежегодное совещание правящих компартий и заседание Политического консультативного комитета (ПКС) ОВД, А.И. Микоян информировал их о разногласиях с КНР²¹. Албанская делегация не определила своей позиции, но и не предприняла чего-либо, что вызвало недовольство Н.С. Хрущёва, который принял делегацию сразу после окончания работы ПКС ОВД. Как говорилось в официальном сообщении, «встреча прошла в братской, сердечной обстановке»²², что означало высший уровень отношений. Однако не всё было безоблачно. По донесениям ЦРУ США, на совещании компартий между Э. Ходжей и В. Гомулкой произошла стычка по вопросам сельского хозяйства, в которой Н.С. Хрущёв поддержал В. Гомулку²³. Так как сразу после московских встреч албанская полиция предприняла недружественную акцию в отношении польского дипломата, а посольство Албании в Польше выдвинуло ряд обвинений против её властей (Skobelski 2010: 146–150), создаётся впечатление, что такой инцидент имел место, хотя он не упоминается ни в научной литературе, ни в других источниках. В целом Э. Ходжа явно занял выжидательную позицию, поскольку ему не было ясно, как далеко зайдёт конфликт КПСС и КПК.

¹⁶ Zëri i Popullit. 1959. 15 Shtator.

¹⁷ Правда. 1959. 29 ноября.

¹⁸ АВП РФ. Ф. 67. Оп. 19. Папка 27, № 15. Л. 1–9.

¹⁹ Правда. 1959. 21 декабря.

²⁰ Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг. Т. 1: 1946–1964. 2014. Документы. Москва: МФД. С. 307.

²¹ Ходжа Э. Указ. соч. С. 412.

²² Правда. 1960. 6 февраля.

²³ Current Intelligence Staff Study. Soviet - Albanian Relations, 1940–1960 (Reference Title: ESAU XIX-62) Secret, Intelligence Report, 104642/62; ESAU XIX-62), June 22, 1962. Central Intelligence Agency. p. 63 URL: <https://www.cia.gov/reading-room/docs/esau-19.pdf> (accessed 04.04.2024)

В апреле 1960 г. в связи с празднованием 90-летия со дня рождения В.И. Ленина в советской и китайской печати началась скрытая полемика по вопросам перспектив мирового развития. Советское посольство в целом позитивно оценило юбилейные мероприятия в Албании²⁴, но Тирана опять предпочла обойти спорные сюжеты.

Позиция албанской делегации на заседании Генерального совета Всемирной Федерации профсоюзов в Пекине в июне 1960 г. полностью не ясна. Перед заседанием состоялась встреча компартий, чьи представители работали в руководстве и аппарате ВФП, на которой выявились разногласия между КПСС и КПК. Из материалов архива ВЦСПС следует, что после ряда дискуссий представителям КПСС было поручено пригласить на такие встречи делегации всех правящих компартий, включая АПТ²⁵. Однако непонятно, почему КПСС этого не сделала, протестовали ли против этого китайцы и как реагировали албанцы. Из данных архивного дела складывается впечатление, что позицию КПК поддерживали только коммунисты Индонезии, а Албания не вмешивалась в дискуссию. Такая же информация содержалась в документах ЦРУ²⁶.

В июне 1960 г. по пути из КНР член политбюро секретарь ЦК АПТ Л. Белишова сообщила ЦК КПСС, что КПК пытается привлечь АПТ на свою сторону. Попытка руководителей КПСС обсудить этот сюжет с находившимся в Москве М. Шеху привела к тому, что он немедленно вылетел в Тирану. Вскоре Л. Белишова, а также известный симпатиями к КПСС председатель Центральной контрольной комиссии К. Ташко были сняты со всех постов и арестованы. До того обмен конфиденциальной информацией между КПСС и АПТ был обычным делом. Так, например, член президиума ЦК КПСС Д.С. Полянский в деталях рассказал Л. Белишовой о том, как проходило смещение В.М. Молотова и его сторонников. Сам Э. Ходжа неоднократно говорил, что у Албании нет от СССР никаких партийных или государственных секретов. Теперь был дан совершенно противоположный сигнал. Н.С. Хрущёв признал, что в Москве недооценили значение этих событий, продолжая считать Э. Ходжу и М. Шеху своими друзьями²⁷.

В июне 1960 г. произошло ещё одно событие, имевшее крайне негативные последствия для албано-советских отношений. В беседе с видным греческим политиком С. Венизелосом Н.С. Хрущёв в контексте возможного улучшения отношений пообещал поговорить с Э. Ходжей о предоставлении автономии греческому меньшинству Южной Албании. Руководители АПТ, почти все - выходцы

²⁴ АВП РФ. Ф. 67. Оп. 19. Папка 27, № 15. Л. 1-9.

²⁵ ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 43. Дело 1396.

²⁶ The Sino-Soviet Dispute (The 6 December Declaration, and Soviet and Chinese Presentations of It) Reference Title-ESAU XIV-61, Secret, Intelligence Report, OCl 1095.61; ESAU XIV-61, March 17, 1961. *Central Intelligence Agency*. p. 7. URL: <https://archive.org/details/us-china-intel-CI01415> (accessed 04.04.2024)

²⁷ Хрущёв Н.С. Указ. соч. С. 46.

из Южной Албании, восприняли это очень болезненно. Подозрения, что СССР, несмотря на обязательства по Варшавскому пакту, не придёт на помощь в случае греческой агрессии, вспыхнули с новой силой и постепенно широко распространились как в партийной среде, так и среди населения.

Данные разногласия развивались на фоне нараставшего конфликта КПСС и КПК, который беспокоил Москву всё сильнее. 2 июня 1960 г. ЦК КПСС предложил провести в Бухаресте во время работы III съезда Румынской рабочей партии совещание правящих компартий и заседание ПКК ОВД для выработки общей линии²⁸. Это предложение вызвало сдержанную реакцию: часть компартий считала, что КПСС и КПК сначала должны договориться между собой и только затем проводить многосторонние встречи. Тогда ЦК КПСС предложил приехавшим в Бухарест делегациям начать подготовительную работу по созыву нового Международного совещания компартий. Реакция на эту идею была скорее позитивной, но затем собравшимся делегациям без какого бы то ни было предупреждения было предложено одобрить обширный документ с критикой КПК. Первоначально Э. Ходжа хотел остаться в стороне от конфликта. Несмотря на просьбу ЦК КПСС, делегацию АПТ возглавил не он, а член политбюро Х. Капо. Однако, когда Н.С. Хрущёв внёс в повестку дня принятие документа с критикой КПК, Х. Капо получил указание выступить против его обсуждения. Для Н.С. Хрущёва это было полной неожиданностью²⁹. В результате в Бухаресте была сформирована комиссия из 26 компартий, включая КПК и АПТ, для подготовки нового Международного совещания компартий. Для КПК это было очень важно, поскольку давало время заручиться поддержкой некоторых других компартий (Lalaj 2013: 330).

Таким образом, во второй половине 1950-х гг. разногласия между КПСС и АПТ постепенно нарастали. В руководстве АПТ, несомненно, считались с возможностью дальнейшего дистанцирования от КПСС. Ухудшение отношений КПСС и КПК, а также накапливавшееся в правящих кругах Албании раздражение пренебрежительным отношением со стороны Москвы способствовали обострению уже сложившихся противоречий, а не были причиной возникновения советско-албанского конфликта. Поэтому поведение АПТ на совещании в Бухаресте было вполне закономерным, а не случайным стечением обстоятельств.

Наращение конфликта

На совещании компартий в Бухаресте АПТ нарушила один из основополагающих принципов международного коммунистического движения – признание лидирующей роли КПСС. Последствия оказались самыми серьёзными.

²⁸ Президиум ЦК КПСС, 1954–1964. Постановления, 1959–1964. 2003. Т. 3. Москва: РОСПЭН. С. 130.

²⁹ Хрущёв Н.С. Указ. соч. С. 119.

На XX съезде КПСС Н.С. Хрущёв критиковал И.В. Сталина за его политику в отношении Югославии. Однако теперь, столкнувшись с неповиновением Албании, он стал делать практически то же самое. Москва взяла курс на свёртывание связей и выдавливание Албании из блока социалистических государств, будучи уверенной, что та испугается и вернётся в орбиту советского влияния. Способность малого государства проводить самостоятельную политику была сильно недооценена. В ответ на действия Москвы правящие круги Албании не просто сплотились вокруг Э. Ходжи, но ещё и ужесточили свою позицию. Большую роль тут сыграл и эмоциональный момент — давление особенно болезненно воспринималась малым народом, в исторической памяти которого были сильны воспоминания об унижениях и оскорблениях со стороны других стран.

Летом-осенью 1960 г. перед руководством АПТ встал вопрос о выработке новой стратегии. Примирение с СССР было исключено, так как риск потери власти казался Э. Ходже и его окружению слишком велик. Среди советских официальных лиц, работавших в Албании, было распространено мнение, что страна пойдёт по пути Югославии и начнёт сближаться с Западом. Так, представитель объединённого командования войск ОВД генерал-полковник А.М. Андреев считал, что албанцы «уходят к китайцам», но «тяготеют к итальянцам»³⁰. Чехословацкие дипломаты обращали внимание советских журналистов, что машины с итальянскими дипломатическими номерами всё чаще появляются у МИД Албании и что под видом репараций Италия может оказать Албании и какую-то экономическую помощь³¹. Даже постановка в театре Тираны оперы Пуччини «Мадам Баттерфляй» расценивалась как проявление прозападных тенденций³².

Однако сближения Албании с Западом не произошло. Более того, ни одна из сторон не проявляла к этому интерес. Главной ареной межблокового противоборства была Центральная Европа, и дополнительно осложнять отношения с СССР противостоянием на Балканах Запад не собирался. Серьёзного военно-стратегического значения для НАТО Албания не имела. Нельзя не согласиться с мнением, что у Запада в те годы не было чёткой стратегии в Юго-Восточной Европе и он выступал скорее как наблюдатель (Gallagher 2005: 202, 206). В случае падения Э. Ходжи наиболее вероятным представлялся приход к власти просоветских, а не прозападных политиков, что в планы США также не входило. И, наконец, США всегда с большим подозрением относились ко всем компартиям, в том числе и тем, которые отмежёвывались от КПСС. США оказали помощь

³⁰ Андреев В. 2020. Владимир Андреев о своём отце генерал-полковнике А.М. Андрееве. Дата публикации: 11.08. Союз ветеранов ВИИЯ. URL: <https://vkimo.com/> (дата обращения 04.04.2024)

³¹ ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 38. Дело 1078. Л. 62–64.

³² Там же. Л. 58.

Югославии только в 1950 г., когда Белград попросил её (Никифоров 2011: 621); проигнорировали в 1955 г. знаки внимания со стороны руководителей Румынии, убеждавших американских дипломатов в независимости своей страны³³; несмотря на расхождения СССР и КНР, продолжали долгое время признавать только Тайвань законным правительством (Cohen 2019: 199, 210); не стали инициировать шагов навстречу западноевропейским компартиям, которые негативно отнеслись к советскому вторжению в Афганистан (Юнгблюд, Бакшаев 2022). Э. Ходжа тоже не стремился к сближению с Западом. Для него это было, скорее всего, неприемлемо как по идеологическим, так и по политическим причинам. Одной из основных линий размежевания было то, что АПТ постоянно противопоставляла себя КПСС как принципиального и последовательного борца с империализмом. В начале 1960-х гг. у Албании было значительно больше политических проблем, чем у Югославии в конце 1940-х гг.: отсутствие мирного договора с членом НАТО Грецией, неурегулированный конфликт из-за инцидентов с британскими эсминцами в 1946 г., отсутствие дипломатических отношений США и т. д. Поэтому для улучшения отношений с Западом требовался бы резкий идейно-политический поворот, для Э. Ходжи слишком рискованный. Примечательна позиция Югославии: несмотря на напряжённые отношения с Албанией, Белград считал линию КПСС на разрыв отношений с ней архаичной и контрпродуктивной, но одновременно отвергал все намёки Тираны на возможность улучшения двусторонних отношений (Животич 2022: 277–278).

Выбор Китая в качестве главного партнёра представлялся наиболее предпочтительным для Э. Ходжи. Албанская модель социализма была значительно ближе к китайской, чем к советской, хотя и не тождественна ей. И АПТ, и КПК идеологически занимали схожие позиции, называя себя подлинными марксистами-ленинцами, борцами с ревизионизмом и любыми другими уклонами. Возможности КПК влиять на внутреннюю политику АПТ были очень малы. В то же время в АПТ ошибочно рассчитывали, что экономическая помощь из КНР будет не меньше советской и поступит очень быстро. Сотрудничество КПК и АПТ было важным и для демонстрации того, что они не находятся в изоляции и могут стать точкой притяжения для всех недовольных «ревизионизмом» КПСС. Некоторый интерес представляло и то, что Албания в 1960-е гг. — в отличие от КНР, КНДР и Северного Вьетнама — была членом ООН и могла выступить одним из каналов доведения китайской точки зрения до мирового сообщества.

Новый курс был официально закреплён 11 июля 1960 г. на пленуме ЦК АПТ, который одобрил деятельность делегации АПТ на совещании в Бухаресте. В его материалах многократно подчёркивалось, что АПТ занимает подлинно

³³ Foreign Relations of the United States, 1955–1957, Eastern Europe. Vol. 25. Telegram from the legation in Romania to the Department of State. *United States of America. Department of State. Office of the historian*. 20 November 1955. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v25/d38> (accessed 04.04.2024)

марксистско-ленинскую позицию, а в выступлении Э. Ходжи впервые прозвучали критические замечания в адрес лично Н.С. Хрущёва и руководителей Польши и Болгарии³⁴. Последнее весьма примечательно: прежде именно болгары выступали (не без успеха) примирителями во время стычек польских и албанских официальных лиц³⁵. Таким образом, линия АПТ теперь состояла в постепенном идеологическом отмежевании от КПСС, усилении нападок лично на Н.С. Хрущёва, который отделялся от КПСС и советского народа, критике ближайших союзников КПСС и сближении с КПК. Нападки на Н.С. Хрущёва были объективно выгодны Мао Цзэдуну, так как создавали благоприятный фон для его возвеличивания как выдающегося теоретика марксизма-ленинизма и потенциального лидера международного коммунистического движения.

Со своей стороны, Москва стала оказывать нажим, уменьшив экономическую помощь. Наиболее болезненным был отказ от поставок ранее обещанных 50 000 т. зерна (Mahmutaj 2023: 61). Однако Э. Ходжа, возложив ответственность за все трудности на Н.С. Хрущёва, сумел обратить ситуацию в свою пользу, и в настроении албанского общества осенью 1960 г. произошёл сдвиг в неблагоприятную для СССР сторону.

Сказался также ряд ошибок посла СССР В.И. Иванова. Одним из проявлений того, что проблемы социалистических стран рассматривались ЦК КПСС в контексте внутренней политики, стала практика назначения в них послами не профессиональных дипломатов, а партийных и советских работников, не имевших опыта международной деятельности. В.И. Иванов многие годы работал в Иркутской и Хабаровской областях, а затем короткое время был послом в КНДР, где отношения с руководителями страны у него явно не сложились. В Пхеньяне считали, что инициатива по смещению в августе – сентябре 1956 г. Ким Ир Сена исходила именно от В.И. Иванова – хотя есть основания считать, что за этой попыткой стояла КПК (Ланьков 2009: 199). В феврале 1961 г. делегация Трудовой Партии Кореи рассказала о своих подозрениях Э. Ходже, что ещё более усилило его опасения³⁶. Ряд встреч с членами ЦК, которые В.И. Иванов провёл для выяснения обстановки сразу после пленума ЦК АПТ, Э. Ходжа воспринял как попытку расколоть ЦК АПТ. Первое подозрение, возникшее у него в связи с зондированием заведующим отделом ЦК КПСС Ю.В. Андроповым позиции отдельных членов делегации АПТ на совещании в Бухаресте, теперь многократно укрепились.

³⁴ Ходжа Э. 1980. *Избранные произведения Т. 3: Июнь 1960 – октябрь 1965*. Тирана: 8 Нентори. С. 23–45.

³⁵ АВП РФ. Ф. 67. Оп. 19. Папка 19. Пор. № 14. Л. 28.

³⁶ Kaloçi D. n.d. Ditari sekret i Enverit, 10 shkurt '61: "Delegati korean, më tha se Ivanovi që ka qenë ambasador në Tiranë, atje kishte organizuar kundërrevolucion, ...". Ngjarjet pas konfliktit me Moskën dhe fotot e rralla. URL: <https://memorie.al/ditari-sekret-i-enverit-10-shkurt-61-delegati-korean-me-tha-se-ivanovi-qe-ka-qene-ambasador-ne-tirane-atje-kishte-organizuar-kunderrevolucion-ngjarjet-pas-ko/> (accessed 04.04.2024)

Ситуацию качественно усугубил инцидент 6 августа 1960 г. Во время беседы с группой албанских официальных лиц В.И. Иванов неожиданно обратился к присутствовавшим военным с вопросом, на чьей стороне они будут. Э. Ходжа воспринял этот выпад как стремление противопоставить вооружённые силы партийному руководству и реагировал достаточно жёстко. В июле-августе 1960 г. по обвинению в заговоре была арестована группа военных, включая командующего ВМФ вице-адмирала Т. Сейко и работников партийного и государственного аппарата. Различные версии «дела Т. Сейко» подробно рассмотрены в научной литературе (Улунян 2012: 16–32). До открытия архивов советских спецслужб вопрос о том, пытались ли они как-то использовать Т. Сейко или он стал жертвой подозрительности Э. Ходжи, остаётся открытым. С одной стороны, Т. Сейко и другие обвиняемые вряд ли обладали ресурсами для государственного переворота. Однако несомненно, что Т. Сейко, ранее возглавлявший военную разведку, имел связи с советскими спецслужбами и что Москва проявляла к этому делу значительный интерес. Советские офицеры скептически отнеслись к информации албанских военных о том, что Т. Сейко якобы передал НАТО секретные документы, но общая обстановка на базе во Влёре оставалась нормальной³⁷.

17 августа 1960 г. В.И. Иванов покинул Албанию и больше в неё не возвращался, хотя официально был освобождён от должности только 24 ноября 1960 г. В ноябре 1960 г. Н.С. Хрущёв и другие руководители КПСС в беседе с Э. Ходжой отмежевались от слов В.И. Иванова. ЦК АПТ отклонил предложения ЦК КПСС о проведении переговоров, поставив условие участия в них КПК³⁸. В августе 1960 г. на отдых в Албанию прибыл генеральный секретарь ФКП М. Торез — один из наиболее близких к Москве политиков, который, однако, был недоволен критикой И.В. Сталина. Он безуспешно пытался убедить Э. Ходжу не усугублять разногласия, а тот, столь же безуспешно, убеждал М. Тореза перейти на его сторону.

В июле-августе 1960 г. разногласия Тираны с Москвой впервые проявились и в информационном пространстве. Из публичных речей руководителей АПТ постепенно исчезли все упоминания о Н.С. Хрущёве, а на закрытых партийных мероприятиях негативные отзывы о нём постепенно нарастали. Как отмечала *The New York Times*, если год тому назад албанская пресса повторяла газету «Правда», то теперь это была копия «Жэньминь Жибао»³⁹. Корпункт ТАСС в Тиране был настроен оптимистичнее — проведённый им анализ албанских СМИ показывал значительный рост материалов агентства «Синьхуа», но их было по-прежнему меньше, чем материалов ТАСС. Вместе с тем советские журналисты

³⁷ Козлов В.С. 2008. *Средиземноморский экстрим*. Санкт-Петербург: Ника. С. 53–54.

³⁸ Президиум ЦК КПСС, 1954–1964. *Постановления*. 2015. Т. 3. Москва: РОССПЭН. С. 163.

³⁹ *The New York Times*. 1960. 7 October.

обратили внимание, что на заключительном концерте гастролей советских артистов присутствовали два кандидата в члены политбюро ЦК АПТ, а на китайском концерте — четыре члена и два кандидата в члены политбюро ЦК АПТ⁴⁰.

На XV сессии Генеральной ассамблеи ООН (сентябрь 1960 г.) Албания была единственной страной ОВД, чью делегацию возглавлял не первый секретарь ЦК (на чём настаивал Н.С. Хрущёв), а председатель совета министров - М. Шеху. В его речи акценты были расставлены несколько иначе, чем в выступлении Н.С. Хрущёва, и содержалась высокая оценка деятельности КНР. Албания не поддержала, согласованное с другими социалистическими странами предложение Польши «обратиться с призывом ко всем государствам не создавать новых военных баз на территории других государств и не разрешать создание новых военных баз на своих территориях»⁴¹. Э. Ходжа расценил это как недопустимое сохранение статус-кво с империализмом и поручил М. Шеху предупредить делегации социалистических стран, что Албания будет осуждать польские инициативы на предстоящем совещании компартий⁴². Позднее председатель КНР Лю Шаоци в беседе с В. Гомулкой признал, что это было сделано также и по их просьбе. Н.С. Хрущёв уже не скрывал своего раздражения, не подав М. Шеху руки на одном из приёмов. Как бы то ни было, газета «Правда» опубликовала полный текст речи М. Шеху и его портрет⁴³, а албанская «Зери и популлит» - только изложение речи Н.С. Хрущёва и без фотографий.

В октябре 1960 г. в ходе подготовки Международного совещания компартий делегация АПТ, в которую входили Х. Капо и ставший вместо Л. Белишовой секретарём ЦК АПТ Р. Алиа, продолжала проводить ранее разработанную линию. При этом её нападки на КПСС были самыми резкими. Определённая координация действий между КПК и АПТ существовала, но Э. Ходжа был недоволен тем, что делегация КПК воздерживалась от критики лично Н.С. Хрущёва и признавала серьёзные ошибки И.В. Сталина. Э. Ходжа опасался, что КПК пойдёт на «сговор с ревизионизмом», подозревая в таких намерениях Дэн Сяопина⁴⁴.

В ноябре 1960 г. Э. Ходжа прибыл в Москву. Во время празднования 43-й годовщины Октябрьской революции ему были оказаны те же почести, что и другим руководителям социалистических стран (несколько больше внимания было уделено только Лю Шаоци). Э. Ходжа сначала отказался от встречи с Н.С. Хрущёвым, но затем согласился. Она состоялась 12 ноября 1960 г. и закончилась перепалкой и демонстративным уходом делегации АПТ⁴⁵. Н.С. Хрущёв,

⁴⁰ ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 38. Дело 992. Л. 3, 5.

⁴¹ General Assembly, 15th session : 874th plenary meeting, Tuesday, 27 September 1960, New York. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/740825?ln=ru&v=pdf#files> (accessed 01.02.2024)

⁴² Ходжа Э. 1980. Избранные произведения. Т. 3: Июнь 1960 - Октябрь 1965. Тирана: Издательство «8 Нентори». С. 58.

⁴³ Правда. 1960. 27 сентября.

⁴⁴ Ходжа Э. 1980. Избранные произведения... Т. 3. С. 83.

⁴⁵ Там же. С. 101-110.

несомненно, вёл себя вызывающе, как начальник с подчинённым, но и Э. Ходжа явно искал предлог для конфликта. Текст его речи на Международном совещании компартий 16 ноября 1960 г. был одобрен ЦК АПТ 1 ноября 1960 г., то есть ещё до отъезда в Москву. В ней Э. Ходжа вновь позиционировал себя борцом за чистоту марксизма-ленинизма, а также резко критиковал политику СССР и его ближайших союзников и делал беспрецедентно грубые выпады, на грани личных оскорблений, против Н.С. Хрущёва и ряда других руководителей КПСС⁴⁶. Это был первый в истории прецедент, когда руководитель одной из компартий выступал на всемирном форуме коммунистов со столь грубыми обвинениями в адрес руководства КПСС. Реакция почти всех компартий на эту речь была скорее негативной — даже разделявшие взгляды АПТ были шокированы её тоном. Почти сразу Э. Ходжа покинул Москву.

После длительных переговоров участники совещания выработали текст Заявления. В нём, с одной стороны, подтверждались положения Декларации 1957 г. о главенствующей роли СССР в мировой системе социализма и значении решений XX съезда КПСС, но одновременно содержались жёсткая критика «югославского ревизионизма» и некоторые оценки международного положения, близкие к взглядам КПК и АПТ. В нём также говорилось, что «когда у той или иной партии возникают вопросы, относящиеся к деятельности другой братской партии, то её руководство обращается к руководству соответствующей партии; в случае необходимости проводятся встречи и консультации»⁴⁷. В целом принятие Заявления стало определённым успехом КПСС. КПК и АПТ пришлось согласиться с ним из опасения оказаться в изоляции и предстать перед другими компартиями в качестве раскольников, но вносить какие-либо принципиальные изменения в свою политику они не собирались.

В ряде публикаций утверждается, что во время Международного совещания советский посол предложил министру обороны, члену Политбюро ЦК АПТ и одному из наиболее влиятельных людей Албании Б. Балуку, который в тот момент был высшим руководителем, находившимся в стране, взять власть, но тот не только отказался, но и пригрозил ответными мерами, если с Э. Ходжей и М. Шеху в СССР что-то случится (Fevziu 2016: 152–153). Эта версия базируется на воспоминаниях родственников Б. Балуку. Для прояснения этого сюжета, как и в случае с Т. Сейко, имеющихся источников недостаточно, но нам это представляется маловероятным. И дело не только в том, что советского посла в то время в Тиране не было. Руководство КПСС всегда весьма настороженно относилось к политическим амбициям военных как в СССР, так и в других социалистических странах. Показательно, что в 1948–1949 гг. И.В. Сталин пытался сместить И. Тито через своих сторонников именно в партийном руководстве,

⁴⁶ Ходжа Э. 1975. *Избранные произведения. Т. 2: ноябрь 1948 – ноябрь 1960*. Тирана: 8 Нентори. С. 853–936.

⁴⁷ *Документы совещаний представителей коммунистических и рабочих партий Москва, ноябрь 1960 года*. 1960. Москва: Госполитиздат. С. 53.

но не в вооружённых силах, где их было немало. Сомнительно, чтобы Н.С. Хрущёв, почти сразу после снятия Г.К. Жукова, чьей политической роли он явно опасался, согласился бы на отстранение партийного руководства военными.

Празднование Дня освобождения Албании 29 ноября 1960 г. прошло в СССР в основном как обычно, но некоторые нюансы были. Так, в поздравлениях Н.С. Хрущёва и Л.И. Брежнева ничего не говорилось об успешном развитии советско-албанских отношений⁴⁸. Мировая пресса пристально наблюдала за тем, кто пойдёт на приёмы в албанское и югославское посольства, где праздничная дата тоже была в конце ноября. В Москве в посольство Албании пришли три члена президиума ЦК КПСС, а Югославии — два⁴⁹. В Пекине в посольство Албании пришёл сам Мао Цзэдун. Предпочтения сторон стали ещё очевиднее.

Таким образом, в течение нескольких месяцев происходило обострение противоречий и свёртывание сотрудничества по всем линиям, кроме военной, игравшей роль некоторого стабилизатора. Однако прямые столкновения Н.С. Хрущёва и Э. Ходжи во время двусторонних переговоров и Международного совещания компартий и последовавшее полное прекращение контактов на высшем уровне показывали, что точка невозврата уже пройдена.

Разрастание конфликта

Внешнее единство, достигнутое на Международном совещании компартий в ноябре 1960 г., не могло не быть временным, поскольку все противоречия и разногласия сохранялись. Ярким подтверждением этого стало и дальнейшее разрастание советско-албанского конфликта.

В сферах политики и идеологии игру на обострение вела АПТ. В ноябре-декабре 1960 г. в Албании были сняты портреты Н.С. Хрущёва⁵⁰, а печать стала значительно меньше писать об СССР. Обмен новогодними поздравлениями также весьма примечателен — руководители СССР и Албании выражали наилучшие пожелания народу другой страны, но не лично друг другу⁵¹. Руководству и народу Болгарии Э. Ходжа и М. Шеху пожелали укрепления связей и с СССР, и с КНР⁵². В 1961 г. в албанской прессе появились сообщения только о тех событиях в СССР, которые замолчать было невозможно, как, например, полёты первых космонавтов Ю.А. Гагарина и Г.С. Титова. Советская печать также очень редко писала об Албании. Такой подход распространялся постепенно и на другие сферы. Так, МИД СССР высказался против выпуска почтовой марки по случаю 15-летия провозглашения Албании народной республикой⁵³.

⁴⁸ *Правда*. 1960. 29 ноября.

⁴⁹ *Правда*. 1960. 30 ноября.

⁵⁰ ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 38, дело 1078. Л. 38.

⁵¹ *Правда*. 1961. 3 января.

⁵² Работническо дело. 1961. 3 януари.

⁵³ АВП РФ. Ф. 67. Оп. 19. Папка 26. Пор. № 4. Л. 14.

В декабре 1960 г. ЦК АПТ принял решение о созыве IV съезда партии, желая закрепить его решениями политику отмежевания от КПСС. На закрытых партийных собраниях политика СССР и других социалистических стран подвергалась нападкам и всячески противопоставлялась АПТ и КПК, которые, как утверждалось, твёрдо стоят на платформе марксизма-ленинизма. При этом постоянно говорилось о том, что СССР оказывает не такую уж большую экономическая помощь и не будет защищать Албанию от внешних угроз. Корпункту ТАСС в Тиране стало известно о выступлении кандидата в члены политбюро ЦК АПТ К. Теодоси на партийном собрании текстильного комбината в Тиране. К. Теодоси характеризовал Н.С. Хрущёва как «самого большого ревизиониста», «советского царя», «друга Эйзенхауэра» и даже использовал грубые нецензурные выражения. В. Ульбрихт был назван «фашистом», Т. Живков – «более опасным, чем Тито», а о В. Гомулке было сказано, что он «вообще не коммунист», тогда как Мао Цзедуна докладчик называл «гением». К. Теодоси не отрицал получения советской и болгарской помощи, но убеждал собравшихся, что она могла бы быть и большей. «Они, – сказал он, – думают о новых модах, а наши рабочие голодают. Смотрите, какие вы худые и слабые, а русские и болгары – здоровые, как свиньи». Рассказом о внешних угрозах и якобы отказе СССР помогать Албании К. Теодоси довёл присутствующих до такого состояния, что они стали требовать немедленной раздачи оружия. Информация о произошедшем была сразу же доложена в ЦК КПСС⁵⁴.

В январе 1961 г. в Албанию прибыл новый советский посол И.В. Шикин. Он, как и его предшественники, был партийным работником, но значительно более высокого уровня — входил в состав Центральной ревизионной комиссии КПСС и имел воинское звание генерал-полковника, что уважалось в правящих кругах Албании. Однако добиться каких-либо изменений в политике АПТ он не смог.

IV съезд АПТ (13–18 февраля 1961 г.) стал ещё одним крупным шагом на пути к полному политическому и идеологическому разрыву с КПСС. Доклад Э. Ходжи был сдержаннее, чем его выступление на Международном совещании компартий 16 ноября 1960 г., но, как отмечал Ф.М. Бурлацкий, оказался «хуже, чем ожидалось»⁵⁵. Газета «Правда» опубликовала его в сокращённом виде, но сам Э. Ходжа, видимо, считал, что пошёл на слишком большие уступки КПСС — в последующих изданиях его трудов раздел доклада о международном положении также давался в сокращении. Съезд проходил в атмосфере прославления Э. Ходжи. Имя Н.С. Хрущёва упоминалось только в выступлениях иностранных коммунистов при полном молчании делегатов съезда и представителей КПК⁵⁶,

⁵⁴ ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 38. Дело 1078. Л. 39–40.

⁵⁵ Бурлацкий Ф.М. 2002. *Никита Хрущёв и его советники – красные, чёрные, белые*. Москва: Эксмо-Пресс. С. 196.

⁵⁶ ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 38. Дело 1078. Л. 47–48.

а И.В. Сталина неоднократно цитировали как одного из классиков марксизма-ленинизма. В речи главы делегации КПСС П.Н. Поспелова — в отличие от его выступления на III съезде (1956) — не упоминались ни Э. Ходжа, ни ЦК АПТ, но подчёркивалась значимость сохранения единства международного коммунистического движения и подтверждались гарантии безопасности Албании как члена ОВД⁵⁷. Делегации КПК, компартии Малайи и некоторых других, ориентирующихся на КПК, заявляли о полном одобрении политики АПТ, которая «высоко держит знамя марксизма-ленинизма на берегах Адриатики»⁵⁸. Делегаций компартий, чья позиция была близка к КПСС, было значительно меньше, а представитель компартии Греции, несмотря на протесты делегации КПСС, был и вовсе удалён⁵⁹.

Серьёзное значение имело сделанное на съезде заявление о предотвращении нападения на Албанию 6-го флота США, Греции и Югославии при участии заговорщиков внутри страны, причём их имена не назывались. Затем МИД Албании информировал об этом послов социалистических государств⁶⁰. То, что Албания не сделала этого раньше, было нарушением её обязательств в рамках ОВД. В Тиране ожидали, что одна из правящих компартий публично выступит с критикой их политики⁶¹. Однако Москва действовала осторожнее, согласившись с предложением В. Гомулки обсудить вопрос на заседании ПКК ОВД.

IV съезд АПТ вновь продемонстрировал, что Э. Ходжа полностью контролировал ситуацию в партии и стране, а у Москвы практически отсутствовали возможности влиять на неё.

Политика КПСС в отношении всех компартий, особенно правящих, была очень персонифицированной. Ставка делалась на генерального секретаря ЦК и нескольких высших должностных лиц, которые приходили к власти с помощью Москвы и, как ожидалось, станут поддерживать её политику. Однако, если первое лицо проявляло самостоятельность, то вся система рушилась, особенно в тех случаях, когда лидер уже сконцентрировал в своих руках огромную власть и расставил на ключевые посты преданных себе людей. Как отмечал Б. Шалонтай, «диктатор, который проводил жёсткую линию и пользовался поддержкой большинства членов политбюро и ЦК, был крепким орешком» (Szalontai 2005: 83). Э. Ходжа — безусловно, харизматичный, опытный и жестокий политик — смог сместить, а в ряде случаев и расправиться, не только со своими соперниками, но и с теми, в чьей лояльности он всего лишь сомневался. В ЦК АПТ многое определяли и родственные связи. Серьёзной внутрипартийной борьбы по вопросу о кардинальной смене курса не было. Советские официальные лица, работавшие

⁵⁷ *Правда*. 1961. 15 февраля.

⁵⁸ ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 38. Дело 1078. Л. 69.

⁵⁹ Там же. Л. 45–46.

⁶⁰ Kaloçi D. Op. cit.

⁶¹ ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 38. Дело 1078. Л. 54.

в Албании, имели слабое представление о взглядах руководителей АПТ. Так, во внутренних материалах ТАСС утверждалось, будто Э. Ходжа постоянно колебался, но М. Шеху и Х. Капо удавалось склонить его к более жёсткой позиции в отношении КПСС⁶². Некоторые надежды возлагались на первого секретаря Тиранского горкома Р. Дервиши, который собирался на учёбу в Высшую партийную школу при ЦК КПСС, но не был избран на съезде кандидатом в члены политбюро ЦК, и — что особенно странно — на члена политбюро М. Мюфтиу⁶³, который на протяжении всей своей жизни был одним из самых стойких сторонников Э. Ходжи.

В действительности партийный и государственный аппарат, вооружённые силы и спецслужбы находились под жёстким контролем Э. Ходжи и почти всех их устраивала существовавшая в Албании модель социализма; они опасались больше потерять, чем выиграть в случае изменений. Примечательно, что, хотя почти все высшие должностные лица Албании прошли в том или ином виде обучение в СССР, они поддерживали Э. Ходжу, единственным оппонентом которого выступил К. Ташко — выпускник Гарвардского университета. Недовольство части военных вызывало и то, что, по их оценкам, оружие, поставленное СССР, было не самых современных моделей. Они также считали, что в 1962 г. КНР создаст собственное ядерное оружие и предоставит Албании более реальные гарантии безопасности, чем СССР⁶⁴.

Важно подчеркнуть, что идеи «оттепели», исходившие из СССР, не были результатом внутреннего развития. Если в ГДР, Чехословакии, Венгрии, Польше сопоставление жизненного уровня с ФРГ и Австрией способствовало распространению у населения и части правящих кругов реформаторских настроений, то в Албании ничего подобного не наблюдалось. Большинство албанцев видели в соседях прежде всего противников: сказывались память об итальянской оккупации, о проектах включения Албании в состав Югославии, опасения территориальных притязаний со стороны Греции. К этому надо добавить и социальные изменения, проходившие тогда в Албании: хотя жизненный уровень оставался очень низким, у многих людей, особенно крестьян, составлявших большинство населения, появилась надежда на повышение своего социального статуса в связи с увеличением числа промышленных предприятий и возможностью переехать в город, а особенно в связи с развитием системы образования. Крайне националистические настроения студентов первого в стране Тиранского университета были хорошо известны⁶⁵. Э. Ходжа не только во многом разделял их, но и использовал для укрепления своей власти. Отказ от проведения реформ

⁶² Там же. Л. 69.

⁶³ Там же. Л. 38, 59, 69.

⁶⁴ Там же. Л. 66.

⁶⁵ Там же. Л. 51–52.

обосновывался в глазах населения необходимостью противостояния импортным практикам и иностранному влиянию. Сильное раздражение требованиями Москвы копировать советский опыт даже в мелочах тоже сработало в пользу Э. Ходжи. Даже критиковавшие Э. Ходжу сторонники «оттепели» признавали, что «необходимо отречься от обезьяньего подражательства и чудовищного копирования русских методов»⁶⁶.

После IV съезда АПТ резко изменилась атмосфера вокруг граждан СССР и других стран ОВД. Любые их контакты с албанцами были сведены к минимуму и проходили под жёстким контролем партийных органов и спецслужб. В мае 1961 г. Э. Ходжа запретил предоставление советским гражданам любой информации.

В мае 1961 г. состоялся процесс по делу Т. Сейко. Посольство отправило в ЦК КПСС полный текст обвинительного заключения, а советские журналисты внимательно следили за ходом процесса. По их оценкам, никаких доказательств вины подсудимых представлено не было⁶⁷.

Ещё быстрее обрывались экономические связи. Однако, если в сферах политики и идеологии на обострение играла Тирана, то в сфере экономики инициатором был СССР, который пытался таким способом оказать давление на албанское руководство. 30 декабря 1960 г. президиум ЦК КПСС обсудил вопрос об Албании⁶⁸. В начале января 1961 г. СССР уведомил Тирану о своём отказе от ряда ранее достигнутых договорённостей. Подписание новых соглашений было обусловлено приездом на переговоры лично Э. Ходжи (ранее их подписывали заместители премьер-министров). Э. Ходжа в Москву не поехал, а в феврале и апреле 1961 г. Албания и КНР подписали несколько соглашений об экономическом сотрудничестве. Москва ответила на этот демарш почти полным разрывом экономических связей и отзывом всех специалистов. Аналогичным образом поступили и другие социалистические страны. К сентябрю 1961 г. членство Албании в СЭВ фактически прекратилось, хотя формально она из него никогда не выходила.

Однако ключевое значение имел полный разрыв военных связей. Инициатива исходила от Москвы. Руководство КПСС, видимо, рассматривало вопрос о базе во Влёре в двух плоскостях: локальной (несомненно, это был нажим на Э. Ходжу в очень чувствительной для него сфере) и глобальной, где главный акцент делался теперь на межконтинентальные баллистические ракеты, способные нанести удар по США, а постоянное присутствие ВМФ СССР в Средиземном море не считалось важным. Ошибочность такого подхода проявилась через несколько лет, когда обстановка на Ближнем Востоке резко обострилась.

⁶⁶ АВП РФ. Ф. 67. Оп. 16. Папка № 19. Пор. № 14. Л. 37.

⁶⁷ ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 38. Дело 1088. Л. 118-126.

⁶⁸ Президиум ЦК КПСС, 1954–1964. Постановления. 2015. Т. 3. Москва: РОССПЭН. С. 140.

Вопрос о базе во Влёре был основным на заседании ПКК ОВД 28–29 марта 1961 г. Внешне Москва держалась примирительно; в «Правде» появилась статья, в которой подчёркивалось, что суверенитет и территориальная целостность Албании гарантируются её участием в Варшавском договоре⁶⁹. Албанская делегация была единственной, которую возглавлял министр обороны, а не первый секретарь ЦК, но при встрече и проходах в аэропорту делегации были оказаны такие же почести, как и другим гостям. На заседании ПКК ОВД Б. Балуку спросили, почему, вопреки обязательствам по статьям 3 и 5 Варшавского договора, Албания не сообщила союзникам об угрозе нападения на неё и не представила никаких материалов по этому поводу и почему Албания не поддерживает инициатив социалистических государств по смягчению напряжённости на Балканах. По данным албанских авторов, В. Гомулка и Я. Кадар прямо поставили вопрос о допуске следователей социалистических стран к делу Т. Сейко, а Я. Кадар интересовался также судьбой Л. Белишовой и К. Ташко (Krisafi 2016: 130–131). Б. Балуку ничего не ответил на первый вопрос, а по второму утверждал, что разногласий нет, хотя даже из его слов было очевидно, что Тирана не хочет превращения Балкан в безъядерную зону. Кульминацией обсуждения стало заявление Н.С. Хрущёва о том, что заинтересованность СССР в базе во Влёре невелика и Албания должна сделать выбор — или все подводные лодки и оборудование передаются ВМФ СССР и база напрямую подчиняется объединённому командованию войск ОВД, или база будет закрыта. Создаётся впечатление, что для Б. Балуку такой поворот был неожиданным. Он сказал, что у албанской делегации не было времени для рассмотрения предложений, которые маршал А.А. Гречко передал ему только за несколько часов до заседания ПКК, что база служит интересам всех социалистических стран и даже стал заверять Н.С. Хрущёва в уважении к нему со стороны АПТ и правительства Албании⁷⁰. Журналисты ТАСС, встречавшие Б. Балуку в аэропорту Тираны по возвращении из Москвы, сообщали о его растерянном виде⁷¹. После того, как Албания официально уведомила об отказе передать базу во Влёре под контроль ОВД, СССР принял решение о её закрытии.

Эвакуация базы сопровождалась резким обострением конфликта с албанской стороной. Указание Н.С. Хрущёва «забрать всё» ужесточил министр обороны Р.Я. Малиновский, добавив распоряжение «не оставлять ни гвоздя, ни гайки»⁷². Так как ряд вопросов не был определён ранее подписанными соглашениями, обстановка постоянно накалялась. Дело дошло до драки советских и албанских моряков 1 мая 1961 г., после которой генерал-полковник

⁶⁹ *Правда*. 1961. 14 марта.

⁷⁰ *КПСС и формирование советской политики на Балканах в 1950-х – первой половине 1960-х гг. Сборник документов*. 2003. Отв. редактор Н.Г. Томилина. Салоники: Издательство Paratiritis. С. 387–396.

⁷¹ *ГА РФ*. Ф. 4459. Оп. 38. Дело 1078. Л. 62.

⁷² Козлов В. Указ. соч. С. 61.

А.М. Андреев приказал немедленно изъять у матросов боевые патроны — они остались лишь у офицеров⁷³. Однако почти сразу албанские военные предупредили, что применят силу в случае попытки вывести подводные лодки в море без их разрешения. В Тирану срочно вылетела группа советских дипломатов и военных, и в ходе интенсивных переговоров был достигнут компромисс: четыре подводные лодки, на которых были подняты албанские флаги и которые были уже укомплектованы албанскими экипажами, оставались за Албанией, а остальные восемь в начале июня 1961 г. покинули Влёру. Одновременно из Албании уехал и генерал-полковник А.М. Андреев. В мае 1961 г. МИД СССР объявил персоной нон грата военного атташе Албании. Военное сотрудничество, таким образом, полностью прекратилось.

Завершающим аккордом стали события августа 1961 г., когда в Москве планировали провести заседание ПКК ОВД для одобрения решения о сооружении Берлинской стены. Э. Ходжа вновь отказался приехать – делегацию возглавил Р. Алия. Тогда Н.С. Хрущёв в грубой форме и без согласования с союзниками удалил албанскую делегацию. Дальнейшая работа проходила уже не как заседание ПКК, а как совещание компартий, причём его участники в официальном сообщении не были названы⁷⁴. Фактически это означало исключение Албании из ОВД, хотя официально она вышла из него в 1968 г. Вскоре посол И.В. Шикин навсегда покинул Албанию.

Таким образом, к сентябрю 1961 г. весь механизм двустороннего и многостороннего сотрудничества оказался разрушенным. И хотя обе стороны воздерживались от публичных выпадов, отношения были уже на грани полного разрыва.

Разрыв и его последствия

Инициатива нарушить молчание принадлежала ЦК КПСС. Летом 1961 г., когда Н.С. Хрущёв и его аппарат начали подготовку документов XXII съезда КПСС, было решено поставить в них вопрос об Албании. Н.С. Хрущёв и его помощники по-прежнему рассматривали его в контексте внутренней политики. Н.С. Хрущёв понимал, что ухудшение социально-экономической обстановки в СССР ведёт к росту недовольства населения и хотел на примере Албании показать, что без разоблачения культа личности И.В. Сталина жизнь была бы ещё труднее, и лишь в качестве второстепенной задачи он думал «немного сказать о Китае»⁷⁵. Вопрос о том, насколько публичная критика АПТ соответству-

⁷³ Андреев В. 2020. Владимир Андреев о своём отце генерал-полковнике А.М. Андрееве. Дата публикации: 11.08. Союз ветеранов ВИИЯ. URL: <https://vkimo.com/> (дата обращения 04.04.2024)

⁷⁴ *Правда*. 1961. 6 августа.

⁷⁵ *Бой с «тенью» Сталина. Продолжение: документы и материалы об истории XXII съезда КПСС и второго этапа десталинизации*. 2015. Москва, Санкт-Петербург: Нестор-История. С. 33.

ет букве и духу Заявления 1960 г. и как на неё отреагируют другие компартии, у него, видимо, не возникал. В ЦК КПСС продолжали считать, что Москва может единолично определять правила игры в международном коммунистическом движении.

Сильное недовольство ЦК КПСС вызывало то, что албанская печать фактически игнорировала подготовку к XXII съезду. Если печатные органы почти всех компартий опубликовали полные тексты проектов новых программы и устава КПСС, то в албанской прессе появились лишь отдельные выдержки. Как отмечалось в донесениях посольства СССР и корпункта ТАСС, на закрытых партийных собраниях АПТ говорилось, что программа (она называлась не иначе как «программа Хрущёва»⁷⁶) содержит неправильные оценки международного положения, хотя они полностью совпадали с Заявлением 1960 г. При этом Албания, как и другие социалистические государства, упоминалась в проекте программы в позитиве, и только Югославия критиковалась за «ревизионизм». В проекте устава наибольшее раздражение албанских руководителей встретили пункты об ограничении срока пребывания на высших постах и регулярной сменяемости состава всех партийных органов. Э. Ходжа и его окружение рассматривали это как потенциальную угрозу для себя⁷⁷.

Развитие конфликта вызвало растущую озабоченность у многих компартий, опасавшихся раскола в международном коммунистическом движении, понимавших, что это ослабит и их. Хо Ши Мин, который, по оценке Н.С. Хрущёва, сыграл важную роль в достижении компромисса на Международном совещании 1960 г., вновь предложил свои услуги, но Тирана отвергла их (Mëhilli 2017: 202). Ким Ир Сен рекомендовал руководству АПТ прекратить личные нападки на Н.С. Хрущёва, поскольку речь идёт о первом секретаре ЦК КПСС. Но Э. Ходжа не собирался менять свою линию и получал в этом поддержку КПК. Выступая на приёме в посольстве КНР 30 сентября 1961 г., он демонстративно назвал КПСС «партией Ленина–Сталина», о чём советское посольство немедленно доложило в Москву⁷⁸. Составляя список иностранных гостей, ЦК КПСС решил не приглашать на XXII съезд делегации Албании и Югославии.

17 октября 1961 г., выступая с отчётным докладом ЦК КПСС XXII съезду, Н.С. Хрущёв подверг критике две социалистические страны — Югославию и Албанию. При этом, если о «югославском ревизионизме» говорилось в разделе о международном положении, то об Албании — в разделе о внутренней политике в контексте преодоления последствий культа личности И.В. Сталина⁷⁹. 19 октября 1961 г., выступая с приветствием XXII съезду, глава делегации КПК Чжоу

⁷⁶ ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 38. Дело 1078. Л. 81.

⁷⁷ Бой с «тенью» Сталина... С. 566.

⁷⁸ АВП РФ. Ф. 67. Оп. 2. Папка 28. № 44. С. 44.

⁷⁹ XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17–31 октября 1961 г. Стенографический отчёт. 1962. Т. I. Москва: Политиздат. С. 108–110.

Энлай подчеркнул принадлежность Албании к мировой системе социализма и напомнил о договорённостях урегулировать разногласия между компартиями в товарищеском порядке⁸⁰. О том, что события будут развиваться таким образом, в Тиране было известно заранее. Хотя Э. Ходжа полностью контролировал ситуацию в стране, он принял значительные меры предосторожности: было увеличено число военных патрулей на морском побережье, объявлено о мерах по повышению жизненного уровня населения. 20 октября 1961 г. ЦК АПТ принял заявление, в котором полностью отвергалась критика КПСС и содержались грубые личные выпады против Н.С. Хрущёва⁸¹. Распространение советской печати в Албании, а затем и албанской в СССР, было прекращено.

Критика руководства АПТ в выступлениях делегатов XXII съезда также резко усилилась. 27 октября 1961 г. в своём заключительном слове Н.С. Хрущёв заявил, что албанским руководителям придётся держать ответ за тот ущерб, который они нанесли своей стране и народу⁸². После этого пропагандистское противостояние резко обострилось. Тирана потребовала сократить численность сотрудников посольства СССР до численности албанских дипломатов в СССР. Реакция Москвы (тут явно чувствовалась импульсивность Н.С. Хрущёва) была ещё более резкой — все сотрудники посольства и торгового представительства были отозваны домой. Это, несомненно, стало ошибкой — исчез последний канал, по которому СССР мог хоть как-то влиять на ситуацию. Почти сразу то же сделала и Албания. Впервые СССР и другая социалистическая страна полностью разорвали связи друг с другом.

От конфликта по большому счёту проиграли все его участники. Руководство КПСС рассчитывало укрепить свои позиции внутри страны и в международном коммунистическом движении, но произошло совершенно иное. Даже компартии, не разделявшие взглядов АПТ, были недовольны тем, что полемика стала публичной и какое-то время старались не участвовать в ней. Из иностранных гостей XXII съезда КПСС только Чжоу Эньлай выразил симпатию к Албании, но критиковали её лишь немногие. У части иностранных коммунистов сложилось впечатление, что основная причина конфликта заключается в претензии КПСС на сохранение роли «партии-вождя». Появление ещё одной социалистической страны вне орбиты советской политики укрепило те круги в зарубежных компартиях, которые хотели проводить более самостоятельную политику. Трещины, возникшие в международном коммунистическом движении, были вскоре многократно усилены конфликтом КПСС и КПК.

⁸⁰ Там же. С. 325.

⁸¹ *The Facts about Soviet-Albanian relations*. 1964. Tirana: "Naim Frasheri" State Pub. Enterprise. URL: <https://bannedthought.net/Albania/ForeignRelations/USSR/TheFactsAboutSoviet-AlbanianRelations-1964.pdf> (accessed 19.02.2024).

⁸² *XXII съезд Коммунистической партии ...* Т. 2. С. 581.

Влияние советско-албанского конфликта на внутреннюю жизнь СССР было минимальным. Убедить население, что без разоблачения культа личности И.В. Сталина жизнь была бы ещё хуже, не удалось – интерес обычных граждан к Албании был незначителен. Конфликт с Китаем волновал во много раз больше. Более чувствительными к разрыву с Албанией оказались правящие круги, у которых сложилось мнение, что его можно было избежать, если бы не ошибки Н.С. Хрущёва.

Последствия для Албании были также негативными. Страна, которая не имела дипломатических отношений с СССР, США и Великобританией и находилась в состоянии конфронтации со своими соседями, Югославией и Грецией, оказалась в почти полной изоляции. Вопреки расчётам Э. Ходжи китайская помощь не смогла заменить советскую. Сказывались и географическая отдалённость, и внутренние трудности КНР в 1960-е – 1970-е гг. Жизненный уровень населения Албании оставался очень низким. Пожалуй, единственными в выигрыше оказались сам Э. Ходжа и его окружение, которые смогли укрепить режим своей власти.

Заключение

Конфликт СССР и Албании оказал ограниченное влияние на общее развитие международных отношений, но он выявил ряд важных негативных тенденций и явлений в мировой системе социализма и международном коммунистическом движении.

Во-первых, он показал, что процесс складывания различных моделей социализма несёт в себе огромный конфликтный потенциал как для двусторонних отношений СССР с союзниками, так и для мировой системы социализма в целом. Формирование собственных моделей социализма объективно вело к дистанцированию ряда правящих компартий от КПСС. Их лидеры, как правило, опасались, что происходящие в СССР изменения подорвут их власть и приведут к замене на политиков, более лояльных КПСС. Но в Москве это воспринималось как подрыв её главенства. Нестыковки в моделях вели к трениям и столкновениям практически во всех сферах. В случае СССР и Албании особую остроту приобрело идеологическое противостояние. Как показывает проведённое исследование, жёсткая линия АПТ в этой сфере объясняется не только крайним догматизмом Э. Ходжи и его окружения, но и тем, что максимальной активностью в деле «защиты чистоты марксизма-ленинизма» АПТ стремилась отчасти компенсировать слабость своих позиций в противостоянии с СССР по другим направлениям.

Во-вторых, конфликт СССР и Албании показал различия интересов между сверхдержавой и младшим союзником, что полностью отрицалось коммунистическими доктринами, и почти полное отсутствие механизма урегулирования разногласий, правил игры, обязательных для всех. Крайний догматизм

и конфронтационность внешней политики Албании вызывали обоснованное недовольство СССР, для которого, к тому же, Балканы не были приоритетом. Со стороны Москвы имело место определённое пренебрежение к союзнику — в ряде случаев с Тираной не только не консультировались, но даже не информировали заблаговременно об уже принятых решениях. Недооценка возможностей малых государств вести свою игру привела к ряду тактических ошибок Москвы в отношении Албании.

В-третьих, конфликт показал ослабление лидерства КПСС в международном коммунистическом движении. Если в 1948 г. Югославия только защищалась от выдвинутых против неё обвинений, а на совещании в Бухаресте АПТ и КПК возражали против обсуждения документа с критикой КПК, то на Международном совещании компартий 1960 г. Э. Ходжа выступал не столько с оправданием политики АПТ, сколько с обвинениями в адрес КПСС — подобного ни на одном форуме коммунистов ранее не было.

В-четвёртых, конфликт СССР и Албании развивался в основном как двусторонний, и влияние на него других акторов было незначительным. КНР и Албания были скорее ситуативными союзниками, и каждый из них сохранял свободу действий. Запад выступал в качестве наблюдателя.

В-пятых, главную роль в конфликте играли объективные факторы — противоречия между различными моделями социализма и другие, а субъективные (личная неприязнь, ошибки и просчёты и т. д.) проявились в том, что противостояние приобрело столь острые формы.

Таким образом, советско-албанский конфликт стал ещё одним симптомом нараставшего кризиса международного коммунистического движения.

Об авторе:

Константин Константинович Худoley – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой европейских исследований Факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета. Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9.
E-mail: k.khudoley@spbu.ru.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

UDC: 327.56(47+497.1)"1960/1961"

Received: December 17, 2023

Accepted: March 20, 2024

From Disagreement to Rupture: the Soviet-Albanian Conflict of 1960–1961

 K.K. Khudoley[DOI 10.24833/2071-8160-2024-2-95-73-103](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-2-95-73-103)

St. Petersburg State University

Abstract: The Soviet-Albanian conflict epitomized centrifugal tendencies within the global socialist system. This article draws on a diverse array of sources, including previously unpublished materials, such as documents from the State Archive of the Russian Federation and the Archive of Foreign Policy of the Russian Federation, as well as memoirs of key leaders (N. Khrushchev, E. Hoxha, R. Alia), and various official records. Notably, the TASS bureau in Tirana provided invaluable insights, collaborating with diplomats and journalists from other socialist nations to produce analytical reports, some of which were directed to the upper echelons of the CPSU. The article explores the evolution of discord between Moscow and Tirana, its culmination in open conflict, and the subsequent severance of party and state relations. Key findings include: 1) The conflict's primary catalysts were the divergent socialist models adopted by the USSR and Albania, coupled with the disparity in interests between the superpower and the bloc's smallest member; 2) The PLA's reluctance to conform to Soviet-style reforms was construed in Moscow as a challenge to the CPSU's hegemony within the global communist movement, while the PLA leadership viewed them as encroachments on its authority; 3) Disagreements pervaded all spheres, with ideology assuming heightened significance compared to conflicts with Yugoslavia; 4) External influences on the conflict's trajectory were marginal, with developments driven by internal dynamics, including Tirana's increasing alienation from the CPSU and the catalytic effect of deteriorating Soviet-Chinese relations; Western powers monitored events closely but refrained from direct intervention; 5) While objective factors underpinned the Soviet-Albanian discord, subjective elements were of secondary importance, yet pivotal in precipitating the conflict's acrimonious turn.

Keywords: Soviet-Albanian conflict, CPSU, Albanian Party of Labor, international communist movement, world system of socialism, China, Yugoslavia, Khrushchev, Hoxha

About the author:

Konstantin K. Khudoley – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of European Studies, School of International Relations, St. Petersburg State University, 7-9 Universitetskaya Naberezhnaya, 199034, St Petersburg, Russia. E-mail: k.khudoley@spbu.ru

Conflict of interests:

The author declares absence of conflict of interests.

References:

- Cohen W. 2019. *America's response to China: a History of Sino-American Relations*. New York: Columbia university press.
- Fevziu B. 2016. *Enver Hoxha: The Iron Fist of Albania*. London, New York: I. B. Tauris.
- Gallagher T. 2005. *Outcast Europe: The Balkans 1789–1989: From the Ottomans to Milosevic*. London, New York: Routledge.
- Kadare I. 1981. *Dimri i madh*. Tiranë: Naim Frashëri (In Albanian)
- Khudoley K. 2020. Soviet-Albanian Relations: From Rift to Conflict (1953–1960). *Southeastern Europe*. 44(3). P. 392–418.
- Krisafi J. 2016. *Marrëdhëniet e Shqipërisë me Bashkimin Sovjetik 1953-1961*. Tiranë: Korrik. URL: https://uet.edu.al/wp-content/uploads/2021/11/Juliana_Krisafi.pdf (accessed 04.04.2024) (In Albanian)
- Lalaj A. 2013. China: The last Ally of Communist Albania. New Insights from Albanian Archives. *New Sources, New findings: The Relationships between China, the Soviet Union and Eastern Europe*. Beijing: Chinese Academy of Social Sciences Forum.
- Mahmutaj N. 2023. *Albanian-Russian Relations after The Collapse of Communism*. Tirana: University of Tirana, Institute of European Studies.
- Marku Y. 2019. Communist Relations in Crisis: The End of Soviet-Albanian Relations, and the Sino-Soviet Split, 1960–1961. *The International History Review*. Vol. 42. P. 813–832.
- Mëhilli E. 2017. *From Stalin to Mao: Albania and the Socialist World*. Ithaca, London: Cornell University Press.
- Shen Z., Xia Y. 2015. *Mao and the Sino-Soviet Partnership, 1945–1959: A New History*. New York: Lexington Books.
- Skobelski R. 2010. *Polityka PRL wobec państw socjalistycznych w latach 1956–1970. Współpraca, napięcia, konflikty*. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie. (In Polish)
- Szalontai B. 2005. *Kim Il Sung in the Khrushchev Era: Soviet-DPRK Relations and the Roots of North Korean Despotism, 1953-1964*. Stanford: Stanford University Press.
- Lan'kov A.N. 2009. *Avгуст, 1956 год. Krizis v Severnoj Koree [August, 1956. Crisis in North Korea]*. Moscow: ROSSPEN. (In Russian).
- Smirnova N.D. 2003. *Istoriya Albanii v XX veke [History of Albania in the 20th Century]*. Moscow: Nauka. (In Russian).
- Ulunyan Ar.A. 2013. *Balkanskii 'shchit sotsializma'. Oboronnaia politika Albanii, Bolgarii, Rumynii i Uгoslavii (seredina 50-kh gg. – 1980 g.) [Balkan "shield of socialism": Defense Policy of Albania, Bulgaria, Romania and Yugoslavia (mid-50s – 1980)]*. Moscow: Dmitriy Pozharsky University. (In Russian).
- Ulunyan Ar.A. 2012. Gotovilsya li perevorot v Albanii? «Delo T. Seyko': versii» [Was a Coup Being Prepared in Albania? "The Case of T. Seiko": Versions]. *Slavyanovedenie*. №1. P. 16–32. (In Russian).
- Yugoslaviya v XX veke: Oчерki politicheskoy istorii [Yugoslavia in the 20th Century: Essays on Political History]*. 2011. Ed. by K. V. Nikiforov. Moscow: «Indrik» Publ. House. (In Russian).
- Yungblyud V. T., Bakshaev M. V. 2022. «My ne izmenim svoe otnoshenie k vam, poka vy ne izmenite svoe otnoshenie k nam». Kak v Vashingtone uchityvali reaktsiyu zapadnoevropejskikh kompartij na sobytiya v Afganistane, 1978–1985 ["We Will not Change Our Attitude Towards You until you Change Your Attitude towards Us." How Washington took into account the reaction of Western European communist parties to the events in Afghanistan, 1978–1985]. *MGIMO Review of International Relations*. 15(4). P. 7–42. (In Russian).

Zhivotich A. 2022. «*Balkanskij front*» *holodnoj vojny: SSSR i yugoslavsko-albanske otnosheniya. 1945–1968 gg.* [Cold War “Balkan Front”: USSR and Yugoslav-Albanian Relations. 1945–1968 Moscow]. Ed. by A. B. Edemskij. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences; Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. (In Russian).

Список литературы на русском языке

Животич А. 2022. «Балканский фронт» холодной войны: СССР и югославо-албанские отношения. 1945–1968 гг. Москва: Институт славяноведения РАН; Санкт-Петербург: Нестор-История.

Ланьков А.Н. 2009. *Август, 1956 год. Кризис в Северной Корее*. Москва: РОССПЭН.

Смирнова Н.Д. 2003. *История Албании в XX веке*. Москва: Наука.

Улунян Ар. А. 2013. Балканский «ицит социализма»: оборонная политика Албании, Болгарии, Румынии и Югославии (середина 50-х гг. – 1980 г.). Москва: Университет Д. Пожарского.

Улунян Ар. А. 2012. Готовился ли переворот в Албании? «Дело Т. Сейко»: версии. *Славяноведение*. №1 Февраль. С. 16–32.

Югославия в XX веке: Очерки политической истории. 2011. Ответственный редактор К.В. Никифоров. Москва: «Индрик».

Юнгблюд В. ., Бакшаев М.В. 2022. «Мы не изменим своё отношение к вам, пока вы не измените своё отношение к нам». Как в Вашингтоне учитывали реакцию западноевропейских компартий на события в Афганистане, 1978–1985. *Вестник МГИМО-Университета*. 15(4). С. 7–42.

Патриотизм как тема политического дискурса в Союзном государстве Беларуси и России

О.В. Бахлова, И.В. Бахлов

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва

В статье поднимается проблема формирования союзной патриотической повестки в условиях обострения международного противоборства, основанного в том числе на конфликте ценностей. В качестве её компонента рассматривается патриотический дискурс, создаваемый ввиду институциональных особенностей Союзного государства, Российской Федерации и Республики Беларусь преимущественно на внутригосударственном уровне представителями высшего политического руководства. Цель статьи – охарактеризовать константы и доминанты патриотического дискурса на уровне политических элит в рамках Союзного государства, рассмотреть возможность его концептуализации в качестве координационного дискурса в интересах интеграционного строительства, а также в качестве «анти-мягкой силы» для противодействия внешним ценностным угрозам со стороны коллективного Запада. Методологически статья основана на дискурсивном неоинституционализме, в качестве основного метода использован качественный контент-анализ выступлений президентов двух стран.

В выводах отмечена близость российской и белорусской позиций по патриотической проблематике, включая идеологическую составляющую. Их лейтмотивом выступает обращение к задачам защиты и сохранения исторической памяти и традиционных ценностей. В качестве практических выводов отмечается целесообразность дальнейшего укрепления общего социокультурного пространства; гармонизации исторической политики в обеих странах и формате Союзного государства; а также стимулирования «спроса на интеграцию» через практическое осуществление магистральных направлений, намеченных пакетом интеграционных решений 2021 г.

Ключевые слова: «анти-мягкая сила», внешние вызовы и угрозы, историческая память, патриотическая повестка, политика идентичности, российско-белорусская интеграция, Союзное государство Беларуси и России, традиционные ценности

УДК: 32:172.15(470+571)(476)

Поступила в редакцию: 18.05.2023 г.

Принята к публикации: 19.12.2023 г.

Ценностное измерение представляет собой одно из самых сложно верифицируемых в политике – как внутренней, так и внешней. Между тем концепт «ценности» и его производные, по сути, на постоянной основе присутствуют в политическом лексиконе, будучи используемыми при аргументации выбора или смены внешнеполитического курса, на разных стадиях электоральных процессов и пр. В публичной политике легитимация управленческих решений «осуществлялась посредством создания идейно-символических конструкций, придающих государственным решениям в публичном пространстве некий сакральный смысл» (Пушкарёва 2022: 18). В текущих международных реалиях, интерпретируемых в конфронтационной логике, мир мыслится возвращающимся к «новому старому состоянию через конфликт, усугубляемый противоречием ценностей», с «встроенностью» конфликта ценностей в глобальное политическое противостояние, что способствует его радикализации¹. Подобного рода утверждения встречаются не только в теоретическом дискурсе, но и в официальных документах. Например, в «Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» Российской Федерации говорится о глобальном цивилизационном и ценностном кризисе, ведущем к утрате человечеством традиционных духовно-нравственных ориентиров и моральных принципов². С этих позиций обращение к ценностным параметрам можно рассматривать в русле легитимации внешнеполитических решений и действий, важных с точки зрения защиты и реализации национальных интересов и интересов правящих элитных групп.

Речь может идти не только о национальном, но и об интеграционном уровнях дискурсивных практик в ценностном измерении, затрагивающем в том числе внешнеполитическую проблематику. Актуализируем их применительно к Союзному государству Беларуси и России (СГБР). Интеграционное взаимодействие в формате СГБР охватывает значительное количество сфер, включая гуманитарную, хотя аксиологический аспект интеграционной повестки нельзя отнести к превалирующим. С другой стороны, в современных реалиях обеспечение безопасности Союзного государства и стран-участниц также предполагает её сопряжение с защитой и продвижением определённых ценностей. Более того, некие ценностные деформации начинают осознаваться как вызов российско-белорусской интеграции. Сошлёмся на Военную доктрину Союзного государства 2021 г., где указано на «попытки изменения ценностных ориентиров и моделей развития, дискредитации культур, религий и цивилизаций,

¹ Цыганков А.П. 2022. Двойной стандарт постмодерности: конфликт ценностей и международное соперничество. *Россия в глобальной политике*. 24 янв. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/standart-postmodernosti/> (дата обращения: 05.04.2024).

² Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». «Система Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/> (дата обращения: 05.04.2024).

фальсификации истории, способствующие нарушению духовно-нравственных связей родственных народов»³. Закрепление чёткой системы ценностей допустимо воспринимать как важный проинтеграционный ресурс СГБР, повышающий его интеграционную привлекательность в контексте задач брендинга, улучшения статусно-ролевых характеристик в «интеграционной конкуренции» с третьими объединениями, прежде всего из внешнего по отношению к региону Содружества Независимых Государств окружения, становления и укрепления в качестве центра или полюса формирующегося мироустройства, опровержения либо нивелирования «нормативной силы» (Manners 2002) Европейского союза и утверждения собственной международной идентичности.

Полагаем важным выход в исследуемом ракурсе на концепт и инструментальный «анти-мягкой силы», которая может стать не только средством блокировки влияния одной страны на другую, но и влияния иного интеграционного объединения⁴. Потребности наращивания «анти-мягкой силы» объективно и субъективно имеются и непосредственно у Российской Федерации (РФ) и Республики Беларусь (РБ). Внешний фактор в последние годы нередко выступал одним из драйверов изменений в интеграционной и внутривнутриполитической плоскостях – конкретизации магистральных направлений союзного строительства, углубления форм кооперации перед лицом общих противников, угроз и вызовов, а также проведения конституционных реформ. В каждом из указанных срезов, помимо опоры на утилитарные средства, необходима фокусировка на средствах идентификации, ценностных основаниях, трактуемых сообразно ожиданиям и стремлениям населения, политических элит. Одной из ключевых тем в аксиологическом измерении выступает патриотизм, имплементация которого и во внутривнутриполитическом поле сопряжена со значительными трудностями, а в интеграционном ещё сложнее ввиду того, что главные субъекты здесь – это суверенные политические единицы.

Цель данной статьи – охарактеризовать константы и доминанты темы патриотизма в политическом дискурсе Союзного государства. Акцент сделан на возможностях её концептуализации в контексте влияния внешнего фактора. Выдвигается следующая гипотеза: активизация официального дискурса в рассматриваемой плоскости происходит на фоне деградации внешней среды и усиления попыток вмешательства во внутренние дела со стороны внешних акторов, в связи с чем власть всё чаще прибегает к патриотической риторике как инструменту «анти-мягкой силы».

³ Военная доктрина Союзного государства: утв. постановлением Высшего Государственного Совета Союзного государства от 4 ноября 2021 г. № 5. URL: <https://посткомсг.рф/documentation/document/1899/> (дата обращения: 05.04.2024).

⁴ Например, ЕС на Беларусь в рамках проекта «Восточное партнёрство», который, правда, с 2021 г. уже не столь актуален для республики, приостановившей своё участие в нём.

Основные вопросы, поставленные в данном исследовании, следующие. Первый: какие ценностные параметры патриотизма артикулированы в президентском дискурсе РФ и РБ и что общего между ними? Второй: каким образом в президентском патриотическом дискурсе в рамках Союзного государства отражены взаимосвязи с детерминантами внешнего происхождения? Третий: какова амплитуда количественных характеристик президентского патриотического дискурса РФ и РБ в исследуемый период, когда внешние воздействия стали пониматься как всё более деструктивные для стран – участниц СГБР и Союзного государства в целом? Четвёртый: какие ключевые точки пересечения официального патриотического дискурса и общественных настроений в данной области? Оговоримся, что по этому вектору скорее предполагаются постановка вопроса, его актуализация.

В статье показано многообразие трактовок патриотизма в теоретическом, нормативном и президентском дискурсе. Авторский подход предполагает концентрацию, с одной стороны, на выявлении взаимосвязей внутреннего и внешнего измерений патриотических дискурсивных практик, с другой – на возможностях и сложностях верификации союзной патриотической повестки с учётом специфических механизмов интеграционного процесса. Представлены результаты исследования по каждой из стран – участниц СГБР, в заключении обобщены выводы практического плана по некоторым перспективным направлениям союзного строительства в анализируемом ракурсе.

Трактовки концепта патриотизма в теоретическом дискурсе

Многогранность феномена патриотизма определяет и многослойность его интерпретаций в теоретическом и политическом дискурсе. Акцентируем некоторые линии, принципиальные в общем проблемном поле данной статьи.

Во-первых, осмысление значения и содержания патриотизма в ракурсе современных тенденций, в частности, в контексте соотношения патриотизма и национализма (Erez, Laborde 2020; Murray 2011). В научной литературе предлагаются некие регулирующие принципы для защиты «патриотической лояльности от вырождения в коллективный эгоизм» (Kwak 2017) и аргументируется потребность в защите «справедливого» (Macedo 2011) либо «этического» (Palumbo 2009) патриотизма или «более широкого и богатого чувства патриотизма» (Archard 2016). А. Этциони акцентирует необходимость культивирования «хорошей» формы национализма, основанной на расширении гражданского сознания и участия, отрицании подавления политики идентичности (Etzioni 2019). Встречаются критические оценки «патриотического поворота» в политике памяти, санкционированной государством или поощряемой им «патриотической» истории как якобы более конфронтационной и воинственной по сравнению с «историей хорошего настроения» (Kończal, Moses 2022).

Во-вторых, идентитарные исследования, в том числе ориентированные на выявление специфики постсоветских и современных трансформаций и актуализации инструментальной функции патриотизма в политических практиках элитных групп (Голунов 2021; Мартынов, Фадеева, Габеркорн 2020; Семененко, Лапкин и др. 2017; Daly 2014).

В отечественном дискурсе констатируются многозначность (Мартынов, Габеркорн 2019) и мозаичность, идеологизация концепции патриотизма в России (Верещагина, Кумыков 2021), тенденция к его патерналистскому пониманию (Гузынин 2022). Отметим попытки определить векторы трансформации патриотического дискурса, факторы, влияющие на динамику конфликтов интерпретаций и разнообразие трактовок патриотизма в политической риторике (Пуликовский 2020), доминирующие метафоры патриотизма (Скрынникова и др. 2021), политико-идеологические аспекты патриотизма и технологии его формирования в современных условиях (Трифонов 2021). Исследуя дискурсивные практики, российские авторы применительно к понятию «патриотизм» оперируют эпитетами «новый» (Ремарчук 2014), «государственный» (Шатилов 2017), «патриотизм элит» (Завершинский 2020) и пр. С.Г. Воркачев, рассуждая об обилии видовых вариантов патриотизма, объясняет его, помимо прочего, множественностью пониманий составляющих его базовых концептов: «родины», «народа», «блага» («счастья») (Воркачев 2020). Во внешнем измерении прослеживаются корреляции концепта «патриотизма» и его версий с идеями Русского мира и евразийской интеграции, особенностями геополитической обстановки (Алиев 2022; Алимов 2022; Середнев 2022).

Зарубежные авторы склонны к негативизации российских практик в патриотической плоскости. Типичное мнение: среди российской элиты патриотическая легитимация регулирует конкуренцию, определяет границы приемлемой публичной политики и обеспечивает доступ к покровительству режима (Goode 2021). Российской власти приписывается склонность к «милитаризации патриотизма» (Baekken 2021).

В Республике Беларусь концепт «патриотизм» часто интерпретируется в сопряжении с идеологией белорусского государства (Узгорок 2016). Патриотизм в целом воспринимается как один из смыслообразующих факторов белорусского общества (Котляров 2017). Гражданский аспект патриотизма анализируется через призму артикуляции темы укрепления государственного суверенитета РБ (Панов, Пунчик 2021). В ракурсе тенденции к глобальной трансформации техногенного общества подчёркивается роль «исторически оправдавших себя ценностей и традиций» (Узгорок 2021). Выделяются направления и негативные последствия внешних информационных потоков и ресурсов (Трапьянок 2022). В зарубежном дискурсе патриотизм в РБ трактуется как инструмент по удержанию власти политическим руководством республики (Marples 2021; Robertson 2022).

Подытоживая, отметим, что патриотический аспект дискурсивных стратегий и практик власти в странах – участницах Союзного государства анализируется в большей степени во внутривнутриполитической плоскости. Поднимается проблема реагирования на внешние вызовы и угрозы, однако без должного учёта взаимосвязи с интеграционной политикой как важной составляющей внешней политики государства.

Теоретико-методологические основы исследования

Для настоящего исследования существенна конструктивистская трактовка нематериальных факторов – «то, каким образом представление руководства государств о реальности предопределяет его способы реагирования на разные ситуации» (Казанцев 2009: 106). Отталкиваясь от классического истолкования ценности как свойства оцениваемых объектов или как образца для оценки, следует учитывать и его «неклассическую» интерпретацию: как отношения, в частности, между оцениваемым объектом и утверждением о том, каким должен быть этот объект (Ивин, Никитина 2014: 17–18).

«Классический» подход к ценностям отражён в упомянутых выше Основах государственной политики РФ 2022 г. Согласно документу, «традиционные ценности – это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие своё уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России». Одной из традиционных ценностей здесь назван патриотизм. Примечательно, что в приведённом в документе перечне фигурируют и другие лексические конструкции, нередко употребляемые при расшифровке его сущности и смысла. Это прежде всего «служение Отечеству и ответственность за его судьбу»⁵.

Следует оговориться, что до настоящего времени в РФ не выработано нормативного определения патриотизма, хотя данный концепт получил широкое распространение и часто фигурирует в том числе в официальных документах и политической риторике. Восполняют некоторые пробелы методические рекомендации, утверждённые Экспертным советом по патриотическому воспитанию при ФГБУ «Российский центр гражданского и патриотического воспитания детей и молодёжи» (Роспатриотцентр). Патриотизм в них интерпретируется как нравственное чувство, включающее любовь к Родине, уважение к её законам и традициям, преданность Отечеству, стремление служить его интересам,

⁵ Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809...

осознанную готовность человека связать своё личное будущее с будущим своей страны и действовать во благо Родины, народа, государства⁶. В РБ понятие патриотизма раскрывается в Программе патриотического воспитания населения на 2022–2025 гг. как духовное достояние личности, характеризующее высший уровень её развития, осознанная повседневная деятельность гражданина во благо Родины, народа, государства⁷. В приведённых формулировках много совпадений по заложенным в них смыслам, хотя в российской трактовке прослеживаются более выраженные элементы «субстанционального» подхода, когда смысл патриотизма отождествляется с любовью к Родине (Мартынов, Фадеева, Геберкорн 2020: 113).

Опорным в статье было предложенное А.В. Фененко понимание «анти-мягкой силы» как способности «снижать привлекательность других субъектов и блокировать их способность добиваться за счёт этого желаемых результатов»⁸. Общность вызовов и угроз для Союзного государства обуславливает необходимость социально-политической консолидации и совместного противодействия внешнему давлению в том числе в интеграционном формате, с опорой на адекватные союзные механизмы. Несомненная связь патриотической проблематики с политикой идентичности (в большей степени с *identity policy*, хотя и с *identity politics* – через легитимацию интеграционных решений на уровне населения, общественных объединений и т. п.) побуждает учитывать элементы концепции онтологической безопасности как разделяемого контрагентами знания «о нормах и практиках, существующих в их отношениях» и понимания «статусов друг друга» (Худайкулова, Неклюдов 2019: 144).

Апелляции власти к патриотизму могут восприниматься и с позиции теории «публичных ценностей», согласно одному из подходов которой (Б. Бозман и др.) публичными признаются ценности, обеспечивающие определённый, хотя и относительный, нормативный консенсус, отражающийся в конституциях, других нормативных документах, в литературных источниках, в произведениях искусства и в репрезентативных социологических опросах, превращаясь в устойчивые представления о правильных, значимых формах организации общественной жизни (Пушкарева 2022: 22; Bozeman, Sarewitz 2011).

В данном контексте в дополнение к указанным выше установлениям официальных документов приведём результаты мониторингового исследования Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ),

⁶ Основы патриотического воспитания граждан Российской Федерации: Методические рекомендации. URL: <https://www.pcpv.pf/wp-content/uploads/2022/12/Metodicheskie-rekomendatsii-po-Osnovam-patrioticheskogo-vospitaniya-grazhdan-Rossijskoj-Federatsii.pdf> (дата обращения: 05.04.2024).

⁷ Программа патриотического воспитания населения Республики Беларусь на 2022–2025 годы: утв. постановлением Совета Министров Республики Беларусь 29 декабря 2021 г. № 773. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22100773&p1=1> (дата обращения: 12.03.2024).

⁸ Фененко А. Возможна ли «анти-мягкая сила»? Российский совет по международным делам. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vozmozhna-li-anti-myagkaya-sila/> (дата обращения: 19.04.2024).

посвящённого восприятию россиянами патриотизма и их мнению о наиболее значимых событиях современной России (28 апреля 2022 г.): 92% опрошенных россиян заявили о себе как о патриотах своей страны, причём безусловными патриотами себя считают 54% граждан (что называется максимальным значением с 2000 г.). Фиксируется рост числа приверженцев восприятия патриотизма как деятельности, направленной во благо и для процветания страны. Увеличилась доля считающих, что быть патриотом – значит защищать свою страну от любых нападков и обвинений (44% в 2022 г. против 32% в 2020 г.)⁹. Политтехнолог С.И. Старовойтов объясняет подобные тенденции давлением извне, отмечая наиболее активную динамику ответов респондентов в последние годы, в основном после 2014 г., и констатируя, что активизирующийся вектор на патриотизм неразрывно связан с внешней агрессией¹⁰.

Интересны результаты социологических исследований по Республике Беларусь. В частности, в рамках телефонного опроса «Мнение граждан Республики Беларусь о патриотизме», проведённого Институтом социологии Национальной академии наук (НАН) (28 февраля – 17 марта 2022 г.), на вопрос «Считаете ли вы себя патриотом Беларуси?» ответили «да» 55,9% опрошенных, «скорее да» – 30,6%, т.е. в совокупности к «патриотам» можно отнести 86,5% респондентов. Обнаруживается примерно равное количество «безусловных патриотов» среди опрошенных граждан РФ и РБ, вместе с тем – относительно меньшее общее количество «патриотов» среди белорусов в сравнении с россиянами¹¹. По содержательным и смысловым параметрам выявляются некоторые отличия: так, самыми распространёнными ответами на вопрос «Что для вас значит быть патриотом Беларуси?», заданный в ходе очередного опроса Института социологии НАН (27 марта – 11 апреля 2023 г.), были: «Быть патриотом – значит быть преданным белорусской земле и народу» (62,1%), «Уважать государственную символику и историю Беларуси» (60,1%), «Любить белорусскую культуру и язык» (58,7%), «Жить и работать в Беларуси» (57,2%), «Быть готовым защищать свою страну» (54,5%), «Быть верным белорусскому государству» (45%), «Чувствовать тесную связь с белорусами» (42,3%), «Активно действовать на благо страны» (41,2%)¹².

⁹ Патриотизм сегодня: любить, заботиться и защищать. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-segodnja-ljubit-zabotitsja-i-zashchishchat> (дата обращения: 19.04.2024).

¹⁰ Деятельный патриотизм. Меньше слов, больше дела: как изменился патриотизм в России за 20 лет. ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/expertise/menshe-slov-bolshe-dela-kak-izmenilsja-patriotizm-v-rossii-za-20-let> (дата обращения: 19.04.2024).

¹¹ Патриотические ценности населения Беларуси: социологическое исследование. Белта. URL: <https://www.belta.by/roundtable/view/patrioticheskie-tsennosti-naselenija-belarusi-rezultaty-sotsiologicheskogo-issledovanija-1467/> (дата обращения: 19.04.2024).

¹² Более 60% белорусов считают, что быть патриотом – значит быть преданным белорусской земле и народу. Институт социологии НАН Беларуси. URL: <https://socio.bas-net.by/bole-60-belorusov-schitayut-cto-byt-patriotom-znachit-byt-predannym-belorusskoj-zemle-i-narodu/> (дата обращения: 19.04.2024).

Чтобы проследить, насколько плотно официальный патриотический дискурс коррелирует с общественным мнением, определить степень пресловутого нормативного консенсуса, ответить на поставленные исследовательские вопросы, обратимся к анализу патриотического дискурса в рамках Союзного государства, применяя прежде всего методы декомпозиции, качественного анализа, частотного контент-анализа документов. Были выделены трёхлетние интервалы (2014–2016, 2017–2019 и 2020–2022 гг.), позволившие показать амплитуду колебаний в артикуляции патриотического дискурса. Использован инструмент поискового запроса, содержащего ключевое слово «патриотизм». Проведено исследование содержания материалов официальных сайтов глав Российской Федерации (<http://www.kremlin.ru>) и Республики Беларусь (<https://president.gov.by>) за названные периоды времени. Применительно к качественным характеристикам патриотического дискурса в фокусе внимания находился отрезок 2020–2022 гг., когда внешнее давление в отношении стран – участниц Союзного государства приобрело наибольшие масштабы.

«Патриотизм» в дискурсе Президента Республики Беларусь

Проиллюстрируем количественные результаты поискового запроса с искомым ключевым словом на сайте Президента РБ. За периоды 2014–2016 гг. и 2017–2019 гг. соответственно выявлено по 39 материалов, в которых содержится данное понятие в разных контекстах. По годам: 2014 – 18; 2015 – 11; 2016 – 10, т. е. к концу периода можно констатировать тенденцию к уменьшению артикуляции патриотического вектора в дискурсе белорусского президента. За следующий отрезок во многом ситуация аналогичная. Сначала зафиксирован всплеск в сравнении с 2016 г. и приближение к показателям 2014 г., потом – явный спад: 2017 – 15; 2018 – 16; 2019 – 8. Существенный рост происходил в рамках периода 2020–2022 гг. – 94 результата, т. е. почти в три раза. По годам в этом временном интервале ситуация довольно ровная: 2020 – 28; 2021 – 33; 2022 – 33. Налицо положительная динамика, демонстрирующая возрождение устойчивого интереса к патриотической проблематике в президентском дискурсе РБ. На данный период приходится серьёзное обострение внутри- и внешнеполитической обстановки для РБ и масштабирование политических вызовов непосредственно для её руководства. Внешние акторы, по сути, предприняли попытку легализации альтернативного А.Г. Лукашенко политического персонажа как претендента на власть, что обусловило необходимость дополнительной мобилизации нормативных ресурсов как источников легитимности режима.

Тематически патриотический вектор вписан в довольно широкий событийный ряд и коррелирует с обращением главы государства к различным адресатам. Поясним сказанное на примере материалов 2020–2022 гг.

Константа белорусского президентского дискурса – военно-патриотические и гражданско-патриотические сюжеты, корреспондирующие со значимыми для республики датами советской эпохи и постсоветского периода. Здесь выделяются прежде всего День Победы, День защитников Отечества и Вооружённых сил Беларуси, День Независимости Республики Беларусь. Патриотическая риторика акцентирована в ходе вручения государственных наград, премий («За духовное возрождение» и др.).

Типичны апелляции к традициям старших поколений, историческим, культурным традициям, исторической памяти и их увязка с реагированием на современные вызовы для мира и республики («удары современности», «сложнейшие геополитические трансформации мира», «попытки оккупации Беларуси в условиях современной гибридной войны»). Со второй половины 2020 г., и особенно в 2021–2022 гг., в выступлениях белорусского президента актуализированы задачи противодействия вмешательству («жесточайшей атаке») извне, разработки и реализации конституционной реформы – следствие событий августа 2020 г. Выступая по итогам республиканского референдума 4 марта 2022 г., А.Г. Лукашенко соотнёс принятие новой редакции Конституции РБ с усилением важнейших идей, принципов, целей дальнейшего развития страны, определением контуров идеологии белорусского государства, цивилизационным и моральным выбором¹³. В данном ракурсе, как и нередко в других сюжетах, отчётливо читается критическое восприятие «глобальной либералистической идеологии». Отметим, что в выступлениях белорусского лидера затронуты также вопросы противодействия «так называемой “мягкой силе”» – «протаскиванию через разного рода негосударственные организации и псевдогуманные проекты чужой деструктивной идеологии»¹⁴. Полагаем, подобная стратегия позиционирования, направленная на опровержение и дискредитацию идеологических конструкторов, приписываемых чуждым внешним силам, во многом коррелирует с императивами «анти-мягкой силы».

Выявлен обширный круг адресатов патриотического дискурса Президента РБ – граждане страны, ветераны Великой Отечественной войны, воины-интернационалисты, военнослужащие действующей армии, генералитет, офицеры, молодёжь, государственные служащие, чиновники, представители органов государственной власти, парламентарии, дипломаты (работники дипломатической службы), представители силовых ведомств, культурной и спортивной общности, педагоги, обучающиеся, пионерский актив, духовенство. Акцент сделан именно на внутренней аудитории, хотя в 2020 г. отмечалась активизация

¹³ Торжественная церемония подписания Решения республиканского референдума. *Сайт Президента Республики Беларусь*. URL: <https://president.gov.by/ru/events/torzhestvennaya-ceremoniya-podpisaniya-resheniya-respublikanskogo-referenduma> (дата обращения: 19.04.2024).

¹⁴ Вручение государственных наград представителям силовых ведомств. *Сайт Президента Республики Беларусь*. URL: <https://president.gov.by/ru/events/vruchenie-gosudarstvennyh-nagrad-predstavityam-silovyh-vedomstv> (дата обращения: 19.04.2024).

обращений к дипработникам. Апелляция преимущественно к внутренней аудитории демонстрирует в данном случае стремление власти опереться на народ, одновременно расширяя каналы трансляции политической повестки в преддверии конституционной реформы. Дипработники в сложившейся ситуации фактически восприняты властью как «бойцы идеологического фронта» на внешнем контуре.

Понятие «патриотизм» употребляется чаще всего в сочетании с синонимичными эпитетами «истинный», «настоящий», «подлинный», реже – «исконный». Президентом РБ неоднократно пояснены и раскрыты также смыслы, ценностные параметры патриотизма. Приведём несколько определений разного времени: патриотизм – «не просто разговоры о том, как мы любим Родину (хотя и говорить об этом надо). Это ежедневный труд на её благо, сохранение исторических, культурных традиций, защита интересов государства и жизни людей» (10 марта 2020 г.)¹⁵; «настоящий патриотизм по большей части – это не слова, а дела, которые повышают качество жизни белорусов и значительно укрепляют наше государство» (5 ноября 2020 г.)¹⁶; патриотизм проявляется «... в любви к детям и бескорыстном стремлении окружить заботой тех, кого судьба лишила материнской ласки. В самоотверженной борьбе за жизнь и здоровье людей. В бережном отношении к культурному достоянию нации, нашим исконным традициям и духовным ценностям. В защите исторической правды, памяти героев нашей земли, информационного суверенитета страны. В воспитании молодых белорусов в любви к своей стране и гордости за своих предков. В спортивных победах во славу Беларуси» (12 января 2021 г.)¹⁷. Патриотизм трактуется как любовь к Родине, уважение к достижениям прошлого, приверженность традициям, почитание старших поколений и гордость за успехи современников, стремление внести свой вклад в историю страны (24 августа 2021 г.)¹⁸. Очевидно, что патриотизм интерпретируется во многом как деятельный. Вместе с тем явно выражена и аксиологическая составляющая данного понятия. Сопрягается патриотизм и с целостной национальной идеей¹⁹. В последнее время в репрезентации патриотической проблематики всё более отчётливо прослеживается линия на увязку

¹⁵ Вручение паспортов юным гражданам Беларуси. *Сайт Президента Республики Беларусь*. URL: <https://president.gov.by/ru/events/vruchenie-pasportov-junym-grazhdanam-belarusi-23200> (дата обращения: 19.04.2024).

¹⁶ Вручение государственных наград и генеральских погон. *Сайт Президента Республики Беларусь*. URL: <https://president.gov.by/ru/events/vruchenie-gosudarstvennyh-nagrad-i-general'skih-pogon> (дата обращения: 19.04.2024).

¹⁷ Церемония вручения премии «За духовное возрождение» и специальных премий Президента. *Сайт Президента Республики Беларусь*. URL: <https://president.gov.by/ru/events/vystuplenie-na-ceremonii-vrucheniya-premii-za-duhovnoe-vozhrozhdenie-specialnoy-premii-deyatel'nyam-kultury-i-iskusstva-i-premii-belorusskiy-sportivnyy-olimp> (дата обращения: 19.04.2024).

¹⁸ Участие в Республиканском педагогическом совете. *Сайт Президента Республики Беларусь*. URL: <https://president.gov.by/ru/events/uchastie-v-respublikanskom-pedagogicheskom-sovete> (дата обращения: 19.04.2024).

¹⁹ Встреча с митрополитом Минским и Заславским Вениамином, Патриаршим экзархом всея Беларуси. *Сайт Президента Республики Беларусь*. URL: <https://president.gov.by/ru/events/vstrecha-s-mitropolitom-minskim-i-zaslavskim-veniaminom-patriarshim-ekzarhom-vseya-belarusi> (дата обращения: 19.04.2024).

с категориями «суверенитет», «независимость», «единство», «сплочение», «безопасность». Здесь артикулированы внешние раздражители их актуализации. Показательна трактовка А.Г. Лукашенко категории «военная безопасность», включающей понятия «защита исторической правды и исторической памяти», «воспитание патриотизма» (22 февраля 2022 г.)²⁰.

В президентском дискурсе акцентированы проблемные моменты в патриотической плоскости и вытекающие из них задачи в текущий момент и на перспективу. Это пробелы в кадровой политике, где на первое место выдвигаются такие качества, как надёжность, патриотизм, преданность идеям народа; в патриотическом воспитании молодёжи, в том числе в плане подготовки к службе в вооружённых силах, шире заявляется о важности укрепления воспитательной функции в образовании, опоры на традиционные ценности и опыт, накопленный белорусским народом. Присутствуют позитивные констатации: «Войну мировоззрений мы, наверное, выиграли»²¹; «Сила белорусов в правде, единстве и патриотизме»²².

Обобщая, можно говорить о достаточно развёрнутой и последовательной позиции белорусского президента в патриотической плоскости. Использование им патриотической риторики, как правило, эмоционально окрашено, одновременно коррелируя с постановкой и обсуждением актуальных общественных и государственных задач. Акцентированы связь с идеологией белорусского государства, неприятие (нео)либерализма. Внешний фактор трактуется в негативном спектре, в ракурсе попыток вмешательства извне во внутрибелорусские дела, но без чёткого указания их источников и инициаторов. Сформулирована задача противодействия внешнему влиянию, при этом внимание сфокусировано на внутренних механизмах, что побуждает говорить об осознании властью сложности ситуации в стране. Количественный рост соответствующих показателей налицо, в значительной степени он, что вытекает и из содержания президентских выступлений, обусловлен событиями 2020 г. и их последствиями. Достаточно велика степень совпадения установок президентского дискурса с общественными настроениями, фиксируемыми социологическими замерами, однако для более глубокого прояснения данного сопряжения требуется отдельное исследование.

²⁰ Торжественное собрание, посвящённое Дню защитников Отечества и Вооружённых сил Республики Беларусь. *Сайт Президента Республики Беларусь*. URL: <https://president.gov.by/ru/events/torzhestvennoe-sobranie-posvyashchennoe-dnyu-zashchitnikov-otechestva-i-vooruzhennyh-sil-respubliki-belarus> (дата обращения: 19.04.2024).

²¹ Встреча с парламентариями, членами Конституционной комиссии и представителями органов госуправления. *Сайт Президента Республики Беларусь*. URL: <https://president.gov.by/ru/events/vstrecha-s-parlamentariyami> (дата обращения: 19.04.2024).

²² Поздравление с Днем Независимости Республики Беларусь. *Сайт Президента Республики Беларусь*. URL: <https://president.gov.by/ru/events/pozdravlenie-s-dnem-nezavisimosti-respubliki-belarus-1656677806> (дата обращения: 19.04.2024).

«Патриотизм» в дискурсе Президента Российской Федерации

Поисковый запрос с ключевым словом «патриотизм» на сайте Президента РФ позволил получить результаты, отчасти сходные с РБ по качественным характеристикам.

В количественном выражении ситуация выглядит следующим образом. В целом за период 2014–2016 гг. фиксируется 121 соответствующий материал; за 2014 – 44; 2015 – 42; 2016 – 35. Как видно, показатели по годам варьируются не очень сильно, за исключением 2016 г.; общая динамика в плане частоты употребления исследуемой категории отрицательная.

За период 2017–2019 гг. отмечено существенное уменьшение количественных значений – всего 81 результат; за 2017 – 25; 2018 – 27; 2019 – 29. Здесь мы можем наблюдать ситуацию, обратную предыдущему периоду, с переходом к положительной динамике по годам.

За период 2020–2022 гг. выявлено 88 результатов – это небольшое увеличение в сравнении с периодом 2017–2019 гг. По годам: 2020 – 25; 2021 – 24; 2022 – 39. По первым двум годам ситуация достаточно ровная, но в 2022 г. произошел серьёзный рост, когда показатели примерно приблизились к средним значениям периода 2014–2016 гг. Количественные характеристики далеко не случайны: период 2014–2015 гг. нередко увязывается с подъёмом патриотических настроений в ходе и после «Русской весны»; детерминантами артикуляции властью патриотической риторики в 2022 г. можно считать начало специальной военной операции (СВО), обострение напряжённости в отношениях с западными акторами, эскалацию санкционного давления на РФ. Уменьшение соответствующих результатов в 2017–2019 гг. можно связать, с одной стороны, с некоторыми надеждами или даже иллюзиями по поводу «примирения» с Западом в украинском вопросе после достижения Минских соглашений, с другой, с попытками власти продемонстрировать сосредоточенность на обеспечении внутреннего развития на основе «качественного прорыва» в рамках нового электорального цикла.

Содержательно и тематически патриотический дискурс Президента РФ также весьма обширен. Его патриотический вектор проявляется в ещё большем, в сравнении с белорусским президентским дискурсом, количестве сюжетов, посвящённых внутренним и международным событиям. Такой охват можно объяснить различиями в статусноролевых характеристиках РФ и РБ, спектре и масштабах их внешнеполитических интересов и ответственности. Как и в Беларуси, значительное число сюжетов интегрировано в военно-патриотическое измерение, причём оно ещё более насыщено и разнопланово. Фокусные точки корреспондируют с памятными датами – Днём защитников Отечества, Днём Победы, Днём России, Днём памяти и скорби, Днём Государственного флага, Днём народного единства, Днём Героев Отечества и др. Военно-патриотический

и гражданско-патриотический компоненты присутствуют в выступлениях российского лидера в ходе встреч с представителями религиозных объединений, экспертного сообщества, различных институтов гражданского общества и др.

Круг адресатов патриотических высказываний Президента РФ тоже очень широк. Помимо названных субъектов, он традиционно включает граждан страны в целом, молодёжь, вооружённые силы, выпускников военных высших учебных заведений, работников культуры, педагогов и др. В целом это внутренняя аудитория. Не выявлено артикуляции такого сегмента аудитории президентских посланий, как дипломатический корпус. Вероятно, это обусловлено отсутствием опасений в лояльности данной категории субъектов по отношению к власти либо проведённой ранее их «мобилизацией» на «идеологическом фронте».

В выступлениях В.В. Путина в патриотической плоскости обнаружена концентрация на концепте ценностей, именуемых «истинными», «настоящими», «традиционными», «тысячелетними», «нравственными», «духовными», «фундаментальными», «стержневыми», «безусловными», «наивысшими». К ним отнесены «доблесть и самопожертвование ради Отечества» (1 марта 2020 г.)²³, самоотверженность, патриотизм, любовь к родному дому, к своей семье, к Отечеству (19 июня 2020 г.)²⁴. Как синонимичные, в этой связи главой государства упомянуты понятия «Отчизна», «Родина», «Россия». Преданность Отчизне, согласно его выражению, поднимает людей на великий гражданский подвиг (4 ноября 2020 г.)²⁵, как это бывало неоднократно в истории России (приведены прежде всего примеры времён Смуты, Отечественной войны, Великой Отечественной войны). Преданность Отчизне трактуется как главная ценность, надёжная опора независимости России. Говорится и об историко-культурном аспекте, «культуре отмены» на Западе, нравственной деградации вследствие отказа от тысячелетних ценностей, ставшей основой «циничных фальсификаций истории Второй мировой, разжигания русофобии» (9 мая 2022 г.)²⁶. Данные сюжеты более отчётливо читаются в президентском дискурсе с 2022 г., когда «войны памяти» и ценностный антагонизм окончательно утвердились в глобальном измерении взаимоотношений РФ с коллективным Западом.

Исторический ракурс вообще заметно артикулирован, как и тема единства, сплочённости, общей судьбы, преемственности поколений, героизма народа, ценности взаимопомощи и братского товарищества, взаимовыручки в сложные периоды российской истории и на современном этапе. Акцентируется

²³ Памятный концерт в честь погибших воинов-десантников. *Сайт Президента Республики Беларусь*. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62891> (дата обращения: 19.04.2024).

²⁴ 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим. *Сайт Президента Республики Беларусь*. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63527> (дата обращения: 19.04.2024).

²⁵ Встреча с представителями религиозных объединений. *Сайт Президента Республики Беларусь*. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64336> (дата обращения: 19.04.2024).

²⁶ Парад Победы на Красной площади. *Сайт Президента Республики Беларусь*. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/68366> (дата обращения: 19.04.2024).

важность патриотического воспитания, истории в качестве учебной (школьной) дисциплины, играющей определяющую роль в воспитании патриотизма, гражданственности, уважения к Родине, чувства сопричастности к её судьбе²⁷.

Президенту России также свойственна интерпретация ценностной и патриотической проблематики через призму происходящих сегодня глобальных изменений («структурного слома», «множащихся рисков и опасностей», «смены вех») в «современном хрупком мире». Констатированы серьёзные вызовы для традиционных ценностей. При этом выявлена приверженность идеологии «здорового консерватизма» («разумного», «умеренного» консерватизма). Консервативный подход мыслится как «опора на проверенную временем традицию, сохранение и приумножение населения, реализм в оценке себя и других, точное выстраивание системы приоритетов, соотнесение необходимого и возможного, расчётливое формулирование цели, принципиальное неприятие экстремизма как способа действий»²⁸. В президентском дискурсе зафиксирован «доктринальный кризис неолиберальной модели мироустройства по-американски». В отличие от неолиберальных ценностей, традиционные «в каждом случае ... неповторимы, потому что вытекают из традиции конкретного общества, его культуры и исторического опыта», их «нельзя никому навязать – их необходимо просто уважать, бережно относиться к тому, что выбирал веками каждый народ»²⁹. Подобные интерпретации можно рассматривать в логике дополнительной аргументации не только внешнеполитической позиции России, но и динамики мироустройства, её тенденций, сопрягаемых с изменением соотношения сил и пр., актуализации культурно-цивилизационного разнообразия, необходимости самоидентификации России как международного актора в ценностном измерении, обеспечения её глобальной конкурентоспособности в идеологическом поле мировой политики.

Патриотизм наделён эпитетами «истинный», «подлинный», «искренний», «гражданский», «всепобеждающий», «деятельный», понимается как искреннее, глубинное (глубокое) личностное, священное чувство. В смысловом отношении он увязан с заботой о Родине, уважением к своей истории, культуре, к родному языку, традициям, к памяти о достижениях и свершениях предков – подобная трактовка давалась, в частности, перед голосованием по поправкам в Конституцию 2020 г.³⁰. Тем самым, по сути, пояснялось значение предложенных

²⁷ Участникам, организаторам и гостям Всемирного конгресса школьных учителей истории. *Сайт Президента Республики Беларусь*. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/letters/66842> (дата обращения: 19.04.2024).

²⁸ Заседание дискуссионного клуба «Валдай». *Сайт Президента Республики Беларусь*. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66975> (дата обращения: 19.04.2024).

²⁹ Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай». *Сайт Президента Республики Беларусь*. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69695> (дата обращения: 19.04.2024).

³⁰ Обращение к гражданам России. *Сайт Президента Республики Беларусь*. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63584> (дата обращения: 19.04.2024).

новаций, например, в ст. 67.1. Лейтмотив – идея служения народу, обществу, Родине. Следующая константа – сопряжение патриотизма с ответственностью за Отечество, за его успешное развитие. Подчёркивается крепость традиций патриотизма (21 февраля 2021 г.)³¹. Патриотизм также коррелирует с категориями «суверенитет», «безопасность», «великая и несокрушимая мощь России». Адресатом актуализации деятельного патриотизма в первую очередь выступает молодое поколение. Речь идёт об участии в добровольческих и иных молодёжных проектах, привлечении молодёжи в науку в контексте обеспечения технологического суверенитета России и пр. (22 декабря 2022 г.)³². Приведённая расстановка акцентов корреспондирует с задачами поступательного развития страны в условиях санкционных ограничений, негативизации внешней среды.

Принципиальным смысловым акцентом президентского дискурса РФ выступает сопряжение патриотической проблематики с формированием общероссийской идентичности и гражданского самосознания в «огромной многонациональной России»³³. Подчёркивается, что нравственные ценности являются общими для всех народов России, что они лежат в основе их культуры, обычаев, традиционных религий. Примечательно следующее высказывание: «патриотизм, отвага, готовность, невзирая на личные риски, в трудную минуту взять ответственность на себя роднят людей самых разных национальностей, профессий, возрастов. Эти качества в крови, в характере нашего народа»³⁴. Для выступлений Президента РФ в 2022 г. особенно характерен рост обращений к представителям разных народов России и традиционных религий, воззваний к их патриотическим чувствам. Драйвером роста, что прослеживается по контексту президентских выступлений и их датировкам, послужило начало СВО.

Обнаруженные характеристики президентского патриотического дискурса РФ коррелируют с общей направленностью заявленного политического курса и канвой международных событий. Определена его идеологическая платформа – «здоровый консерватизм», соответственно ей выстроены предлагаемые российским лидером трактовки патриотизма. Более явно, в сравнении с белорусским руководителем, российский президент обозначил источники и инициаторов деструктивного воздействия извне, что вытекает, помимо прочего, из более жёсткой и глобальной степени конфронтации РФ и коллективного Запада. Ключевая точка сопряжения президентского дискурса и общественных на-

³¹ Поздравление по случаю Дня защитника Отечества. *Сайт Президента Республики Беларусь*. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65047> (дата обращения: 19.04.2024).

³² Заседание Государственного совета. *Сайт Президента Республики Беларусь*. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70169> (дата обращения: 19.04.2024).

³³ Заседание Совета по межнациональным отношениям. *Сайт Президента Республики Беларусь*. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65252> (дата обращения: 19.04.2024).

³⁴ Поздравление с Днём Героев Отечества. *Сайт Президента Республики Беларусь*. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64615> (дата обращения: 19.04.2024).

строений по результатам соцопросов – интерпретация патриотизма как «действенного». Здесь также насущна дальнейшая конкретизация соответствующих взаимосвязей.

Заключение

Сформулированная нами гипотеза в целом нашла своё подтверждение. Хотя далеко не всегда в патриотическом президентском дискурсе РФ и РБ акцентируется проблематика «анти-мягкой силы» и нет чёткой постановки ведущих задач в рамках декларируемого государственного курса именно в данном ключе, мы можем фиксировать усиливающееся стремление к дезавуированию ценностных моделей и идеологического влияния условного коллективного Запада. С идеологической точки зрения российская и белорусская версии патриотического дискурса власти имеют много сходного. Они выстраиваются сквозь призму неприятия и критики (нео)либерализма, корреспондируя с реакцией на события во внешней среде или внутривнутриполитическими событиями, имеющими, согласно официальным трактовкам, внешнюю подпитку. С другой стороны, в Беларуси чётко выявляется связь дискурсивных практик с официальной идеологией белорусского государства, в РФ она выражается скорее опосредованно, через отсылки к неким модификациям консерватизма, либо шире – совокупности традиционных и духовно-нравственных ценностей. Остаются тем не менее открытыми вопросы о степени институционализации транслируемой властями ценностной и патриотической повестки, как и вопросы о легализации в России определённой идеологии.

В плоскости интеграционного взаимодействия внедрение общих стратегии и подходов к политике патриотического воспитания остаётся весьма насущным на фоне текущей и прогнозируемой международной обстановки. Речь идёт, по сути, об экзистенциальном вызове не только для Беларуси и России в отдельности, но для всего Союзного государства.

С позиции дискурсивного неонституционализма возможности институциональных изменений допустимы на основе логики взаимодействия представителей политической элиты по поводу тех или иных идей в рамках координационного дискурса, а также сообщения выработанных в элитной среде идей населению и получения от него обратной связи в рамках коммуникационного дискурса (Романова, Мазаник 2022: 83). Применительно к Союзному государству есть потребность не только консенсусного типа координационного дискурса, но и обеспечения баланса между ним и коммуникационным дискурсом, что может способствовать повышению общественной поддержки союзного строительства и достижению нормативного патриотического консенсуса на уровне стран-участниц.

Выделяемые в структуре «анти-мягкой силы» три основных типа политики: «анти-мягкая сила» на основе шовинизма; «анти-мягкая сила» на основе альтернативного проекта; «анти-мягкая сила» на основе частичных (сегментарных) ограничений информационного воздействия противника (Фененко 2020: 66) в СГБР пока не имплементированы в союзном поле. Укажем на несколько «подводных камней». Во-первых, опасность упования на защитные возможности шовинизма, чреватого перерождением в радикальные практики, что демонстрирует украинский опыт. Во-вторых, слабость предпосылок к появлению в рамках СГБР мощной конкурентоспособной альтернативной идеологии, общей для обеих стран-участниц. В-третьих, активность внешнеполитической пропаганды недружественных акторов, неравенство с ними в использовании информационно-коммуникационных технологий для легитимации собственной ценностной повестки. Общее информационное пространство Союзного государства находится в стадии становления. Тем не менее второй и третий типы политики, как минимум, их элементы, могут быть задействованы на тактическом и оперативном уровнях, на средне- и долгосрочную перспективы – и на стратегическом. Первый тип политики может опираться на продвижение идеи «Русского мира». Однако этот проект долгое время воспринимался в Беларуси настороженно, едва ли не как «имперский», и может трактоваться ею как трансляция российской «нормативной силы».

В аксиологическом и прагматическом ракурсах акцентируем несколько вероятных линий нивелирования названных коллизий в рамках СГБР.

Укрепление общего ментального, духовного пространства, гуманитарного измерения российско-белорусской интеграции путём введения данной сферы в нормативное поле союзных программ и магистральных направлений союзного строительства, создания и активизации союзных общественных объединений и инициирования патриотических проектов «снизу», развития приграничного и межрегионального векторов социо-культурных коммуникаций.

Гармонизация исторической политики как на внутригосударственном, так и на союзном уровне. В современных условиях защита и сохранение исторической памяти и в РБ, и в РФ осознаются как непреложные. Артикуляция историко-патриотической составляющей дискурса власти типична для обеих стран. Однако не преодолены разрывы в интерпретации общей истории, акцентировании властями отдельных исторических периодов, их позитивного либо негативного истолкования. Так, в Беларуси «превозносилась» эпоха Великого княжества Литовского и «замалчивался» имперский период, в постсоветской России внимание фокусировалось на Российской империи, при негативизации советского прошлого. Сейчас память о Великой Победе составляет едва ли не стержневой компонент патриотического дискурса в обеих странах, а это – достижение именно Советского Союза, советского народа, что теми же властями озвучивается. Однако во многих практиках по-прежнему эксплуатируются отрицательные образы и стереотипы, ассоциируемые с СССР или приписываемые ему.

Стимулирование «спроса на интеграцию» через практическое осуществление намеченных пакетом интеграционных решений 2021 г. магистральных направлений союзного строительства. Отдача от интеграционных мероприятий, облакаемая в конкретные преимущества для населения в материальных формах, вкупе с верификацией аксиологического измерения Союзного государства позволит обеспечить более явную и широкую поддержку идеи «Общего Отечества».

Об авторах:

Ольга Владимировна Бахлова – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва. 430005, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1.
E-mail: olga.bahlova@mail.ru

Игорь Владимирович Бахлов – доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории, политологии и регионоведения Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва. 430005, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1.
E-mail: bahlov@mail.ru

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Благодарности:

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда №23-28-00371, <https://rscf.ru/project/23-28-00371/>

UDC: 32:172.15(470+571)(476)

Received: May 18, 2023

Accepted: December 19, 2023

Patriotism in the Political Discourse of the Union State of Belarus and Russia

 O.V. Bakhlova, I.V. Bakhlov[DOI 10.24833/2071-8160-2024-2-95-104-128](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-2-95-104-128)

National Research Ogarev Mordovia State University

Abstract: The article delves into the nuanced challenge of crafting a cohesive unionwide patriotic agenda amidst escalating global tensions fueled, in part, by value conflicts. It scrutinizes the emergence of a patriotic discourse intricately woven into the institutional fabric of the Union State, the Russian Federation, and the Republic of Belarus, primarily steered by top political leadership at the domestic level. The overarching aim is to delineate the enduring themes and prevailing narratives within the political elites' patriotic discourse within the Union State, while exploring its potential conceptualization as a coordinating discourse to further integration objectives and as a countermeasure of "anti-soft power" against external value threats emanating from the collective West. Methodologically, the study draws upon discursive neo-institutionalism, employing qualitative content analysis of speeches delivered by the respective presidents of the two countries as its primary analytical approach.

In the conclusions, the paper underscores the remarkable alignment between Russian and Belarusian stances on patriotic issues, particularly concerning their ideological underpinnings. Both underscore the imperative of safeguarding and preserving historical memory and traditional values as the cornerstone of their discourse. However, the analysis also sheds light on the conceptual complexities inherent in articulating sovereignty values by both participating countries. The practical implications underscore the necessity of further solidifying a shared socio-cultural space, harmonizing historical policies within both nations and within the Union State framework, and stimulating a "demand for integration" through the practical implementation of the principal directives outlined in the 2021 package of integration decisions.

Keywords: anti-soft power, external challenges and threats, historical memory, patriotic agenda, identity policy, Russian-Belarusian integration, Union State of Belarus and Russia, traditional values

About the authors:

Olga V. Bakhlova – Doctor of Science (Political Science), Professor at Department of General history, political science and area studies, National Research Ogarev Mordovia State University. Bolchevistskaja St., 68/1, Saransk, Russian Federation, 430005. E-mail: olga.bahlova@mail.ru

Igor V. Bakhlov – Doctor of Science (Political Science), Head of Department of General history, political science and area studies, National Research Ogarev Mordovia State University. Bolchevistskaja St., 68/1, Saransk, Russian Federation, 430005. E-mail: bahlov@mail.ru

Conflict of interests:

Authors declare absence of conflict of interests.

Acknowledgments:

This work was financially supported by the Russian Science Foundation, grant number 23-28-00371, <https://rscf.ru/project/23-28-00371/>

References:

- Baekken H. 2021. Patriotic Disunity: Limits to Popular Support for Militaristic Policy in Russia. *Post-Soviet Affairs*. 37(1). P. 1–15. DOI: 10.1080/1060586X.2021.1905417
- Bozeman B., Sarewitz D. 2011. Public Value Mapping and Science Policy Evaluation. *Minerva*. 2011. 49(1). P. 1–23. DOI: 10.1007/s11024-011-9161-7
- Daly S.Z. 2014. State Strategies in Multi-Ethnic Territories: Explaining Variation in the Former Soviet Union and Eastern Bloc. *British Journal of Political Science*. 44(2). P. 381–408. DOI: 10.1017/S0007123412000701
- Erez L., Laborde C. 2020. Cosmopolitan Patriotism as a Civic Ideal. *American Journal of Political Science*. 64(1). P. 191–203. DOI: 10.1111/ajps.12483
- Etzioni A. 2019. *Reclaiming Patriotism*. Charlottesville: University of Virginia Press.
- Goode P. 2021. Patriotic Legitimation and Everyday Patriotism in Russia's Constitutional Reform. *Russian Politics*. 6(1). P. 112–129. DOI: 10.30965/24518921-00601007
- Kończal K., Moses A.D. 2022. Patriotic Histories in Global Perspective. *Journal of Genocide Research*. 24(2). P. 153–157. DOI: 10.1080/14623528.2021.1968136
- Kwak J.-H. 2017. Republican Patriotism and Machiavelli's Patriotism. *Australian Journal of Political Science*. 52(3). P. 1–14. DOI: 10.1080/10361146.2017.1326458
- Macedo S. 2011. Just Patriotism? *Philosophy and Social Criticism*. 37(4). P. 413–423. DOI: 10.1177/0191453711399842
- Manners I. 2002. Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? *JCMS: Journal of Common Market Studies*. 40(2). P. 235–258. DOI: 10.1111/1468-5965.00353
- Marples D.R. 2021. Changing Belarus. *Canadian Slavonic Papers*. 63(3–4). P. 278–295. DOI: 10.1080/00085006.2021.1992923
- Murray J. 2011. Nationalism, Patriotism, and New Subjects of Ideological Hegemony. *Journal of Philosophy: A Cross-Disciplinary Inquiry*. 6(14). P. 30–43. DOI: 10.5840/jphilnepal20116144
- Robertson G. 2022. Protest, Platforms, and the State in the Belarus Crisis. *Post-Soviet Affairs*. 38(1–2). P. 146–149. DOI: 10.1080/1060586X.2022.2037196
- Aliev N.N. 2022. Ob obshhenacional'noj idee, evrazijskoj integracii i obshhestvenno-gosudarstvennoj diplomatii [About the National Idea, Eurasian Integration and Public-state Diplomacy]. *Bulletin of the Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry. International law*. № 1. P. 44–63. DOI: 10.54449/76585_2022_1_16_44 (In Russian).
- Alimov A.V. 2022. Russkaja nacional'naja ideja [Russian National Idea]. *Voprosy politologii*. 12(3). P. 855–864. DOI: 10.35775/PSL.2022.79.3.024 (In Russian).
- Fenenko A. 2020. Anti-mjagkaja sila v politicheskoy teorii i praktike [Anti-Soft Power in Political Theory and Practice]. *International processes-Journal of world politics and international relations*. 18(1). P. 40–71. DOI: 10.17994/IT.2020.18.1.60.3 (In Russian).
- Golunov S.V. 2021. Patrioticheskoe vospitanie v postsovetskikh de-fakto gosudarstvakh: identichnosti i praktiki [Patriotic Education in Post-Soviet De Facto States: Identities and Practices]. *Izvestiya of Altai State University*. № 6. P. 62–66. DOI: 10.14258/izvasu(2021)6-09 (In Russian).
- Guzynin N.G. 2022. Interpretaciya patriotizma kak ponjatija, idei i cennosti v mirnye i voennye periody istorii Rossii [Patriotism as a Concept, Idea and Value in Peaceful and Military Periods in the History of Russia]. *Konfliktologiya*. 17(2). P. 110–122. (In Russian).

Ivin A.A., Nikitina I.P. 2014. Klassicheskoe i neklassicheskoe opredeleniya cennosti [Classical and Non-classical Definitions of Value]. *Philosophy and Social Sciences*. №1. P. 17–20. (In Russian).

Kazantsev A.A. 2009. «Konstruktivistskaya revolyucija», ili o roli kul'turno-civilizacionnyh faktorov v sovremennoj teorii mezhdunarodnyh odnoszenij [«Constructivist Revolution», or about the Role of Cultural and Civilizational Factors in the Modern Theory of International Relations]. *Political Science (Ru)*. № 4. C. 88–114. (In Russian).

Kotlyarov I.V. 2017. Patriotizm kak social'naya real'nost' belorusskogo obshchestva (sociologicheskoe izmerenie) [Patriotism as Social Reality of the Belarusian Society (Sociological Dimension)]. *Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*. № 4. P. 7–15. (In Russian).

Martynov M.Ju., Gaberkorn A.I. 2019. Kak nam izmerit' patriotizm? K voprosu o konceptualizacii ponjatija [How Do We Measure Patriotism? On the Question of the Conceptualization of the Concept]. *Bulletin of Perm University. Political Science*. 13(4). P. 31–43. DOI: 10.17072/2218-1067-2019-4-31-43 (In Russian).

Martynov M.Ju., Fadeyeva L.A., Gaberkorn A.I. 2020. Patriotizm kak politicheskij diskurs v sovremennoj Rossii [Patriotism as Political Discourse in Contemporary Russia]. *Policy. Political studies*. № 2. P. 109–121. DOI: 10.17976/jpps/2020.02.08 (In Russian).

Khudaykulova A.V., Neklyudov N.Y. 2019. Konceptcija ontologicheskoy bezopasnosti v mezhdunarodno-politicheskom diskurse [The Concept of Ontological Security in International Political Discourse]. *MGIMO Review of International Relations*. 12(6). P. 129–149. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-6-69-129-149 (In Russian).

Panov S.V., Punchik V.N. 2021. Patrioticheskoe vospitanie belorusskoj uchashhejsja i studentcheskoj mo-lodezhi: social'no-pedagogicheskoe modelirovanie [Patriotic Education of Belarusian Students and Students: Socio-Pedagogical Modeling]. *Higher School: scientific-methodical and journalistic journal*. № 6. P. 14–18. (In Russian).

Pulikovskiy S.K. 2020. Diskurs patriotizma v politicheskom processe sovremennoj Rossii. Juzhno-rossijskij zhurnal social'nyh nauk [The Discourse of Patriotism in the Political Process of Modern Russian]. *South-Russian Journal of Social Sciences*. 21(4). P. 71–85. DOI: 10.31429/26190567-21-4-71-85 (In Russian).

Pushkareva G.V. 2022. Cennostnoe izmerenie publichnoj politiki. Politicheskaja nauka [Value measuring public policy]. *Political Science (Ru)*. №3. P. 15–35. DOI: 10.31249/poln/2022.03.01 (In Russian).

Remarchuk V.N. 2014. «Novyj patriotism» v sovremennoj rossijskoj politike [The «New Patriotism» in Modern Russian Policy]. *Ethnosocium (Multinational Society)*. №12. P. 9–17. (In Russian).

Romanova T.A., Mazanik S.V. 2022. Vliyanie koordinacionnogo diskursa o «strategicheskom suverenite-te» Evrosojuza na ego institucional'nyj balans [Coordinative Discourse of Strategic Sovereignty Tilting the European Union's Institutional Balance]. *MGIMO Review of International Relations*. 15(5). P. 79–112. DOI: 10.24833/2071-8160-2022-5-86-79-112 (In Russian).

Semenenko I.S., Lapkin V.V., Bardin A.L., Pantin V.I. 2017. Mezhdru gosudarstvom i naciej: dilemmy poli-tiki identichnosti na postsovet'skom prostranstve [Between the State and the Nation: Dilemmas of Identity policy in the Post-Soviet societies]. *Political Science*. №5. P. 54–78. (In Russian).

Serednev V.A. 2022. K voprosu ponimaniya sushhnosti patriotizma v sovremennyh reali-jah: mehanizm bor'by s vneshnim i vnutrennim vragom [To the Question of Understanding the Essence of Patriotism in Modern Realities: the Mechanism of Combating External and Internal Enemies]. *National security and strategic planning*. №3. P. 43–51. DOI: 10.37468/2307-1400-2022-3-43-51 (In Russian).

Shatilov A.B. 2017. Formirovanie koncepta gosudarstvennogo patriotizma v Rossii v period 2000–2017 gg.: osnovnye etapy i bazovye ideologicheskiye komponenty [Formation of the Concept of State Patriotism in Russia for the Period 2000–2017: Main Stages and Basic Ideology Components]. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 7(3). P. 18–23. (In Russian).

Skrynnikova I.V., Permyakova T.M., Pozdeyeva E.V. 2021. Spornye metafory rossijskogo patriotizma [Contested Metaphors of the Russian Patriotic Discourse]. *Cognitive language studies*. № 3. P. 314–318. (In Russian).

Trapyanok N.G. 2022. Formirovanie grazhdanstvennosti i patriotizma studentov v informatsionnom pros-transtve agrarnogo vuza (po materialam sociologicheskogo oprosa) [Formation of Citizenship and Patriotism of Students in the Information Space of an Agrarian University (based on the materials of a sociological survey)]. *Bulletin of the Belarusian State Agricultural Academy*. №1. P. 196–200. (In Russian).

Trifonov Ju.V. 2021. Formirovanie patriotizma: politiko-ideologicheskiye smysly i tehnologii [Formation of Patriotism: Political and Ideological Meanings and Technologies]. *Izvestia of Saratov University. New series. Series: Sociology. Politology*. 21(2). P. 211–217. DOI: 10.18500/1818-9601-2021-21-2-211-217 (In Russian).

Uzgorok M.Yu. 2016. Nacional'naya kul'tura Belarusi kak osnova rasshireniya sfery proyavleniya patriot-izma [The National Culture of Belarus as a Basis for Expanding the Sphere of Patriotism]. *Izvestia of BSPU, Series 2: History. Philosophy. Political science. Sociology. Economy. Cultural studies*. №2. P. 117–121. (In Russian).

Uzgorok M.Ju. 2021. Osnovnye faktory formirovaniya grazhdanstvennosti i patriotizma v sovremennykh usloviyakh [The Main Factors in the Formation of Citizenship and Patriotism in Modern Conditions]. *Proceedings of BSTU. Issue 6: History, Philosophy*. №2. P. 90–93. DOI: 10.52065/2520-6885-2021-251-2-90-93 (In Russian).

Vereshhagina A.V., Kumykov A.M. 2021. Patrioticheskaya tema v intellektual'noy traditsii rossijskogo ob-shchestva [A Patriotic Theme in the Intellectual Tradition of Russian society]. *Izvestiya of Kabardino-Balkarian State Agrarian University named after V.M. Kokov*. №1. P. 175–181. (In Russian).

Vorkachev S.G. 2020. Salus patriae: diskurs patriotizma [Patriotic discourse]. *Language. Text. Discourse*. №18. P. 105–113. (In Russian).

Zavershinskiy K.F. 2020. «Patriotizm elit» kak diskursivnoe izmerenie simvolicheskikh struktur nacional'noy pamjati [«Elite Patriotism» as a Discursive Dimension of the Symbolic Structures of the National Memory]. *Power and Elites*. 7(2). P. 77–96. DOI: 10.31119/pe.2020.7.2.4 (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Алиев Н.Н. 2022. Об общенациональной идее, евразийской интеграции и общественно-государственной дипломатии. *Вестник Дипломатической академии МИД России. Международное право*. № 1. С. 44–63. DOI: 10.54449/76585_2022_1_16_44

Алимов А.В. 2022. Русская национальная идея. *Вопросы политологии*. 12(3). С. 855–864. DOI: 10.35775/PSI.2022.79.3.024

Вережагина А.В., Кумыков А.М. 2021. Патриотическая тема в интеллектуальной традиции российского общества. *Известия Кабардино-Балкарского государственного аграрного университета им. В.М. Кокова*. №1. С. 175–181.

Воркачев С.Г. 2020. Salus patriae: дискурс патриотизма. *Язык. Текст. Дискурс*. №18. С. 105–113.

Голунов С.В. 2021. Патриотическое воспитание в постсоветских де-факто государствах: идентичности и практики. *Известия Алтайского государственного университета*. №6. С. 62–66. DOI: 10.14258/izvasu(2021)6-09

Гузынин Н.Г. 2022. Интерпретация патриотизма как понятия, идеи и ценности в мирные и военные периоды истории России. *Конфликтология*. 17(2). С. 110–122.

Завершинский К.Ф. 2020. «Патриотизм элит» как дискурсивное измерение символических структур национальной памяти. *Власть и элиты*. 7(2). С. 77–96. DOI: 10.31119/re.2020.7.2.4

Ивин А.А., Никитина И.П. 2014. Классическое и неклассическое определения ценности. *Философия и социальные науки*. №1. С. 17–20.

Казанцев А.А. 2009. «Конструктивистская революция», или о роли культурно-цивилизационных факторов в современной теории международных отношений. *Политическая наука*. №4. С. 88–114.

Котляров И.В. 2017. Патриотизм как социальная реальность белорусского общества (социологическое измерение). *Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Серыя гуманітарных навук*. №4. С. 7–15.

Мартынов М.Ю., Габеркорн А.И. 2019. Как нам измерить патриотизм? К вопросу о концептуализации понятия. *Вестник Пермского университета. Политология*. 13(4). С. 31–43. DOI: 10.17072/2218-1067-2019-4-31-43

Мартынов М.Ю., Фадеева Л.А., Габеркорн А.И. 2020. Патриотизм как политический дискурс в современной России. *Полис. Политические исследования*. №2. С. 109–121. DOI: 10.17976/jpps/2020.02.08

Панов С.В., Пунчик В.Н. 2021. Патриотическое воспитание белорусской учащейся и студенческой молодежи: социально-педагогическое моделирование. *Вышэйшая школа: навукова-метадычны і публіцы-стычны часопіс*. №6. С. 14–18.

Пуликовский С.К. 2020. Дискурс патриотизма в политическом процессе современной России. *Южно-российский журнал социальных наук*. 21(4). С. 71–85. DOI: 10.31429/26190567-21-4-71-85

Пушкарева Г.В. 2022. Ценностное измерение публичной политики. *Политическая наука*. № 3. С. 15–35. DOI: 10.31249/poln/2022.03.01

Ремарчук В.Н. 2014. «Новый патриотизм» в современной российской политике. *Этносоциум и межнациональная культура*. №12. С. 9–17.

Романова Т.А., Мазаник С.В. 2022. Влияние координационного дискурса о «стратегическом суверенитете» Евросоюза на его институциональный баланс. *Вестник МГИМО-Университета*. 15(5). С. 79–112. DOI: 10.24833/2071-8160-2022-5-86-79-112

Семененко И.С., Лапкин В.В., Бардин А.Л., Пантин В.И. 2017. Между государством и нацией: дилеммы политики идентичности на постсоветском пространстве. *Полис. Политические исследования*. №5. С. 54–78.

Середнев В.А. 2022. К вопросу понимания сущности патриотизма в современных реалиях: механизм борьбы с внешним и внутренним врагом. *Национальная безопасность и стратегическое планирование*. №3. С. 43–51. DOI: 10.37468/2307-1400-2022-3-43-51

Скрынникова И.В., Пермьякова Т.М., Поздеева Е.В. 2021. Спорные метафоры российского патриотизма. *Когнитивные исследования языка*. № 3. С. 314–318.

Трапянок Н.Г. 2022. Формирование гражданственности и патриотизма студентов в информационном пространстве аграрного вуза (по материалам социологического опроса). *Вестник Белорусской государственной сельскохозяйственной академии*. №1. С. 196–200.

Трифонов Ю.В. 2021. Формирование патриотизма: политико-идеологические смыслы и технологии. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*. 21(2). С. 211–217. DOI: 10.18500/1818-9601-2021-21-2-211-217

Узгорок М.Ю. 2016. Национальная культура Беларуси как основа расширения сферы проявления патриотизма. *Весці БДПУ, Серыя 2: Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія*. №2. С. 117–121.

Узгорок М.Ю. 2021. Основные факторы формирования гражданственности и патриотизма в современных условиях. *Труды БГТУ. Серия 6: История, философия*. № 2. С. 90–93. DOI: 10.52065/2520-6885-2021-251-2-90-93

Фененко А. 2020. «Анти-мягкая сила» в политической теории и практике. *Международные процессы*. 18(1). С. 40–71. DOI: 10.17994/IT.2020.18.1.60.3

Худайкулова А.В., Неклюдов Н.Я. 2019. Концепция онтологической безопасности в международно-политическом дискурсе. *Вестник МГИМО-Университета*. 12(6). С. 129–149. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-6-69-129-149

Шатилов А.Б. 2017. Формирование концепта государственного патриотизма в России в период 2000–2017 гг.: основные этапы и базовые идеологемы. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 7(3). С. 18–23.

Развитие ЕАСТ в контексте дифференцированной интеграции в Европе

В.В. Золотухин

Министерство иностранных дел Российской Федерации

Европейская ассоциация свободной торговли (ЕАСТ), возникшая более 60 лет назад в качестве альтернативного варианта построения сотрудничества в регионе, стала неотъемлемой частью общеевропейского проекта. Этому во многом способствовал ряд факторов: организационный базис функционирования, путь развития с особым акцентом на дифференциации и модели дифференцированной интеграции (DI).

Отточенная организационная структура и прагматичная нормативная правовая база служат системообразующими элементами Ассоциации. При детальном рассмотрении возможно провести водораздел между Швейцарией и тремя странами-членами Европейского экономического пространства (ЕЭП) – Исландией, Лихтенштейном и Норвегией.

В части ЕЭП юридический фундамент опирается на правоустанавливающие акты, разработанные коллегиально с ЕС. Тематическая составляющая предусмотрительно распределяется согласно наличествующей компетенции: эксперты в органах «двухкомпонентной структуры» компонента ЕАСТ осуществляют плодотворное взаимодействие с ЕС, а в остальных – фокусируются на внутренней проблематике. Географическая локация органов играет определяющую роль – Брюссель и Люксембург находятся в орбите широкой европоцентристской парадигмы решений, тогда как в пределах ЕАСТ главным лейтмотивом служит внутренняя повестка.

Швейцарский интеграционный вектор основан на пёстром многообразии нормативных механизмов, способствующих сопряжению разрозненных сфер и усилий участвующих государств. Ключом становится секторальный подход и пакеты двусторонних соглашений, заключённые с ЕС. Наличие нескольких органов ЕАСТ, действующих в рамках территориальной юрисдикции Швейцарии, придаёт объединению импульс к конвергенции с европейским рынком.

Сочетание всех факторов и обстоятельств на фоне текущей турбулентной реальности в регионе позволило ЕАСТ пройти путь вместе с ЕС в направлении к DI. Если более ранние научные воззрения этого явления предлагали лишь несколько критериев с весьма скромным набором инструментов, то последующие основанные на эмпирике наработки обеспечивают необходимый уровень точности и инвариантности. Установленные модели DI, используемые в настоящее время странами-членами ЕАСТ, оказываются во многом схожими с ЕС, что подчёркивает близость позиций. В конечном итоге Ассоциация стала неотъемлемой составляющей европейской интеграции, при этом квартет государств-участников сохранил большую гибкость в выборе курса при принятии решений.

УДК 339.92(4-672)

Поступила в редакцию: 20.09.2023

Принята к публикации: 15.01.2024

Ключевые слова: ЕАСТ, организационная структура, модели дифференцированной интеграции, зарубежный опыт, экономическая политика, Исландия, Норвегия, Швейцария, Лихтенштейн

Дифференцированная интеграция (далее – DI) стала обычным явлением европейской интеграции и даже рассматривается как предпочтительное решение возникающих в ходе неё проблем (Telle, Badulescu, Fernandes 2021: 9).

Цель статьи – анализ Европейской ассоциации свободной торговли (далее – ЕАСТ, Ассоциация)¹ в контексте протекающих в Европе интеграционных процессов, а также определение, насколько и в соответствии с какими моделями этот квартет состоятельных держав встроен в экономическую и политическую архитектуру региона. Автор выдвигает гипотезу о том, что ЕАСТ в настоящее время не является конкурирующей интеграционной структурой в Европе, а представляет собой часть единого европейского интеграционного проекта, осуществляемого на основе методов DI.

Исследованию ЕАСТ зарубежными и российскими учёными уделялось ограниченное внимание. В значительной степени это очерки исторического (Зорина 2008; Хахалкина 2016) и юридического (Машкова 2018) порядка или содержащие отрывочные сведения об организационной структуре ЕАСТ (Машкова 2017). Анализ DI в иностранной научной литературе, проводимый с 1990-х гг., довольно многообразен, но в отечественных публикациях эта тема рассматривается нечасто. Наиболее заметные работы представили, например, Л.О. Бабынина (Бабынина 2012), А.В. Грубинко (Грубинко 2015), Н.Ю. Кавешников (Кавешников 2011; Кавешников 2021), А.В. Рыбаков и Д.А. Квон (Рыбаков, Квон 2019), О.Л. Рыбаковский и А.А. Тер-Акопов (Рыбаковский, Тер-Акопов, 2017), В.А. Федорцев (Федорцев 2017). При этом в России до недавнего времени вместо «дифференцированная» встречался термин «гибкая» интеграция.

Настоящий материал призван в некоторой степени восполнить отдельные пробелы других научных изысканий. Статья состоит из четырёх разделов. В первом анализируются организационные формы управления ЕАСТ и роль его органов на европейском треке. Затем даётся краткий обзор основополагающих определений, необходимых для изучения данного вопроса, а также типов дифференциаций и классификаций моделей DI в Европе. Третья часть посвящена особенностям DI Швейцарии с учётом фактической вовлечённости во всеобъемлющие процессы, протекающие в регионе. В четвёртом разделе выявляются

¹ ЕАСТ создана в 1960 г. В настоящее время в неё входит четыре страны – Исландия, Лихтенштейн, Норвегия и Швейцария.

модели DI стран-членов ЕАСТ при реализации сотрудничества с ЕС. В заключении подводятся итоги и представляется критическая оценка результатов исследования.

Организационные формы управления ЕАСТ

ЕАСТ сформировалась как альтернативный интеграционный проект в Европе. Сегодня в неё входят четыре государства – Исландия, Норвегия, Лихтенштейн и Швейцария.

Конвенция ЕАСТ, подписанная в Стокгольме в 1960 г. семью странами-учредителями, содержала комплекс руководящих принципов и изложенные в общем виде задачи. В этот сравнительно краткий документ вносилось множество изменений и дополнений, в том числе в качестве различных протоколов и приложений. Положения Конвенции, как собственно и сама Ассоциация, характеризуются гибкостью и прагматичностью (Broad 2020: 4). Организационные формы управления ЕАСТ и конкретные функции её органов менялись с течением времени. На текущем этапе структура ЕАСТ весьма разветвлена, что во многом позволяет вполне эффективно преодолевать разноплановые вызовы, возникающие в процессе DI с ЕС.

Органы ЕАСТ можно разделить по категории географической локализации и степени нацеленности на решение задач в рамках Соглашения о Европейском экономическом пространстве (ЕЭП), вступившего в силу в 1994 г. Упрощённым правилом становится, что находящиеся за пределами стран – членов ЕАСТ подразделения отрабатывают повестку по ЕЭП, а на их территории – остальные вопросы. Учитывая сформированный общеевропейский рынок, достаточно плотное сотрудничество закономерно приходится именно на ЕС.

Так, прежде всего, важно отметить так называемую «двухкомпонентную структуру» (the two-pillar EEA structure). Она состоит из «компонента» (pillar) ЕАСТ, «компонента» ЕС и четырёх совместных органов, в состав которых входят соответствующие уполномоченные лица обеих региональных организаций. В части Ассоциации это Постоянный комитет ЕАСТ, Управление по надзору ЕАСТ, Суд ЕАСТ, Комитет членов парламента государств ЕАСТ и Консультативный комитет ЕАСТ. Весьма оправдано их расположение в Брюсселе, обеспечивающее более эффективную скоординированную работу с ЕС.

Обратимся к Постоянному комитету ЕАСТ. Он состоит из послов при ЕС трёх государств – Исландии, Лихтенштейна и Норвегии (далее – страны – члены ЕАСТ ЕЭП), представителей Управления по надзору ЕАСТ и наблюдателей от Швейцарии. Постоянный комитет ЕАСТ является площадкой для переговоров трёх стран-членов ЕАСТ ЕЭП и формирования единой позиции до проведения встреч в совместных органах в рамках «двухкомпонентной структуры» по проблемам, связанным с Соглашением о ЕЭП. У Постоянного комитета ЕАСТ пять подкомитетов: по свободному перемещению товаров, по свободному

перемещению капитала и услуг, по свободному перемещению людей, по фланговой и горизонтальной политике, по правовым и институциональным вопросам (о работе «двухкомпонентной структуры» и совместных органов ЕЭП подробнее см.: Золотухин: 2022а).

В составе Секретариата ЕАСТ около 90 сотрудников и пять подразделений, три из которых – в Брюсселе (Отдел координации с ЕЭП, Отдел внутреннего рынка и Финансовый механизм) и по одному – в Люксембурге (Управление статистики ЕАСТ, или ESO) и Женеве (Отдел торговых отношений)².

Бельгийская часть Секретариата ЕАСТ служит секретариатом упомянутого Постоянного комитета ЕАСТ, подкомитетов, рабочих и экспертных групп, содействуя инкорпорации новых законодательных актов ЕС в Соглашение о ЕЭП³. В круг задач, помимо прочего, входят организация на своей площадке мероприятий Постоянного комитета ЕАСТ и подготовка по их итогам соответствующих документов. В 2022 г., например, прошло восемь таких встреч и одна совместная с Консультативным комитетом ЕАСТ⁴. Роль женевской части Секретариата ЕАСТ и Отдела торговых отношений описана ниже.

ESO располагается фактически в том же месте, что и Евростат, в Люксембурге. Управление отслеживает изменения законодательства ЕС, оценивает необходимость включения профильных правовых актов в Соглашение о ЕЭП, в тесном сотрудничестве с Евростатом и национальными институтами статистики стран – членов ЕАСТ проводит курсы для специалистов в области статистики в рамках Европейской программы статистического обучения (European Statistical Training Programme, ESTP). Для повышения слаженности взаимодействия эксперты из статистических ведомств стран – членов ЕАСТ временно прикомандировываются к Евростату. Сообразно своей компетенции ESO также оказывает помощь третьим странам: приоритет отдаётся Восточной Европе, Кавказу, Центральной Азии (ВЕКЦА, ЕЕССА)⁵.

Можно также кратко остановиться на Финансовом механизме. Работает он на основании части VIII Соглашения о ЕЭП⁶ и соответствующих протоколов к документу и призван снизить экономические и социальные диспропорции в ЕЭП⁷. Аффилированное с ЕАСТ Управление финансового механизма (ФМО)

² Managing the EFTA Secretariat. *EFTA official page*. URL: <https://www.efta.int/About-EFTA/Managing-EFTA-Secretariat-745> (accessed 20.05.2024)

³ Legal Notes by the EFTA Secretariat on the EEA Agreement. *EFTA official page*. June 2019 URL: https://www.efta.int/sites/default/files/publications/bulletins/efta_bulletin_legal_notes.pdf (accessed 20.05.2024)

⁴ Events 2022. *EFTA official page*. URL: <https://www.efta.int/events/year/2022> (accessed 20.05.2024)

⁵ 61th Annual Report of the European Free Trade Association 2021. *EFTA official page*. July 2022 г. URL: https://www.efta.int/sites/default/files/publications/Annual%20Reports/EFTA_Annual_Report_2021.pdf (accessed 20.05.2024)

⁶ Agreement on the European Economic Area. *EFTA official page*. URL: <https://www.efta.int/sites/default/files/documents/legal-texts/eea/the-eea-agreement/Main%20Text%20of%20the%20Agreement/EEAagreement.pdf> (accessed 20.05.2024)

⁷ The EEA Agreement – Protocols. *EFTA official page*. URL: <https://www.efta.int/legal-texts/eea/protocols-to-the-agreement> (accessed 20.05.2024)

является секретариатом функционирующих организаций Гранты ЕЭП и Гранты Норвегии⁸. Обеспечение согласно Протоколу 38С закладывалось с прицелом на 2014-2021 гг., но фактически период продлён до апреля 2024 г., в том числе чтобы закончить незавершённые проекты. К концу 2021 г. распределена треть от заложенных средств, в 2023 г. по-прежнему можно было подать заявку в установленном порядке в рамках лимитов (Kristin, Tiltnes, Yssen 2023). Процессами также предусматривается деятельное участие Европейского инвестиционного банка⁹. Среди бенефициаров – Польша, Румыния, Греция, Болгария, Венгрия, Португалия и др.¹⁰ Все акторы действуют сообща в интересах успешной целевой аллокации осуществляемого финансирования.

Управление по надзору ЕАСТ, располагающееся в Брюсселе, отслеживает выполнение обязательств, взятых на себя странами – членами ЕАСТ ЕЭП в контексте Соглашения о ЕЭП. В этом органе, в частности, могут начаться неформальные консультации, чтобы уладить дело, либо инициироваться разбирательства в Суде ЕАСТ (подробнее см.: Золотухин 2022а).

С 2021 г. бельгийская часть Секретариата ЕАСТ, ФМО и Управление по надзору ЕАСТ (свыше 200 сотрудников) размещаются в новом здании в Европейском квартале Брюсселя¹¹.

Нахождение в Люксембурге ещё одной структуры в «компоненте», Суда ЕАСТ, обеспечивающего судебный контроль над положениями Соглашения о ЕЭП, оказывается выгодным для консолидации усилий по выработке предметных (в рамках компетенции) мнений благодаря тому, что Суд ЕС дислоцируется там же (подробнее см.: Золотухин 2022а). В Соглашении о ЕЭП нет позиций, в соответствии с которыми Суд ЕАСТ мог бы наложить штрафные санкции за несоблюдение его решений. Хотя выносимые заключения Суда ЕАСТ не имеют обязательной силы, на практике они являются «убедительным прецедентом» (*persuasive authority*) и исполняются в большинстве случаев (Frommelt 2020).

Вопрос Парламентского комитета ЕАСТ и Консультативного комитета ЕАСТ рассмотрим позднее.

Внутренними делами занимаются преимущественно другие подразделения. Так, Совет ЕАСТ – высший руководящий орган. В течение года, как правило, встречи проходят восемь раз на уровне глав миссий – посольств или постоянных представительств при международных организациях – в Женеве и по крайней мере единожды в министерском формате в стране, к которой на ротационной основе перешло председательство. Совет ЕАСТ имеет широкий мандат,

⁸ Organisational Structure. *EEA and Norway Grants*. URL: <https://eeagrants.org/about-us/organisational-structure> (accessed 20.05.2024)

⁹ The EEA Agreement – Protocols. *EFTA official page*. URL: <https://www.efta.int/legal-texts/eea/protocols-to-the-agreement> (accessed 20.05.2024)

¹⁰ About Us. *EEA and Norway Grants*. URL: <https://eeagrants.org/about-us> (accessed 20.05.2024)

¹¹ Welcome to the EFTA House. *EEA and Norway Grants*. 01.03.2021. URL: <https://eeagrants.org/news/welcome-efta-house> (accessed 20.05.2024)

заточенный под реализацию задач Ассоциации. На заседаниях, например, обсуждают значимые вопросы отношений с третьими странами и торговых соглашений или рассматривают проблематику бюджета, административные меры, поправки в соответствующие документы и др.¹². Руководствуясь статьёй 43 Конвенции ЕАСТ, Совет ЕАСТ может принять решение о создании таких органов, комитетов и других структур, которые посчитает необходимым для содействия ему в достижении целей¹³.

Если вернуться к Секретариату ЕАСТ, то его женевский офис помогает Совету ЕАСТ в проведении встреч и мероприятий и совместно с Отделом торговых отношений работает для упорядочения соглашений о свободной торговле¹⁴. Роль упомянутого отдела Секретариата ЕАСТ также проявляется рельефно, учитывая то, что Швейцария, не находясь в ЕЭП, обладает сетью разветвлённых соглашений о свободной торговле.

В настоящее время содействие Совету ЕАСТ оказывают Комитет по техническим барьерам в торговле, Комитет экспертов в области происхождения и таможенных процедур, Экономический комитет, Комитет членов парламента, Консультативный комитет, Бюджетный комитет, Комиссия ревизоров (EFTA Board of Auditors, EBOA), Комитет по отношениям с третьими странами, Комитет по семенам, Комитет по органическому сельскому хозяйству, Комитет по взаимному признанию в отношении оценки соответствия, Комитет по перемещению людей, Комитет по наземному транспорту, Комитет по воздушному транспорту, Комитет по государственным расходам, Комитет по упрощению процедур торговли¹⁵. Органы предоставляют необходимые для принятия решений материалы непосредственно в Совет ЕАСТ.

В Ассоциации под эгидой Совета ЕАСТ существует две совещательные структуры – Парламентский комитет ЕАСТ (включает уполномоченных лиц парламентов государств-участниц) и Консультативный комитет ЕАСТ (объединяет представителей различных организаций профсоюзов и работодателей). Они исследуют отношения с ЕС, в том числе в рамках Соглашения о ЕЭП, и в области торговли с третьими странами, ведут диалог с министрами стран ЕАСТ¹⁶.

¹² 61th Annual Report of the European Free Trade Association 2021. *EFTA official page*. July 2022 r. URL: https://www.efta.int/sites/default/files/publications/Annual%20Reports/EFTA_Annual_Report_2021.pdf (accessed 20.05.2024)

¹³ Convention Establishing the European Free Trade Association. Consolidated version, last amended on 1 November 2021. *EFTA official page*. 01.11.2021. URL: https://www.efta.int/sites/default/files/documents/Vaduz_Convention_Agreement_Updated_1_November_2021.pdf (accessed 20.05.2024)

¹⁴ EFTA at a Glance. *EFTA official page*. 2016. URL: <https://www.efta.int/sites/default/files/publications/fact-sheets/General-EFTA-fact-sheets/efta-at-a-glance-september-2016.pdf> (accessed 20.05.2024)

¹⁵ Annex S. Organs, committees and other bodies assisting the Council (Art. 43 paragraph 3). *EFTA official page*. URL: https://www.efta.int/sites/default/files/images/Vaduz_Convention_%20Annex_S_Council%20Bodies.pdf (accessed 20.05.2024)

¹⁶ 61th Annual Report of the European Free Trade Association 2021. 2022. *EFTA official page*. URL: https://www.efta.int/sites/default/files/publications/Annual%20Reports/EFTA_Annual_Report_2021.pdf (accessed 20.05.2024)

Относительно Парламентского комитета важно подчеркнуть особенность и терминологию. В 1977 г. создан так называемый Комитет членов парламента стран ЕАСТ (Committee of Members of Parliament of the EFTA Countries, CMP), целью которого было фактически содействие в доведении позиции парламентариев всех стран ЕАСТ до Совета ЕАСТ. Однако в 1992 г. для обеспечения участия в ЕЭП учреждён Комитет членов парламента государств ЕАСТ (Committee of Members of Parliament of EFTA States, MPS). Поскольку в настоящее время, как известно, Исландия, Лихтенштейн и Норвегия входят в ЕЭП, а Швейцария – нет, то такое формальное разделение по-прежнему является обоснованным. Вместе с тем с практической точки зрения считается, что, несмотря на некий дуализм, обе структуры выступают как единое целое, в том числе ввиду того, что Швейцария имеет статус наблюдателя в ЕЭП (без права голоса, но с доступом на заседания) и не исключается из процессов рассмотрения вопросов, связанных с ЕЭП¹⁷.

При оценке и изучении вклада Консультативного комитета ЕАСТ делается упор на термин «социальное партнёрство», смысл которого сводится к развитию системы тесного взаимодействия между работодателями с профсоюзами и органами государственной власти. Речь идёт о диалоге на общеевропейском уровне, а не лишь с уполномоченными ведомствами стран – участниц ЕАСТ или структурами Ассоциации. В составе Консультативного комитета ЕАСТ – делегаты от различных организаций Исландии, Лихтенштейна, Норвегии и Швейцарии. Среди постоянных наблюдателей – Конфедерация европейского бизнеса (BusinessEurope) и Европейская конфедерация профсоюзов (ETUC), объединяющие заинтересованных из государств не только внутри, но и вне ЕС (например, Турция, Черногория и др.), что увеличивает дискуссионный потенциал и добавленную стоимость площадки¹⁸.

Бюджетный комитет ЕАСТ, разумеется, в плотной кооперации с другими органами работает по финансовой повестке Ассоциации. Формирование бюджета стран-членов определяется ежегодно. С 1995 г. для квартета ЕАСТ ситуация складывалась следующим образом. Так, например, в 1996 г. оно выражалось в 16 045 тыс. швейцарских франков, а доля участия составляла: Швейцария – 50,39%, Норвегия – 44,10%, Исландия – 4,28%, Лихтенштейн – 1,23%¹⁹. В 2021 году – 23 058 тыс. швейцарских франков, вклад распределялся: Норвегия – 48,7%, Швейцария – 45,4%, Исландия – 4,8%, Лихтенштейн – 1,1%²⁰.

¹⁷ Parliamentary Committee. *EFTA official page*. URL: <https://www.efta.int/Advisory-Bodies/Parliamentary-Committee-1273> (accessed 20.05.2024)

¹⁸ Consultative Committee. *EFTA official page*. URL: <https://www.efta.int/advisory-bodies/consultative-committee> (accessed 20.05.2024); Members of the EFTA Consultative Committee. *EFTA official page*. URL: <https://www.efta.int/Advisory-Bodies/Members-EFTA-Consultative-Committee-2023-524466> (accessed 20.05.2024)

¹⁹ Thirty Sixth Annual Report of European Free Trade Association 1996. *EFTA official page*. 1997. URL: <https://www.efta.int/sites/default/files/publications/annual-report/efta-annual-report-1996.pdf> (accessed 20.05.2024)

²⁰ 61th Annual Report of the European Free Trade Association 2021. *EFTA official page*. July 2022. P. 57. URL: https://www.efta.int/sites/default/files/publications/Annual%20Reports/EFTA_Annual_Report_2021.pdf (accessed 20.05.2024)

Что касается ЕВОА, это высший орган по вопросам аудита ЕАСТ, созданный в 1992 г. Ежегодно им проводятся профильные проверки Секретариата ЕАСТ, Управления по надзору ЕАСТ и Суда ЕАСТ. ЕВОА взаимодействует с различными структурами ЕС, в том числе в контексте участия в ЕЭП²¹.

Дифференциации и модели DI в Европе

По идеализированным канонам интеграция фактически подразумевала объединение стран по максимально широкому спектру экономических, политических и иных проблем, а также поэтапную конвергенцию внутренних процессов, углубление взаимозависимости и упрочение консолидации. Такой последовательный подход ко всем участникам упрощал целостность восприятия при поддержании элементов системы. Позднее, как показала практика, для непрерывности движения требовалось повышение гибкости. Подспорьем в этом деле оказались временные или постоянные исключения, изъятия и оговорки из ранее неукоснительно общих для всех требований. Планомерно с 1980-х гг. Европа начала вступать в этап дифференциаций и дифференцированной интеграции.

Под дифференциацией, по мнению зарубежных авторов, следует понимать освобождение отдельной страны от единого правила в течение определённого периода. Стали выделяться горизонтальные (географическое деление), подразделяющиеся на внутренние и внешние в зависимости от участников соответствующих процессов, и вертикальные (касаются областей политик) дифференциации, а их некоторое сочетание образовывало так называемую систему DI.

Под DI согласно определению Александра Стубба, понимается основной вид интеграционных стратегий, пытающихся примирить неоднородность в рамках Европейского союза. Этим же исследователем приводились анализ и одна из первых классификаций DI по трём переменным: время (time), пространство (space, география) и предмет (matter, или секторальный признак).

Концепция претерпевала непрерывную трансформацию. На текущий момент одну из наиболее полных классификаций DI представили Катарина Хольцингер и Франк Шиммельфенниг. Ими вводятся шесть измерений для характеристики моделей DI:

- дифференциация постоянная или временная;
- дифференциация территориальная или чисто функциональная;
- дифференциация между национальными государствами или также внутри одного государства;
- дифференциация имеет место в рамках или также вне договоров ЕС;
- принятие решений на уровне ЕС или в «клубе» (межправительственное);

²¹ Ibid.

- распространение правил исключительно на страны-члены или также вне ЕС (нечлены ЕС, имплементированные в установленные нормативные правовые акты или же находящиеся вне юрисдикции ЕС).

В соответствии с перечисленными измерениями авторы выделяют модели: многоскоростная (Multiple Speed), многостандартная (Multiple Standards), авангард Европы (Avantgarde Europe), ядро Европы (Core Europe) / концентрические окружности (Concentric Circles), гибкая интеграция (Flexible Integration), с изменяемой геометрией (Variable Geometry), Европа à la carte (по меню), оптимальный уровень юрисдикции (Optimal Level of Jurisdiction), гибкая кооперация (Flexible Co-operation), функциональные перекрывающиеся конкурирующие юрисдикции (FOCJ, ФКПЮ) (о дифференциациях и дифференцированной интеграции подробнее см.: Золотухин 2023).

Дополнительно можно отметить следующее. Ф. Шиммельфенниг полагает, что дезинтеграцию в Европе стоит рассматривать как дифференцированную дезинтеграцию, под которой необходимо понимать «избирательное снижение уровня и масштабов интеграции страны-члена». Он утверждает, что дезинтеграция способна, например, привести к внутренней дифференциации, когда государство остаётся в ЕС, но выходит из определённых областей, или к внешней дифференциации, если оно покидает ЕС, но продолжает участвовать в отдельных сферах сотрудничества (Schimmelfennig 2018.). Указанной проблематике уделяют внимание и другие исследователи, что, впрочем, находится за рамками настоящей работы.

Для конкретизации сути протекающих процессов необходима ремарка о словарных коллокациях через призму исторической фактуры. На старте интеграции модели DI «имелись» или «зарождались», поскольку речь шла об их ограниченном распространении. По мере адаптации и подстройки к реальным условиям целесообразно стало говорить об их «применении» или «использовании» в том понимании, что система DI начинает масштабно пронизывать все направления сотрудничества.

На основе обозначенных выше понятий и подходов попробуем проанализировать DI стран – членов ЕАСТ.

Анализ особенностей DI Швейцарии

Некоторый разбор моделей DI для стран – членов ЕАСТ представлен ниже, но необходимо подчеркнуть следующее. Несмотря на ряд различий в степени вовлечённости Швейцарии в сравнении со странами – членами ЕАСТ ЕЭП, однозначно сами модели DI в конечном итоге оказываются теми же у всех четырёх государств рассматриваемой региональной организации. Швейцария, будучи формально вне ЕЭП, всё равно участвует в его деятельности на базе двусторонних отраслевых соглашений, что в прикладном плане обеспечивает прак-

тически одинаковый уровень и подходы к полноценному подключению к механизмам европейской интеграции. Для более глубокого понимания обратимся к особенностям DI данного государства.

Швейцария, без сомнений, находится на авансцене политической, культурной и экономической жизни региона: здесь расположены штаб-квартиры многих международных организаций, традиционно проводятся конференции, выставки и мероприятия мирового масштаба.

Страна также успешно встроена во всё многообразие протекающих в Европе актуальных событий и тенденций – с 1970-х гг. заключён целый ряд двусторонних соглашений с ЕЭС/ЕС по широкому спектру направлений. Если обобщить, хронологически просматривается пять этапов: до 1999 г.; первый пакет двусторонних соглашений в 1999 г.; второй пакет двусторонних соглашений в 2004 г.; с 2004 г.; современность.

Так, в 1972 г. было подписано соглашение о свободной торговле, в 1989 г. – по страхованию и в 1990 г. – по перевозке грузов. В 1992 г. Швейцария по итогам состоявшегося всенародного референдума отказалась от идеи участия в Соглашении о ЕЭП, что ознаменовало собой дивергентный процесс внутри ЕАСТ и закономерно сказалось на дальнейшем интеграционном векторе.

В 1999 г. был заключён так называемый первый пакет двусторонних соглашений с ЕС, охвативший такие сферы, как свободное передвижение людей, сельское хозяйство, проведение совместных исследований, воздушный и наземный транспорт, а также правила, касающиеся технических барьеров в торговле (по взаимному признанию результатов оценки соответствия) и государственных закупок. Документы были связаны «положением гильотины» (*guillotine clause*), при котором они вступают в силу единовременно, но выход из одного приводит к приостановке остальных.

2004 г. ознаменовывается вторым пакетом двусторонних соглашений с ЕС: затрагиваются такие области, как налогообложение доходов от сбережений, противодействие мошенничеству, переработанная сельхозпродукция, окружающая среда, статистика, пенсии, образование. Вышла новая редакция соглашения по научным исследованиям, а также обозначено участие Швейцарии в программе ЕС MEDIA. Очередной вехой стали Шенгенское и Дублинское соглашения, касающиеся виз и предоставления убежища.

Вне второго пакета в 2004 г. (с дополнениями в 2007 и 2017 гг.) принят документ по сотрудничеству правоохранителей Швейцарии с Европолом, в 2008 г. – с Евростом. Заключены соглашения по конкуренции, наркотикам, спутникам и ряд других. Продлевались и пересматривались некоторые прежние положения – в сфере науки и образования, программа MEDIA и прочие²².

²² La voie bilatérale. Official website of the Swiss Federal Department of Foreign Affairs. URL: <https://www.eda.admin.ch/europa/fr/home/bilateraler-weg.html> (accessed 20.05.2024)

Важно отметить, что для обеспечения скоординированной работы функционирует около двух десятков смешанных комитетов (иногда именуются как постоянный комитет и смешанная комиссия), при необходимости для взаимодействия проводятся их встречи. Как следует из названия, в их состав входят уполномоченные представители из Швейцарии и ЕС, что способствует нахождению компромиссных решений и консолидации усилий в соответствующих целевых областях²³.

Что касается дальнейшего регионального сближения, в настоящий период оно имеет свои особенности и протекает непросто. Для перспективного продвижения интеграционного процесса встал вопрос о заключении Институционального соглашения (InstA). Однако из-за непреодоленных разногласий в 2021 г. после всеобъемлющей оценки швейцарскими официальными лицами объявлено о выходе из переговоров по этому сюжету и отказе от подписания документа²⁴. С февраля 2022 г. начала обсуждаться возможность задействования так называемого пакетного подхода. По итогам плотных плодотворных контактов, насчитывающих свыше десятка встреч, к лету 2023 г. стороны совместно подошли к нахождению обоюдно выгодных развязок²⁵. Несмотря на насущную потребность в продолжении кропотливой работы по остающемуся пласту актуальных проблем, уже достигнутые результаты можно оценить исключительно как положительные.

Дополнительно стоит затронуть тему инноваций и научных изысканий, которые для Швейцарии играют одну из ключевых ролей, а страна в этой области фактически интегрирована в ЕС. Имеется много как общих, так и отдельных специфических двусторонних соглашений: основополагающие заключены в 1986 г. с ЕЭС, в 1999 г. в рамках первого пакета, затем в 1987, 2004 и 2014 гг. Обособленной составляющей стали документы в сфере атомной энергии (в частности, Евратом) – 1987, 2004, 2007, 2012 и 2014 гг. Швейцария активно подключена к формированию Европейского научного пространства (ERA) и реализации соответствующих программ, ведёт работу в ряде европейских международных исследовательских институтов (подробнее см.: Золотухин 2022b).

В целом, после отказа от участия в Соглашении о ЕЭП Швейцария посредством двусторонних соглашений в действительности интегрировалась в протекающие в регионе процессы. Такая разветвлённая нормативно-правовая сеть

²³ Décisions des comités mixtes. *Official website of the Swiss Federal Department of Foreign Affairs*. URL: <https://www.eda.admin.ch/europa/fr/home/bilaterale-abkommen/abkommen-umsetzung/gemischte-ausschuesse.html> (accessed 20.05.2024)

²⁴ Institutional agreement. *Official website of the Swiss Federal Department of Foreign Affairs*. URL: <https://www.eda.admin.ch/europa/en/home/europapolitik/ueberblick/institutionelles-abkommen.html> (20.05.2024)

²⁵ Ignazio Cassis meets with Maroš Šefčovič in Brussels. *Official website of the Swiss Federal Department of Foreign Affairs*. 18.07.2023. URL: <https://www.eda.admin.ch/eda/en/fdfa/fdfa/aktuell/newsuebersicht/2023/europa.html> (accessed 20.05.2024)

позволяет Швейцарии получать экономические выгоды от европейского рынка и вместе с тем сохранять большую свободу без делегирования каких-либо полномочий органам ЕС, как это происходит в отношении стран – членов ЕС.

По мнению некоторых специалистов, перенос правил ЕС во внутреннее законодательство Швейцарии – один из способов интеграции. С помощью формирования совместимой с ЕС правовой базы швейцарские компании приобретают определённые преимущества, в частности, это содействует сокращению технических барьеров в торговле. Итак, поскольку Швейцария фактически подчиняется правилам ЕС и в то же время не является его членом, то это можно квалифицировать как пример горизонтальной внешней дифференциации (Jenni 2014: 31–33).

Таким образом, сближение Швейцарии с ЕС осуществляется практически в тех же областях, однако основано на других документах (Соглашение о свободной торговле 1992 г. и целый ряд двусторонних соглашений по отдельным отраслям), что служит дополнительным свидетельством общности применяемых ЕАСТ интеграционных моделей.

Модели ДІ стран – членов ЕАСТ при реализации сотрудничества с ЕС

Мнение о том, в соответствии с какими моделями ДІ происходит интеграция стран – членов ЕАСТ, содержится в некоторых источниках. Так, Н.Ю. Кавешников полагает, что используется модель концентрических окружностей (Кавешников 2021). В 2012 г. К. Хольцингер и Ф. Шиммельфенниг в своей статье, посвящённой ДІ, изложили позицию о том, что сотрудничество в пределах ЕЭП проводится по моделям «ядро Европы» (core Europe) и «концентрические окружности» (concentric circles) (Holzinger, Schimmelfennig 2012: 294, 298).

Вместе с тем попробуем самостоятельно взглянуть на модели ДІ стран – членов ЕАСТ через призму классификации Ф. Шиммельфеннига и К. Хольцингера, описанную выше.

Прежде всего, в рамках проблематики настоящей статьи по ряду особенностей и обстоятельств целесообразно пренебречь тремя последними ранее перечисленными измерениями. Так, находятся дифференциации внутри или вне договоров ЕС для нас имеет малое значение по следующей причине: как уже было отмечено, основой сотрудничества с ЕС для Швейцарии служит Соглашение о Свободной торговле 1992 г. и множество документов по определённым отраслям, а для стран – членов ЕАСТ ЕЭП – это, главным образом, Соглашение о ЕЭП. Вопросы углубления интеграции разрешаются также в двустороннем формате с подключением отдельных органов и совместных комитетов, что аналогично ведёт к дифференциации. Именно поэтому для стран – членов ЕАСТ данное измерение не имеет значения.

Ценность классифицирующего признака, относящегося к уровню принятия решений, для нас также нивелируется. Так, в первом приближении подразумевается, что выбор здесь может исходить или только от участников конкретной области сотрудничества, или от всех стран – членов ЕС, но на практике это не совсем так. В соответствии с ч. 3 ст. 20 Договора о Европейском союзе (TEU) в случае дифференциаций, то есть отказа от участия в каких-либо областях сотрудничества, такая страна – член ЕС не имеет права голоса в Совете, хотя и допускается к обсуждению нормативных документов на этапе их подготовки. Вместе с тем депутаты Европарламента голосуют за дифференцированную политику в своём полном составе, фактически выражая мнение и по законодательству, не предполагающему инкорпорацию и использование их государствами. Так, в Европарламенте обеспечивают принятие актов по тематике управления еврозоной, хотя около трети делегатов представляют державы, не перешедшие на единую валюту, а, например, по части налога на финансовые операции (financial transaction tax) подобный показатель – 45% от общего числа парламентариев. Таким образом, ряд стран – членов ЕС на практике активны в тех вопросах, по которым формально не должны были бы голосовать (Heermann, Leuffen 2020: 1018–1019).

Измерением, касающимся того, распространяются правила исключительно на страны-члены или также вне ЕС, в рамках настоящего исследования можно аналогично пренебречь. Здесь подразумевается, что решения могут приниматься только участниками ЕС. Однако страны – члены ЕАСТ ЕЭП, не делегировав никаких своих полномочий на уровень ЕС и номинально не имея права непосредственного голосования, на деле оказывают влияние на формирование экономической политики ЕС (Золотухин 2022а). Следовательно, для принятия решений не играет значимой роли, является ли страна членом ЕС или нет.

Рассмотрим то, какие модели DI используются в текущий период для организации сотрудничества стран – членов ЕАСТ и ЕС.

Модель многоскоростной (Multiple Speed) Европы, наблюдавшаяся у стран-членов ЕАСТ в разных областях ещё на начальном этапе, – фактически одна из самых проработанных. Особенность её в том, что она характеризуется временной дифференциацией, при этом различия, как ожидается, будут постепенно нивелироваться, а в идеале интеграция в конечном итоге должна стать однородной.

Аналогично доказала свою востребованность многостандартная (Multiple Standards) модель, сущность которой заключается в решении и урегулировании особых вопросов на основании разнообразия закреплённых в отдельных странах правил. В качестве примеров отмечаются такие неоднородные с точки зрения правоприменения сферы, как экология или окружающая среда. Строгость выполнения предписаний зависит от желания и намерений самих государств.

Стоит частично оговориться, что по последнему уровню классификации К. Хольцингер и Ф. Шиммельфеннига обе вышеперечисленные модели подпадают под критерий «только страны-члены». Вместе с тем, как уже рассказывалось ранее, ситуация выглядит немного по-другому. Во-первых, страны – члены ЕС, как, впрочем, и ЕАСТ, на практике принимают участие в решении вопросов, по которым формально не должны – как в плане подключения делегатов к деятельному обсуждению проблем, так и в плане лоббирования и продвижения своих интересов (Золотухин 2022а). Во-вторых, обе модели по умолчанию предполагают несколько уровней или степеней вовлечения в интеграцию, и в эту парадигму органично вписывается ЕАСТ. Ассоциацию (как структуру в целом, так и государства индивидуально) из-за её непосредственного включения в процессы ЕС через двусторонние соглашения (Швейцария) и Соглашение о ЕЭП (страны – члены ЕАСТ ЕЭП) можно было бы рассматривать как полноценного игрока на европейской интеграционной площадке, не уступающего, а иногда способного превзойти за счёт собственных особенностей и сравнительных преимуществ в некоторых областях отдельных участников ЕС.

Среди используемых моделей также «ядро Европы» (Core Europe), «концентрические окружности» (Concentric Circles), где часть государств-членов, будучи флагманом, принимающим основные решения, образует ядро, а другие располагаются вокруг него. При этом когда речь идёт о «ядре Европы», то акцент делается на преобладающем всенаправленном вкладе центра и обособленной роли периферии без чёткой идентификации состава последней. В отношении же «концентрических окружностей» наоборот подчёркиваются расходящиеся очерченные вокруг «ядра» круги – здесь первым уровнем могут быть страны-участники, а вторым – «нечлены» интеграционной структуры, включая ЕАСТ. Можно отметить, что на практике решения остаются в большей степени за всеми, в том числе даже по темам, выходящим за пределы областей предметного сотрудничества. Швейцария в данном плане находится в более стеснённом положении: она не в составе ЕЭП и имеет ограниченные инструменты влияния на формирование экономической политики ЕС, впрочем, ей затруднительно без согласия навязать что-либо извне.

Все страны – члены ЕАСТ входят в Шенгенскую зону, а взаимодействие осуществляется посредством модели изменяемой геометрии (Variable Geometry). Правила в этом случае распространяются по отраслевому признаку. В географическом преломлении в совместной работе на конкретном треке участвуют как государства внутри, так и вне ЕС. Характерная особенность – ряд стран – членов ЕС сообразно своим национальным интересам могут не подключаться к этим проектам, например, к Шенгену.

Взаимодействие ведётся и по модели Европы *à la carte*, где предполагается создание функциональных режимов с решениями на межправительственном уровне. Как правило, можно выбирать области и подобласти сотрудничества,

как «по меню». По такому принципу свыше 40 государств, в том числе страны-члены ЕАСТ, являются частью Болонского процесса (Holzinger, Schimmelfennig 2012).

Модель гибкой кооперации (Flexible Co-operation) подразумевает сопряжение усилий как государств, так и отдельных регионов в целях совершенствования регулирования возникших вызовов путём построения организационных конструкторов, призванных облегчить координацию по данному вопросу. Примером могла бы служить программа EUREGIOS, включающая приграничное сотрудничество для соседствующих районов.

Дополнительно стоит оценить модель функциональных перекрывающихся конкурирующих юрисдикций (ФПКЮ, FOCJ). Хотя она носит в большей степени теоретический характер, речь может идти о перспективной организации с помощью ФПКЮ (FOCJ) отдельных муниципальных и региональных властей различных государств в интересах взаимовыгодных решений на локальном уровне – в образовании, экологии и т. д., независимо от политических границ. Ещё один потенциальный пример – Боденское озеро, прилегающее к двум кантонам Швейцарии, регионам в Австрии и Германии, где есть все предпосылки плотного прагматичного сотрудничества в области перевозок, охраны окружающей среды, правопорядка (Frey, Eichenberger 1995).

Относительно трёх не включённых моделей (авангард Европы, гибкая интеграция и оптимальный уровень юрисдикции) можно сказать следующее. Прежде всего, в отличие от многоуровневой и многостандартной модели здесь по умолчанию не идут дифференциации по нескольким категориям в зависимости от степени вовлечённости соответствующих государств. Кроме того, первоначально они нацелены на участие стран – членов ЕС.

Таким образом, для организации сотрудничества с ЕС на основе принципов DI страны – члены ЕАСТ используют практически те же модели, что и страны – члены ЕС, а именно: многоскоростная, многостандартная, ядро Европы/концентрические окружности, изменяемой геометрии, Европа à la carte (по меню), гибкая кооперация, функциональные перекрывающиеся конкурирующие юрисдикции (FOCJ, ФПКЮ) (Таблица 1).

* * *

В результате исследования выявлено следующее. Безусловно, первоначально в 1960 г. ЕАСТ создавалась в параллель с ЕС как альтернативная региональная структура, призванная объединить государства, стремившиеся сохранить большую свободу для самостоятельных политических манёвров и решений в принципиальных для них сферах. Как показал анализ, в настоящее время ЕАСТ представляется неотъемлемой частью общего интеграционного проекта в Европе. Этому способствовало развитие такой формы взаимодействия,

как DI, – для налаживания кооперации используются практически те же модели, что и странами – членами ЕС. Дополнительную роль играет и целеориентированная организационная структура Ассоциации.

В данной статье авторам предложен новый взгляд на ЕАСТ и её отношения с ЕС сквозь призму DI. Анализ под этим ракурсом позволяет понять, является ли Ассоциация частью единого регионального интеграционного проекта, каковы механизмы и модели, с помощью которых удалось это осуществить. Автором разработана таблица моделей DI, применяемых на текущем этапе для осуществления сотрудничества стран – членов ЕАСТ и ЕС. Рассмотрена система органов ЕАСТ и выявлены их функции и задачи, а также особенности интеграции Швейцарии.

В результате исследования сделаны следующие выводы. Прежде всего, ЕАСТ сегодня, без сомнения, гармонично вписывается в европейскую интеграционную архитектуру, участвуя повсеместно с точки зрения прагматизма и национальной заинтересованности и при этом ограничивая политическую составляющую. Именно использование моделей DI обеспечило фактически имплементацию ЕАСТ в процессы ЕС, определив однородную сфокусированную интеграционную траекторию.

Пока затруднительно спрогнозировать ввиду отсутствия достаточного объёма информации то, в соответствии с какими моделями и в каком направлении в дальнейшем будут развиваться интеграционные тенденции в связи с потенциальными экономическими пертурбациями в Европе, а также как это повлияет на эволюцию DI стран – членов ЕАСТ с ЕС. Было бы целесообразно в перспективе провести такое исследование.

После выхода Великобритании из ЕС эти отношения теперь перешли в плоскость внешней горизонтальной дифференциации. По всей видимости, следует ожидать дополнительный импульс к рассмотрению опыта интеграции ЕС и ЕАСТ.

Практические наработки, выкристаллизованные за десятилетия продуктивной совместной деятельности Ассоциации и ЕС, могли бы стать существенным подспорьем при выявлении некоторых «узких» моментов при организации сотрудничества различных интеграционных структур, находящихся в фокусе актуальных экономических и геополитических интересов России, например, ЕАЭС, БРИКС и ряда других.

Таблица 1. Модели DI стран – членов ЕАСТ, используемые для сотрудничества в настоящее время
Table 1. The EFTA DI models currently used for co-operation

Измерения /Dimensions/	Постоянная дифференциация /Permanent/							Функциональная дифференциация /Functional/
1	Временная дифференциация /Temporary/	Территориальная дифференциация /Territorial/						
2	Дифференциация между национальными государствами /Differentiation at national-state level/							
3	Дифференциация и между национальными государствами, и внутри одного государства /Multi-level differentiation/							
	1	2	3	4	5	6	7	
Модели /Models/	Многоскоростная /Multiple Speed/	Многостандартная /Multiple Standards/	Ядро Европы, концентрические окружности /Core Europe, Concentric Circles/	Изменяемая геометрия /Variable Geometry/	Европа à la carte (по меню) /Europe à la carte/	Гибкая кооперация /Flexible Co-operation/	Функциональные перекрывающиеся конкурирующие юрисдикции (ФПКЮ) /FOCI/	
Области использования моделей DI при осуществлении сотрудничества	Во многих областях сотрудничества	Экология, окружающая среда	В отдельных областях ЕЭП, ассоциированные государства	Шенген	Болонский процесс	Используется в приграничном сотрудничестве	Чисто теоретическая модель DI. Используется как основа для разработки других моделей	

Источник: составлено автором

Об авторе:

Василий Васильевич Золотухин – второй секретарь, Министерство иностранных дел Российской Федерации. 119200, Россия, Москва, Смоленская-Сенная площадь, д. 32/34. E-mail: vvzolutukhin@mid.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC 339.92(4-672)

Received: September 20, 2023

Accepted: January 15, 2024

Evolution of EFTA in Differentiated Integration within Europe

 V.V. Zolotukhin

[DOI 10.24833/2071-8160-2024-2-95-129-149](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-2-95-129-149)

Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Abstract: The European Free Trade Association (EFTA), established over 60 years ago as an alternative platform for fostering cooperation, has evolved into a crucial component of the pan-European project. The organizational framework underpinning its operations, its developmental trajectory with specific focus on divergences, and the models of differentiated integration (DI) have significantly contributed to its evolution.

EFTA's distinct organizational structure, coupled with its pragmatic legal framework, serves as the foundation of its operations. A detailed examination allows for a clear distinction between Switzerland and the three member states of the European Economic Area (EEA), namely Iceland, Liechtenstein, and Norway.

Regarding the EEA, its legal framework is established through collaborative development of legal instruments with the EU. The thematic allocation is carefully structured based on existing competencies; officials of EFTA's pillar bodies within the two-pillar EEA structure maintain productive relations with the EU, while others focus on internal matters. The geographical location of these bodies plays a decisive role: Brussels and Luxembourg are aligned with a broad Eurocentric decision-making paradigm, while those within EFTA prioritize endogenous agendas.

Switzerland's integration trajectory relies on a diverse array of regulatory mechanisms aimed at bridging disparate areas and fostering cooperation among participating states. A sectoral approach and bilateral agreement packages with the EU are pivotal, with several EFTA bodies operating within Swiss jurisdiction facilitating convergence with the European market.

Amidst the current regional turbulence, the convergence of various factors has enabled EFTA to align with the EU's approach to differentiated integration. While earlier scholarly perspectives on the phenomenon were limited in criteria and tools, subsequent empirical developments have provided a more nuanced understanding. The DI models adopted by EFTA member states closely resemble those of the EU, highlighting their alignment. Ultimately, the Association has become an integral part of European integration, with the quartet of participating countries maintaining greater flexibility in decision-making processes.

Keywords: EFTA, organisational structure, models of differentiated integration, foreign experience, economic policy, Iceland, Norway, Switzerland, Liechtenstein

About the author:

Vasily V. Zolotukhin – Second Secretary, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Smolenskaya-Sennaya square, 32/34, Moscow, Russia, 119200. E-mail: vvzsolotukhin@mid.ru

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

- Broad M. 2020. *Democracy Promotion and the European Free Trade Association (EFTA): Four Case Studies*. EFTA Bulletin. 60th Anniversary Papers. December 2020. URL: https://www.efta.int/sites/default/files/publications/Bulletins/EFTA_Bulletin_60YearsPapers.pdf (accessed 20.05.2024)
- Frey B.S., Eichenberger R. 1995. *Competition Among Jurisdictions: The Idea of FOCJ*. Competition among institutions. P. 209–229. URL: <https://www.bsfrey.ch/wp-content/uploads/2021/08/competition-among-jurisdictions-the-idea-of-focj.pdf> (accessed 20.05.2024)
- Frommelt C. 2020. *Institutional Challenges for External Differentiated Integration: the Case of the EEA*. Robert Schuman Centre for Advanced Studies Research Paper No. RSCAS 2020/65. C. 16. DOI: 10.2139/ssrn.3712440
- Heermann M., Leuffen D. 2020. No Representation without Integration! Why Differentiated Integration Challenges the Composition of the European Parliament. *Journal of Common Market Studies*. 58(4). P. 1016–1033. DOI: 10.1111/jcms.13015
- Holzinger K., Schimmelfennig F. 2012. Differentiated Integration in the European Union: Many Concepts, Sparse Theory, Few Data. *Journal of European Public Policy*. 19(2). P. 292–305. DOI: 10.1080/13501763.2012.641747
- Jenni S. 2014. *The Last Gallic Village? An Empirical Analysis of Switzerland's Differentiated European Integration 1990–2010*. Diss. ETH Zurich. URL: <https://www.research-collection.ethz.ch/bitstream/handle/20.500.11850/154723/eth-46739-02.pdf> (accessed 20.05.2024)
- Kristin K., Tiltne Å. T., Yssen S.S. F. 2023. *The Effects of the EEA and Norway Grants 2004–2021*. Fafopaper 2023:03. ID-nr.: 10380. URL: <https://eeagrants.org/sites/default/files/resources/The%20effects%20of%20the%20EEA%20and%20Norway%20Grants%202004-2021.pdf> (accessed 20.05.2024)
- Schimmelfennig F. 2018. Brexit: Differentiated Disintegration in the European Union. *Journal of European Public Policy*. 25(8). P. 1154–1173. C. 3. DOI: 10.1080/13501763.2018.1467954
- Telle S., Badulescu C., Fernandes D. 2021. *Differentiated integration in the EU – What do the member states 'think' about it?* Robert Schuman Centre for Advanced Studies Research Paper No. RSC 2021/50. 63 p. DOI: 10.2139/ssrn.3838761
- Babynina L. O. 2012. *Gibkaya integraciya v Evropejskom soyuze. Teoriya i praktika prime-neniya* [Flexible Integration in the European Union. Theory and Practice of Application]. Moscow: LKI Publishing house. 304 p. (In Russian)
- Fedortsev V.A. 2017. «Kerneuropa»: koncepciya, diskussii, perspektivy [“Kerneuropa”: the Concept, Discussions, Perspectives]. *Problemy natsional'noy strategii*. 5(44). P. 69–92. (In Russian)

Grubinko A.V. 2015. Rol Velikobritanii v formirovanii vneshnej politiki i politiki bezopasnosti ES v kontekste vedushhix teorii evrointegracii [The Role of Great Britain in Forming of EU's Foreign and Security Policy in the Context of Leading Theories of Eurointegration]. *MGIMO Review of International Relations*. 1(40). P. 18–28. DOI: 10.24833/2071-8160-2015-1-40-18-28 (In Russian)

Kaveshnikov N.Yu. 2011. «Gibkaya integraciya» v Evropejskom soyuze [“Flexible Integration” in the European Union]. *International Trends*. 9(2(26)). P. 58–69. (In Russian)

Kaveshnikov N.Yu. 2021. *Evropejskij soyuz: istoriya, instituty, deyatel'nost'* [European Union: History, Institutions, Activities]. Moscow: Aspekt Press Publishing House. 368 p. (In Russian)

Khakhalkina E.V. 2016. «Ne slishkom li nash proekt velik dlya Evropy?»: integracionnye plany Velikobritanii v konce 1950-x gg. [“How Grand is Our Design for Europe?”: Integration Plans of the Great Britain in the Late of 1950s]. *MGIMO Review of International Relations*. 4(49). P. 58–68. DOI: 10.24833/2071-8160-2016-4-49-58-68 (In Russian)

Mashkova E.V. 2017. *Analiz polnomochij organov Evropejskoj asociacii svobodnoj trgovli sozdanny'x na osnovanii Konvencii o sozdanii EAST svyazanny'x s formirovaniem edinogo obshheevropejskogo e'konomicheskogo prostranstva* [Analysis of the Authorities of the European Free Trade Association Bodies Established on the Basis of the EFTA Convention Relating to the Formation of a Common European Economic Area]. *Gaps in Russian Legislation*. №5. P. 172–177. (In Russian)

Mashkova E.V. 2018. Osobennost' edinogo obshheevropejskogo e'konomicheskogo prostranstva i polnomochiya organov EAST i EE'P obespechivayushhix ego funkcionirovanie [Feature of a Common European Economic Space and the Powers of the EFTA and EEA Authorities to Ensure Its Functioning]. *Gaps in Russian Legislation*. №4. P. 341–347. (In Russian)

Rybakov A.V., Kwon D.A. 2019. Razvitie evrointegracii: scenarny'j analiz [European Integration Development: Scenario Analysis]. *Vlast'*. 27(4). P. 254–260. DOI: 10.31171/vlast.v27i4.6639 (In Russian)

Rybakovskiy O.L., Ter-Akopov A.A. 2017. *Teoreticheskie podxody k probleme izucheniya differencirovannoj e'konomicheskoy integracii* [Theoretical Approaches to the Study of Differentiated Economic Integration]. *RUDN Journal of Economics*. Vol. 25. No. 1. P. 18–27. DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-1-18-27 (In Russian)

Zolotukhin V.V. 2022a. Institucionalizaciya otnoshenij stran-chlenov EAST EE'P i ES: problemy, organizacionny'e aspekty, mexanizmy upravleniya Soglasheniem o EE'P i vliyanie na formirovanie e'konomicheskoy politiki ES [Institutionalisation of Relations of the EEA EFTA Member States and the EU: Problems, Organisational Aspects, Mechanisms of Administering EEA Agreement, and Impact on Forming Economic Policy of the EU]. *The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World*. 1(31). P. 85–99. (In Russian)

Zolotukhin V.V. 2022b. Nauka i innovacii kak opora e'konomiki stran-chlenov EAST [Science and Innovation as the Pillar of the EFTA Member States]. *The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World*. 2(32). P. 36–53. (In Russian)

Zolotukhin V.V. 2023. Differencirovannaya integraciya v Evrope: differenciacii, modeli, klassifikacii [Differentiated Integration in Europe: Differentiations, Models, Classifications]. *The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World*. 3(37). P. 20–31. (In Russian)

Zorina A.E. 2008. Istoriya razvitiya Evropejskoj asociacii svobodnoj trgovli kak al'ternativnogo proekta evropejskoj integracii [Historical Development of the European Free Trade Association as an Alternative Project to European Integration]. *Izvestiya Altaiskogo Gosudarstvennogo Universiteta*. 4-5(60). P. 68–72. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

- Бабынина Л.О. 2012. *Гибкая интеграция в Европейском союзе. Теория и практика применения*. Москва: Издательство ЛКИ. 304 с. С. 26–47.
- Грубинко А.В. 2015. Роль Великобритании в формировании внешней политики и политики безопасности ЕС в контексте ведущих теорий евроинтеграции. *Вестник МГИМО-Университета*. 1(40). С. 18–28. DOI: 10.24833/2071-8160-2015-1-40-18-28
- Золотухин В.В. 2022а. Институционализация отношений стран – членов ЕАСТ ЕЭП и ЕС: проблемы, организационные аспекты, механизмы управления Соглашением о ЕЭП и влияние на формирование экономической политики ЕС. *Вестник дипломатической академии МИД России. Россия и мир*. 1(31). С. 85–99.
- Золотухин В.В. 2022b. Наука и инновации как опора экономики стран-членов ЕАСТ. *Вестник дипломатической академии МИД России. Россия и мир*. 2(32). С. 36–53.
- Золотухин В.В. 2023. Дифференцированная интеграция в Европе: дифференциации, модели, классификации. *Вестник дипломатической академии МИД России. Россия и мир*. 3(37). С. 20–31.
- Зорина А.Е. 2008. История развития Европейской ассоциации свободной торговли как альтернативного проекта европейской интеграции. *Известия Алтайского государственного университета*. 4-5(60). С. 68–72.
- Кавешников Н.Ю. 2011. «Гибкая интеграция» в Европейском союзе. *Международные процессы*. Т. 9. № 2 (26). С. 58–69.
- Кавешников Н.Ю. 2021. *Европейский союз: история, институты, деятельность*. Москва: Издательство «Аспект Пресс». 368 с.
- Машкова Е.В. 2017. Анализ полномочий органов Европейской ассоциации свободной торговли, созданных на основании Конвенции о создании ЕАСТ, связанных с формированием единого общеевропейского экономического пространства. *Пробелы в российском законодательстве*. №5. С. 172–177.
- Машкова Е.В. 2018. Особенность единого общеевропейского экономического пространства и полномочия органов ЕАСТ и ЕЭП обеспечивающих его функционирование. *Пробелы в российском законодательстве*. № 4. С. 341–347.
- Рыбаков А.В., Кwon Д.А. 2019. Развитие евроинтеграции: сценарный анализ. *Власть*. 27(4). С. 254–260. DOI: 10.31171/vlast.v27i4.6639
- Рыбаковский О.Л., Тер-Акопов А.А. 2017. Теоретические подходы к проблеме изучения дифференцированной экономической интеграции. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика*. 25(1). С. 18–27. DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-1-18-27
- Федорцев В. А. 2017. «Kerneuropa»: концепция, дискуссии, перспективы. *Проблемы национальной стратегии*. 5(44). С. 69–92.
- Хахалкина Е. В. 2016. «Не слишком ли наш проект велик для Европы?»: интеграционные планы Великобритании в конце 1950-х гг. *Вестник МГИМО-Университета*. 4(49). С. 58–68. DOI: 10.24833/2071-8160-2016-4-49-58-68

«Балканское чаепитие» великих держав

В.А. Аватков

Институт научной информации по общественным наукам РАН

Рецензия на книгу: Пономарева Е.Г., Арляпова Е.С. 2024. *Западные Балканы в преддверии и ходе текущего кризиса: игроки и фигуры*. Москва: Издательство «Проспект». 318 с.

Ключевые слова: Западные Балканы, Великобритания, ЕС, Китай, Россия, США, игроки «с восточным колоритом», международные отношения, мировая политика, внешнее влияние

Аллюзия в названии настоящей статьи родилась под влиянием ряда обстоятельств. Во-первых, это впечатление от замечательной литературной находки авторов, упомянутой в предисловии (с. 9), – рассказа М. Павича «Веджвудский чайный сервиз», который точно и мощно передаёт атмосферу отношений Балкан с внешним миром истории. Во-вторых, это не покидающее на протяжении знакомства с книгой ощущение чего-то не случившегося ещё (или для Балкан это, скорее, опять?), но в любой момент способного вызвать шторм на полуострове в ответ на непрекращающееся давление извне.

Внешний фактор в политической истории Западных Балканах – предмет давнего исследовательского интереса авторов, отражённый в целом ряде публикаций, предшествующих выходу книги (Арляпова, Пономарева 2023b; Arlyapova, Ponomareva 2023). Актуальность темы иностранного присутствия возросла с усилением напряжённости в Восточной Европе и в мире. Состав внешних акторов, индивидуальные стратегии продвижения интересов в регионе, набор используемых инструментов и, конечно, итоги их усилий – всё это требует тщательного анализа и последующего применения в политической практике российской стороны, которая номинально остаётся в балканском «квинтете» – пятёрке наиболее влиятельных игроков в регионе в лице ЕС, США, Великобритании, России и Китая (Арляпова, Пономарева 2023a). Дополнительную остроту в свете текущей геополитической повестки и пользу в контексте

УДК: 946.9(497)

Поступила в редакцию: 04.02.2024

Принята к публикации: 15.04.2024

читательского интереса сообщает наличие в исследовательской оптике негосударственных акторов, в частности, Организации Североатлантического Договора – НАТО (с. 185), расширение которой на Восток вплоть до 2023–2024 г. (Финляндия, Швеция) происходило во многом как раз за счёт балканских государств (Arlyarova, Ponomareva, Prorokovic 2022).

Структурно монография разделена на три главы. Анализ балканских политических «хитросплетений» и роли в них внешних сил предваряется тщательно продуманным и скрупулезно скоординированным с замыслом книги историческим экскурсом (с. 23–104). «Сербская Спарта» (Черногория), «государство-фантом» (Босния), «страна, меняющая названия» (Северная Македония) – эти говорящие заголовки подытоживают проделанный каждой из стран путь и дают авторскую оценку их текущего политического статуса, а также способствуют пониманию предложенного ранжирования всех ключевых участников региональной повестки: и внутренних, и внешних.

Здесь авторы обращаются к метафоре как важному элементу анализа политической ситуации. Они полагают, что, реконструируя метафору, «мы можем выяснить мотивы и целеполагания сторон даже лучше, чем это представляют себе её непосредственные участники» (Коктыш 2019: 19). Таким образом, мы подходим к заявленным в названии книги «игрокам и фигурам». К слову, в известной триаде есть ещё и «хозяева», упомянутые в предисловии, но не получившие далее сопоставимого с «игроками и фигурами» раскрытия применительно к балканской политической арене. Впрочем, главная мысль, что функционал хозяина, игрока и фигуры различен (здесь и вообще), красной линией проходит через всю книгу: «Последние никогда не видят всей картины целиком и не осведомлены о стратегических замыслах первого» (с. 17). Игроки в значительной степени самостоятельны в отличие от фигур, которыми они делают ходы. Однако свобода их во многом иллюзорна: и те, и другие на деле действуют в рамках определённых правил, установление и изменение которых находится вне зоны их контроля. Главное здесь то, что «делать ходы – это прерогатива внешних сил, играющих» (с. 17). Именно на них наведён основной исследовательский фокус, именно для их анализа детально прорисован общественно-политический фон Западных Балкан в первой главе.

Любому интересующемуся балканской тематикой нетрудно догадаться, что все без исключения балканские страны отнесены авторами к фигурам с полным набором сопутствующих характеристик и проблем. Наиболее острыми из них выглядят темы экономической и политической самостоятельности и состоятельности региональных столиц. Авторы не впервые задаются вопросом международной субъектности западнобалканских государств (Арляпова, Пономарева 2023b: 156). Вслед за локальным и особенно сербским дискурсом (Ponomareva 2020: 159) они акцентируют внимание на утрате политической субъектности и постепенном превращении стран полуострова в подчинённые внешним игрокам фигуры (с. 11).

При такой роли внешнего фактора в политической истории Западных Балкан неудивительно, что анализу внешних сил посвящена большая часть книги. Интересанты балканской повестки разделены авторами на две группы по степени вовлеченности в неё, уровню влияния, а также весу и местоположению в международной системе координат. Таким образом, в группу/кластер «А» вошла уже упомянутая пятёрка государств – балканский «квинтет» в терминологии авторов (с. 126), «где каждый из игроков реально или потенциально является центром силы» (с. 290). Помимо этого, участники игры ранжированы и внутри кластера в соответствии с политическим позиционированием в ходе текущего кризиса на Украине и в международных отношениях. Их взаимодействие на Балканах рассмотрено сквозь призму геополитического соперничества.

Названия разделов подчёркивают специфику индивидуального (Россия и Китай) или коллективного (западные страны) присутствия и продвижения в регионе, например, «уязвимости ЕС», «теневой игрок» (Великобритания), «нестратегическое влияние» (Россия) и т. д. Заметен акцент на экономических аспектах вопроса как в этой, так и следующей главе, но он объясним: «присутствие и влияние трудно измеримы и сравнимы, в принципе, несмотря на интересные попытки в этом направлении» (с. 290). Именно поэтому в обеих главах книги дана подробная оценка финансово-экономической составляющей взаимодействия внешних акторов с отдельными странами и регионом в целом. На базе этих изысканий авторы прогнозируют дальнейшее развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества, выявляют ограничители продвижения на балканском направлении, определяют главные центры силы и притяжения для локальных фигур, а также усматривают кейсы-исключения (США и отчасти Иран).

В качестве примера, чуть забегаая вперёд, можно привести оценку турецких перспектив на Западных Балканах, в том числе в сравнительной перспективе. Здесь от внимания авторов не ускользнули низкая привлекательность регионального рынка для турецкого частного бизнеса, меньшая ресурсность Анкары в качестве донора для региона по сравнению с европейскими столицами и Брюсселем и т. д. (с. 235–236). Уверенной аргументации способствовала строгость и избирательность в формировании источниковой базы исследования.

Среди авторских находок главы о «балканском квинтете» стоит назвать убедительные выводы о конкуренции (как открытой, так и латентной) внутри «западного лагеря» внешних игроков: «их взаимодействие в регионе носит состязательный характер, даже если речь идёт о номинальных союзниках в лице ЕС и США» (с. 138). Столь же интересно противопоставление во внешнеполитическом смысле локальных участников: так, например, сербы и албанцы выступают антиподами в контексте внешнеполитических ориентаций и отношений с мировыми грандами (с. 136).

Полезным видится анализ американской стратегии сохранения присутствия в регионе с режимом относительно свободного (от давления других игроков, прежде всего) сближения или, наоборот, дистанцирования, а также

относительно лёгкого наращивания влияния в короткие сроки. Но главным в авторских выводах применительно к США на Западных Балканах стал тезис о том, что «форма американского влияния существенно отличается от европейской»: «США доминируют в политической сфере, имея лишь номинальные показатели экономического участия» (с. 141) – тот самый кейс-исключение, о котором упоминалось выше.

Россия и Китай – страны-«раздражители» для западного блока. Оба игрока сохраняют своё присутствие в регионе, а вот их потенциал с учётом текущей международной повестки авторы оценивают по-разному. Если Пекин «расширяет своё влияние в рамках общего курса на активизацию внешней политики с открытым прицелом на будущее доминирование в международных отношениях», скорость и эффективность его продвижения оцениваются как высокие, то «позиции России в регионе на данный момент нельзя охарактеризовать как сильные и стабильные» (с. 292). Причину авторы видят в сместившемся внешнеполитическом фокусе Москвы и ограниченном объёме ресурсов, которые она может задействовать на балканском направлении.

Ценно, что авторы не ограничились определением текущего статуса российско-балканских дел, а представили предметный анализ и развёрнутый план возможных действий российской стороны. Непременным условием для дальнейшего продвижения они считают «отход России от продуцирования сугубо сербской политики и охват присутствием других балканских локаций, где сохраняются, пусть в небольшом объёме, пророссийские настроения» (с. 292). Добавим, что за изложенными в книге рекомендациями стоят годы практической работы в регионе одного из авторов монографии – профессора Е.Г. Пономаревой – в формате т. н. «мягкой силы».

Итак, по мнению авторов, усиление России в странах Западных Балкан невозможно без активизации (вкуче с реорганизацией) информационного присутствия в регионе; серьёзного внимания к работе с молодёжью в сети; расширения образовательной базы (не только за счёт традиционных, но и иных форм путём создания сетеверситетов, филиалов российских вузов, увеличения грантов и квот на обучение иностранных граждан в РФ); участия в этой работе российских НПО/НКО через налаживание системной в противовес эпизодической работы и т. д. Среди предложений стоит отметить новаторскую идею по вовлечению в орбиту российского влияния фанатского и волонтёрского секторов (с. 184).

Отдельно в контексте «мягкосилового» присутствия подчёркнуты роль Русской православной церкви и межцерковные связи. По справедливому замечанию авторов, эта важнейшая для региона тематика по-прежнему остаётся на периферии научных изысканий, несмотря на то, что религиозный фактор определяет многие процессы на Балканах и часто выступает базовым в конфликтах и войнах (с. 182). К слову, не нашла широко применения она и на страницах новой

книги, явно находясь за рамками исследовательского фокуса. Будем надеяться, что в будущем авторы вернутся к идее разработки (меж)церковной темы в контексте внешнего (особенно – российского) влияния в регионе.

Впрочем, недостаток внимания к церковной теме и РПЦ как игроку в регионе компенсируется следующим за российским сюжетом – о НАТО как инструменте борьбы за доминирование на Западных Балканах. Для «североатлантического» раздела характерна основательность и детальность. Это видится закономерным итогом предшествующей плотной работы в данном направлении (Арляпова, Пономарева, Пророкович 2022). И возможно, поэтому именно в этой части книги связь с текущим моментом (и кризисом) проявляется наиболее отчётливо. История расширения альянса на Балканах, внутривосточные дебаты по этому поводу и по вопросу присоединения/неприсоединения в каждой из стран, техники продвижения «на Восток», манипуляции с общественно-политическим дискурсом – всё это и даже больше в почти детективном (после вступления в игру России в срезе т. н. «возвращения» на Балканы в 2000-х и последующего политического «клинча» с НАТО), но ни в малой степени не конспирологическом ключе и изложении присутствует на страницах книги.

И, наконец, как тюркологу настоящим подарком стала третья глава – «Длинная скамейка запасных...», целиком посвящённая внешним «игрокам с восточным колоритом» (в терминологии авторов). Спектр взят широкий: от праздновавшей столетие в 2023 г. Турецкой Республики до Кувейта, Катара и даже Японии – в качестве дани, с одной стороны, уникальности, с другой – типичности («присутствие как демонстрация лояльности» западным партнёрам) этого случая. Значительно добавляет ценности разделу наличие обобщающей части, в которой подытоживается изучение эмпирики по каждому из «восточных игроков», сравниваются их стратегии продвижения и предлагаются возможные перспективы.

Как показывают авторы, ближневосточные государства включались в «балканскую игру» в разное время, но с 1990-х гг. все ключевые акторы исламского мира так или иначе присутствуют в региональной повестке. По ряду причин, чётко выведенных в главе, наибольшую активность они проявляют как раз в европейских локациях, не включённых в политическую рамку ЕС. Главными сферами их проникновения остаются экономическая – здесь особенно преуспели монархии Персидского залива: Объединённые Арабские Эмираты, Катар, Кувейт и Бахрейн), культурно-идеологическая (Турция и Иран) и религиозная (все восточные игроки в той или иной степени). Природа их отношений между собой в этом регионе справедливо охарактеризована авторами как состязательная. В отличающихся стратегиях тем не менее найден ряд общих черт. Это и практически синхронное начало продвижения в регионе, и изначальный

фокус на местных мусульманских общинах с последующим отходом от императива единоверия, и схожесть отраслей и методов внедрения, а также сопутствующих им рисков и проблем.

Среди последних – отсутствие транспарентности совместных проектов и их уязвимость для критики и, что ещё важнее, вмешательства со стороны более мощных внешних игроков. Сильные общие стороны – это гибкость и высокая адаптивность «мягкосиловой» политики ближневосточных игроков, что позволяет им сохранять (под давлением грандов мировой и региональной политики) и продолжать своё закрепление на Балканах. Внешнеполитическая деятельность (по официальным и иным каналам) восточных гостей, как и её результаты, рассмотрены с привлечением традиционной «геометрии» силы в ближневосточном и шире – исламском – мире: Турция – Саудовская Аравия – Иран. Остальные, а в книге детальнее, чем когда-либо прежде в тематической литературе, проанализированы практические шаги ряда других монархий Персидского залива – Объединённых Арабских Эмиратов, Катара и Кувейта – стали своего рода «третьим составом» внешних игроков, активно участвующих в западнобалканской повестке.

Закономерно, что лидирующее положение среди них отдано Турции. Авторы полагают, что «в реестре внешних интересантов (она – В.А.) утвердилась сразу за ключевым “балканским квинтетом”: Великобританией, ЕС, Китаем, Россией и США» (с. 211). Происходит так не только потому, что «современная Анкара подходит к важному рубежу своей истории в роли независимой региональной державы и лидера, который держит уверенный курс на вхождение в “высшую лигу” – группу мировых акторов – членов Совета Безопасности (СБ) ООН» (Аватков, Сбитнева 2023: 595). Дело в том, что из всех игроков с «восточным колоритом» как раз Турция располагает максимальной географической близостью, длительной историей контактов со странами региона на постоянной основе и, собственно, отрезком общего прошлого, пусть противоречивого и не всегда способствующего сближению.

Сквозь «балканский узел» авторы подсвечивают эволюцию отношений Турции с Западом в лице ЕС и особенно США. Впрочем, «коллективный Запад» незримо (а иногда и явно – в случае Японии) присутствует во всех страновых разделах «восточной» главы: от Ирана до Кувейта. Применительно к Анкаре авторы фиксируют её решительный отход от позиции и функции «младшего партнёра США и НАТО» (с. 216). Но и на балканском примере приходят к выводу о том, что «Запад по-прежнему оказывает большое влияние на экономические и другие процессы, затрагивающие благосостояние Анкары» (Аватков, Сбитнева 2023b: с. 31). Поэтому турецкое «фрондёрство» авторы вслед за некоторыми заметными турецкими интеллектуалами предлагают рассматривать как оппозицию внутри западного сообщества (с. 208). Красноречива в данном контексте

приводимая в книге аналогия, где Турция «...с её идейными и географическими преимуществами является лучником, и чем больше она натягивает тетиву лука на восток, тем дальше стрела летит на запад» (с. 208).

Не обошли вниманием авторы и специфику антитеррористической и военной активности Турции в приграничных и иных областях. Балканский вектор подтверждает стремление Анкары к утверждению в роли одного из главных медиаторов в регионе и тяготение к применению преимущественно милитаристского подхода к решению проблемы. И, конечно же, ярко иллюстрирует поиски и обретение Турцией собственного внешнеполитического курса. Более того, её внешняя политика в западнобалканском регионе «переходит от проверки границ к оспариванию, поскольку Турция всё больше конкурирует с ЕС за региональное влияние» (с. 232).

Достаточно высоко в работе оценена иранская стратегия продвижения. С учётом того, что Тегеран появился в регионе намного позже конкурентов (как в исламском, так и общем пуле акторов), его действия ограничены многолетними рестрикциями, а внешнеполитическая деятельность в целом подвергается постоянной критике и давлению извне, результаты его усилий на западнобалканском направлении впечатляют. Иран часто лучше других умеет воспользоваться ситуативной политической динамикой и эффективно закрепляется в интересующих локациях. Авторы приводят подзабытый факт: в 1995 г. Иран «исключительно положительно» оценивали 86% боснийцев (с. 240).

Иранская религиозно-культурная дипломатия, а именно на этот дипломатический трек сделала упор страна, вытесняемая западными оппонентами из традиционной дипломатической плоскости на Западных Балканах, детально изучена авторами. Отметим мониторинг техники сближения с православной Сербией и одновременные попытки наращивать присутствие и влияние в частично признанной «Республике Косово». Самостоятельный фокус – ирано-албанские отношения на современном этапе. Здесь «можно сказать, что Албания сменила на этом посту Боснию и Герцеговину как в смысле близкого союзничества с США, так и (почти автоматически) “передовой линии” столкновения с Западом» (с. 253). Подробнейшим образом авторы рассматривают сопряжённые с новой ролью высокие риски для этой западнобалканской страны, что активно используют США для оказания давления на Тегеран.

Особенность технологии влияния государств Персидского залива в регионе – абсолютная доминанта денежно-экономической составляющей в выстраивании партнёрства. При этом «речь о комплексном присутствии и влиянии в экономике, политике, общественном и религиозном дискурсах, а не только о прямых инвестициях, где некоторые из суннитских монархий занимают лидирующие позиции в конкретных западнобалканских странах» (с. 294). Личные контакты на самом высоком уровне, ставка на крупные инвестиции и бонусные условия выхода из них для балканских получателей – всё это общий арсенал «игроков с восточным колоритом».

В заключение — коротко о кейсе Японии. На первый взгляд, её присутствие выглядит даже несколько маргинальным или инородным как в главе о Востоке, так и в книге о Балканах вообще. Но ракурс, в котором авторы рассмотрели японский опыт присутствия и продвижения, не оставляет сомнений в уместности. Убедительно показано, что самое восточное из рассматриваемых в книге государство на карте (не считая России) на деле аффилировано с политическим и географическим Западом, в балканском региональном контексте усиливает именно этот блок (с. 289).

На данном этапе, по заключению авторов, роль внешних игроков на Западных Балканах остаётся значительной, а их ядро неизменно. При этом украинский кризис выделил, но не провёл разделительные линии на полуострове по территориальным, этноконфессиональным, культурным, политическим и иным основаниям. В долгосрочной перспективе, считают авторы, они будут углубляться, а внешнее давление на регион будет возрастать. Показательный факт такого усиления – открытие 4 марта 2024 г. в 80 км от столицы Албании на построенном ещё Советским Союзом аэродроме первой в стране авиабазы НАТО. Как заявил на открытии аэродрома официальный представитель Североатлантического альянса Дилан Уайт, она «станет важным авиационным узлом», а «модернизация авиабазы Кучова – это стратегическая инвестиция, которая доказывает, что НАТО продолжает усиливать своё присутствие на Западных Балканах, стратегически значимом для альянса регионе»¹. При сохранении императивов локальной политики и текущей глобальной конъюнктуры Западные Балканы ещё долго будут оставаться зоной борьбы, своеобразным геополитическим рингом, «где можно без особых издержек для себя мериться «мягкой», «липкой» и даже «жесткой» силой» (с. 294).

Об авторе:

Владимир Алексеевич Аватков – доктор политических наук, заведующий отделом Ближнего и Постсоветского Востока, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, 117418, Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21. ORCID: 0000-0002-6345-3782. E-mail: v.avatkov@gmail.com

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

¹ Завкасин А., Комарова Е. «Экспансионистский курс»: эксперты об опасности запуска первой авиабазы НАТО в Албании. *RT на русском*. URL: <https://russian.rt.com/world/article/1281221-albaniya-baza-nato-aviaciya-rossiya?ysclid=lmrwcwq8x966969517> (дата обращения 18.02.2024).

UDC: 946.9(497)
Received: February 04, 2024
Accepted: April 15, 2024

The "Balkan Tea Party" of the Great Powers

 V. Avatkov
[DOI 10.24833/2071-8160-2024-2-95-150-159](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-2-95-150-159)

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences

Book Review: Ponomareva E., Arlyapova E. 2024. *The Western Balkans in the run-up to and during the current crisis: players and figures*. Moscow: Prospekt Publishing House. 318 p. (in Russian)

Key words: Western Balkans, Great Britain, EU, China, Russia, USA, Middle East players, international relations, world politics, external influence

About the author:

V. Avatkov – Doctor of Political Science, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (ISISS). Russia, 51/21, Nahimovsky Prospect, Moscow, 117418. ORCID: 0000-0002-6345-3782. E-mail: v.avatkov@gmail.com

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

Arlyapova E., Ponomareva E. 2023. Western Balkans: External Actors Before and During the Current Crisis. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2023. 23(4). P. 678-688. DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-4-678-688

Arlyapova E., Ponomareva E., Mladenovic V. 2023. Post-Conflict Economic Recovery in Kosovo. *International Trends / Mezhdunarodnye protsessy*. 21(1(72)). P. 146-161. DOI: 10.17994/IT.2023.21.1.72.2

Arlyapova E., Ponomareva E., Prorokovic D. 2022. NATO's Capabilities in Global Governance: On the Balkan Scene. *International Organisations Research Journal*. 17(2). P. 208-223. DOI: 10.17323/1996-7845-2022-02-09

Ponomareva E. 2020. Quo Vadis, Serbia? *Russia in Global Affairs*. 1(69). January/March. P. 158-179. DOI: 10.31278/1810-6374-2020-18-1-158-179

Arlyapova E., Ponomareva E. 2023. Treshiny i razlomy: vneshnepoliticheskie orientiry zapadnobalkanskikh stolic v usloviyah ukrainskogo krizisa [Cracks and fractures: Foreign Policy Guidelines of Western Balkans Capitals in the Context of Ukrainian crisis]. *MGIMO Review of International Relations*. 16(3). C. 153-179. DOI: 10.24833/2071-8160-2023-3-90-153-179 (In Russian)

Arlyapova E.S., Ponomareva E.G. 2023. Zapadnyye Balkany: vneshniye igroki v preddverii i v rezhime tekushchego rezhima. [Western Balkans: External Players in the Run-up to and in the Current Regime]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnyye otnosheniya*. 23(4). P. 678–688. DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-4-678-688 (In Russian)

Avatkov, V., Sbitneva, A. 2023. Tureckaya Respublika v preddverii stoletiya: era R.T. Erdogana [The Republic of Türkiye on the Eve of the Centenary: The era of R.T. Erdogan]. *Vestnik RUDN. International Relations*. 23(4). P. 595–608. DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-4-595-608 (In Russian)

Avatkov, V., Sbitneva, A. 2023b. Turciya – Zapad: obrazcovyiy antagonizm? [Turkey – The West: Exemplary Antagonism?] *Contemporary Europe*. №5. P. 31–43. DOI: 10.31857/S0201708323050030 (In Russian)

Koktysh K. 2019. *Teoriya metafory i politicheskie instituty* [The Theory of Metaphor and Political Institutions]. Moscow: MGIMO University. 225 p. (In Russian)

Список литературы на русском языке

Аватков В.А., Сбитнева А.И. 2023. Турецкая Республика в преддверии столетия: эра Р.Т. Эрдогана. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 23(4). С. 595–608. DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-4-595-608.

Аватков В.А., Сбитнева А.И. 2023b. Турция – Запад: образцовый антагонизм? *Современная Европа*. №5. С. 31–43. DOI: 10.31857/S0201708323050030

Арляпова Е.С., Пономарева Е.Г. 2023a. Западные Балканы: внешние игроки в преддверии и в ходе текущего кризиса. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 23(4). С. 678–688. DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-4-678-688

Арляпова Е.С., Пономарева Е.Г. 2023b. Трещины и разломы: внешнеполитические ориентиры западнобалканских столиц в условиях украинского кризиса. *Вестник МГИМО-Университета*. 16(3). С. 153–179. DOI: 10.24833/2071-8160-2023-3-90-153-179

Коктыш К.Е. 2019. *Теория метафоры и политические институты*. Москва: МГИМО-Университет. 225 с.

Разворот Востока на Восток?

Е.О. Шебалина

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Рецензия на книгу: А.А. Микаелян, В.М. Морозов. 2023. *Эволюция израильско-китайских и израильско-индийских отношений*. Москва: МГИМО-Университет. 213 с.

Ключевые слова: израильско-индийские отношения, израильско-китайские отношения, неофициальная дипломатия

В последнее время в научном сообществе активизировался дискурс о Востоке, который становится центром формирующегося нового мира, хотя сам тезис о незаменимой и важнейшей роли Востока в международных отношениях вряд ли можно подвергнуть сомнению. По меткому замечанию авторов статьи «Российская политика поворота на Восток: проблемы и риски», «приоритет восточного измерения неслучаен, учитывая несомненный экономический и духовный подъём Азии в последние два десятилетия»¹. Растущая роль Востока в мировой политике последовала из всё более активного участия составляющих этот макрорегион государств в процессах глобализации, регионализации и многосторонней дипломатии (Белокреницкий, Лунёв 2010). Однако если исходить из того, что Россия активно «развернулась» на Восток, то для эффективной имплементации её политики в регионе логичным представляется задуматься, куда устремляют свой взор сами страны Востока и с кем развивают отношения?

В данном контексте интерес представляет монография «Эволюция израильско-китайских и израильско-индийских отношений», вышедшая в издательстве «МГИМО-Университет» (серия «Научная школа МГИМО») весной

¹ Стрельцов Д.В., Торкунов А.В. 2023. Российская политика поворота на Восток: проблемы и риски. РСМД URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/rossiyskaya-politika-povorota-na-vostok-problemy-i-riski/> (дата обращения: 18.04.2024)

УДК: 327(497)

Поступила в редакцию: 10.12.2023

Принята к публикации: 25.02.2024

2023 г., посвящённая азиатскому направлению политики Израиля и развитию его отношений с двумя крупнейшими азиатскими державами – Индией и КНР, входящими сегодня в фокус российской внешней политики. В большинстве исследований, посвящённых внешней политике Израиля, тема монографии, как в целом и восточное направление израильской политики, рассматривается редко, при этом больше внимания отдаётся теме развития отношений Израиля с Россией, США и европейскими странами (The Middle East. Politics and Identity. 2022; Morozov, Simons 2020). Настоящая монография таким образом заполняет существующий пробел в этой области исследований. Значимость книги с точки зрения практики международных отношений также не вызывает сомнений. Учитывая тот факт, что Индия и КНР входят в группу стран, формирующих геополитический и геоэкономический ландшафт мира в XXI в., рассматриваемая тема приобретает особую актуальность.

При ознакомлении с трудом первоначальное положительное впечатление создают фамилии самого авторского коллектива. Доцент кафедры дипломатии МГИМО В.М. Морозов уже давно зарекомендовал себя в качестве видного эксперта по ближневосточной тематике, имеющего солидный практический и научный базис. При этом второй автор – молодой и перспективный специалист-практик, к.ист.н. А.А. Микаелян, владеющий не только ивритом, но и арабским, что расширило возможности источниковой базы.

Авторы проанализировали влияние глобальных и локальных факторов на двусторонние отношения Израиля с Индией и Израиля с Китаем; изменений, касающихся системы международных отношений сегодня, фактора США и арабских стран, а также вопросы сотрудничества Израиля с КНР и Индией в экономической и военно-технической сферах.

При подготовке исследования авторы использовали метод историзма и сравнительный анализ социально-политического состояния изучаемых стран.

Метод историзма был взят за основу в качестве метода познания явлений в их становлении и развитии, а также в органической связи с конкурентными порождающими их условиями. Это позволило проследить эволюцию двусторонних отношений и закономерностей в рамках рассматриваемого в исследовании хронологического периода. На его основе авторы проследили развитие дипломатических и политических связей с Индией и Китаем и сформулировали их периодизацию (с. 15, 79).

Метод сравнительного анализа был использован, чтобы соизмерить уровни взаимоотношений Израиля с КНР и Индией в различные исторические периоды. Данный метод позволил провести анализ состояния двусторонних отношений стран во время нахождения у власти в Израиле, Индии и КНР разных политических деятелей и партий.

Монография состоит из трёх глав. Первая и вторая посвящены анализу развития израильско-индийских и израильско-китайских отношений соответственно. Эти главы детально рассматривают историю развития отношений

с 1948 г., их нынешнее состояние, торгово-экономическое и военно-техническое сотрудничество, а также вопросы влияния фактора США и израильско-иранского противостояния на развитие отношений с Индией и КНР соответственно. В третьей главе монографии на основе анализа, проведённого в двух предыдущих главах, авторы рассматривают наличие особой неофициальной модели израильской дипломатии в отношении Китая и Индии.

Отдельно стоит отметить важность рассмотрения авторами вопросов развития израильско-китайских и израильско-индийских отношений в исторической плоскости. Авторы предлагают собственную периодизацию развития отношений Израиля с Китаем и Индией, что позволяет проследить процесс взаимодействия в динамике и увидеть эволюционный путь, который прошли страны от тайных и неофициальных контактов до нормализации отношений и установления высокого уровня сотрудничества (с. 180). Так, авторы предлагают семиэтапную периодизацию отношений Израиля и Китая, позволяющую наглядно увидеть, как этап взаимной заинтересованности (1950–1955 гг.), когда обе страны добивались международного признания, сменился этапом застоя и спада контактов между странами, в ходе которого Пекин перешёл к критике действий Израиля (1956–1971 гг.), после чего страны ожидал процесс оттепели и перезагрузки в израильско-китайских отношениях (1971–1979 гг.). Далее авторы обозначили последующие четыре этапа и предположили, что сегодняшний период характеризуется выходом израильско-китайских отношений на уровень «всеобъемлющего инновационного сотрудничества», в котором основную роль играет сотрудничество в экономической сфере, а также в сфере высоких технологий (с. 182).

Ценным представляется раздел об отношениях Индии и Израиля в военной сфере (с. 51). России крайне важно понимать индийско-израильский вектор военного сотрудничества ввиду плотного российско-индийского взаимодействия по части оборонной промышленности особенно в контексте того, что самым крупным поставщиком вооружений для Индии является Российская Федерация. В связи с этим авторы ставят перед собой вопрос: является ли Израиль конкурентом России, и по какой причине Индия стала закупать некоторые вооружения именно у Израиля, а не у России (с. 64)? А.А. Микаелян и В.М. Морозов справедливо объясняют это такими факторами, как распад СССР и потеря доверия, интенсификация отношений России и Китая и требования российской стороны о вложении крупной суммы в 1,2 млрд долл. для завершения соглашения по модернизации авианосца «Викрамадитья». Об активном сотрудничестве России и Китая как негативном факторе российско-индийского взаимодействия в этой же сфере говорят и другие современные исследователи. Так, Раджорши Рой в недавно опубликованной статье утверждает, что «если раньше Индия была единственным в своём регионе импортёром современных российских военных технологий, что давало ей качественное преимущество перед конкурентами, то сегодня Россия поставляет вооружения также и Китаю» (Рой 2023). Это одна из

причин, по которой, по его мнению, индийско-российское партнёрство в оборонной сфере сейчас проходит важнейшее испытание на прочность (Рой 2023). Рецензируемая книга содержит данные, проливающие свет на двустороннее военно-техническое сотрудничество: даётся указание на модели вооружений, суммы контрактов и т. д. По нашему мнению, данный раздел книги стал бы ещё более авторитетным, если бы авторы подробнее рассказали о деятельности Управления международного оборонного сотрудничества Министерства обороны Израиля SIBAT на территории Индии, которое активно продвигает продажу индийцам электроники, беспилотников, боеприпасов.

Большое влияние на политику Израиля в Азии имел фактор арабских стран и возможность их негативной реакции в случае сближения с Индией и КНР в период до 1990-х гг. (Микаелян 2021). В этой связи особый интерес представляет глава монографии, повествующая о параллельной или неофициальной дипломатии Израиля. Авторы предприняли попытку рассмотреть модель дипломатии, которая использовалась руководством Израиля для нормализации отношений с Нью-Дели и Пекином. В частности, авторы отметили, что сама модель состоит из трёх составляющих (сотрудничество и помощь в военной сфере; участие частных лиц в продвижении интересов Израиля и участие израильских политиков, дипломатов и НПО), которые синхронно использовались в целях развития контактов с КНР и Индией (с. 160).

Среди многочисленных преимуществ работы стоит отметить не только большой объём использованной научной литературы на русском, английском, арабском языках, а также на языке иврит, но и достаточное количество источников, в частности, рассекреченных израильских дипломатических депеш, позволяющих получить лучшее понимание израильско-китайских и израильско-индийских отношений. Авторами также активно использовались материалы израильских, индийских, китайских, а также международных НПО и исследовательских центров, которые анализировали тему исследования, среди данных центров The Institute for National Security Studies (INSS), The Begin–Sadat Center for Strategic Studies (BESA), RAND (RAND Corporation), Российский совет по международным делам (РСМД) и т. д.

Ценность предлагаемых автором методических подходов и практических рекомендаций состоит в использовании единой методологической базы, обеспечивающей объективность и последовательность изложения и анализа собранного материала, позволивший комплексно рассмотреть проблематику настоящей монографии.

Однако несмотря на вышеуказанные бесспорные достоинства книги, автор рецензии обращает внимание на следующее. Одной из задач труда, намеченной авторами, было проведение комплексного исследования израильско-китайских и израильско-индийских отношений. Действительно, в работе в деталях рассмотрены история развития отношений, сотрудничество в экономической, политической сферах, военно-техническое сотрудничество, а также роль третьих

стран. В то же время видится, что если задача состоит в комплексном анализе, то стоило бы обратить большее внимание на сотрудничество Израиля с КНР и Индией в научной сфере. Справедливости ради, эта форма сотрудничества действительно упоминается в исследовании в главе о неофициальной дипломатии, но не детально, как хотелось бы увидеть. Между тем сотрудничество в академической и научной сфере имеет свою роль как в израильско-китайских, так и в израильско-индийских отношениях. Например, в 2015 г. в Совет высшего образования Израиля подписал соглашение с Министерством образования КНР о сотрудничестве, согласно которому китайские студенты могли бы обучаться в Израиле, а также создавался новый формат научно-исследовательского сотрудничества между семью израильскими и китайскими университетами «7+7». В этом формате участие принимают ведущие китайские и израильские вузы, в частности Университет Цинхуа, Пекинский университет, Нанкинский университет, Университет им. Бар-Илана, Университет им. Бен-Гуриона, Еврейский университет в Иерусалиме, Технион – Израильский технологический институт, Тель-Авивский университет и другие². Индия также сотрудничает с Израилем в научно-исследовательской сфере. Согласно данным посольства Индии в Израиле, Нью-Дели открыл так называемый «индийский уголок» в четырёх ведущих израильских университетах, в которых предоставляются материалы для изучения Индии. Кроме того, примерно 900 граждан Индии обучаются в вузах Израиля, при этом большинство учатся в докторантуре. Более того, Израиль участвует в двух программах правительства Индии по укреплению международных академических связей³.

Исследование также затрагивает деятельность Агентства по международному сотрудничеству в целях развития при МИД Израиля (МАШАВ). Однако авторы акцентировали всё своё внимание на его деятельности исключительно в Индии, что можно заметить в разделе о дипломатических и политических контактах и разделе, посвящённом торгово-экономическим отношениям Израиля и Индии. Однако МАШАВ также функционирует в КНР, занимаясь продвижением совместных израильско-китайских проектов. В частности, по линии агентства в 1993 г. при участии Ш. Переса был создан Израильско-китайский сельскохозяйственный международный центр подготовки при Китайском сельскохозяйственном университете. Агентство также учредило ряд демонстрационных центров и ферм в Синьцзян-Уйгурском автономном районе и Пекине для практической демонстрации эффективности израильских высоких технологий в сельскохозяйственной сфере⁴.

² China and Israel Promote Cooperation in Higher Education. *Council for Higher Education*. URL: <https://che.org.il/en/china-and-israel-promote-cooperation-in-higher-education/> (accessed 18.04.2024)

³ India-Israel Academic and Research Cooperation. *Embassy of India*. 2022. URL: <https://www.indembassyisrael.gov.in/pages?id=mep2b&subid=PdRqb> (accessed 18.04.2024)

⁴ MASHAV Projects in China. *Embassy of Israel in China*. URL: https://embassies.gov.il/beijing-en/mashav/Documents/MASHAV_Projects_in_China.docx (accessed 18.04.2024)

Как представляется, в тексте монографии перед главами следовало бы включить преамбулы. Их наличие позволило бы авторам задавать дальнейший тон дискурсу и теме, рассматриваемой в соответствующей главе. В этом же контексте, несмотря на наличие в самом тексте исследования, кажется приемлемым отдельное выделение и подчёркивание выводов по главам, которые бы подводили итог анализа рассматриваемой в главе темы. Также текст исследования не лишён повторения. Так, например тезис о неофициальной ВТС КНР и Израиля упоминается в разделе, посвящённом развитию дипломатических связей между странами. Потом данная тема снова затрагивается в разделе о военно-техническом сотрудничестве и в главе, посвящённой неофициальной дипломатии Израиля. В то же время каждое последующее упоминание отличается детальностью разбора в соответствии с тематикой раздела, например, в разделе о ВТС больший акцент – на технических вопросах, а в главе о неофициальной дипломатии внимание сфокусировано на том, как и каким образом осуществлялись неофициальные поставки оружия. По этой причине, с другой стороны, повторение тезисов можно интерпретировать как намеренное желание авторов акцентировать внимание читателей на их важности.

Учитывая заявленный комплексный характер анализа израильско-китайских и израильско-индийских отношений, уместным кажется упоминание темы сотрудничества Израиля с КНР и Индией в туристической сфере, которая, к сожалению, не рассмотрена в тексте исследования, в то время как в 2017 г. Израиль посетили 60,000 граждан Индии, а в 2019 г. – 150,000 граждан КНР^{5, 6}.

Однако наличие указанных выше замечаний не снижает крайне положительного впечатления от исследования, его качества, научной ценности и значимости, поскольку не затрагивают концептуальные основы работы. Рецензируемая монография даёт читателям ценную информацию о развитии отношений Израиля с КНР и Индией. Исследование предоставляет целостную картину пути, который прошли израильско-китайские и израильско-индийские отношения, при этом, что немаловажно, не фокусируясь исключительно на двустороннем треке, учитывая влияние третьих стран, глобальных и региональных факторов. Монография может быть полезной как для представителей научно-экспертного сообщества, так и для широкой аудитории интересующейся историей международных отношений.

⁵ Why Israel Is Becoming the Destination of Choice Among Indian Tourists. *Haaretz*. 2018. URL: <https://www.haaretz.com/israel-news/2018-08-05/ty-article/.premium/why-israel-is-becoming-the-destination-of-choice-among-indian-tourists/0000017f-e858-dc7e-adff-f8fd5f8e0000> (accessed 18.04.2024)

⁶ Israel – China direct Flights to Return for First Time since COVID-19 Pandemic. *The Jerusalem Post*. 2022. URL: <https://www.jpost.com/business-and-innovation/all-news/article-715310> (accessed 18.04.2024)

Об авторе:

Екатерина Олеговна Шебалина – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра европейских исследований ИМИ МГИМО МИД России, доцент кафедры романских языков МГИМО МИД России. 119454, Москва, проспект Вернадского, 76. E-mail: shebalina.e.o@my.mgimo.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Рецензия подготовлена при финансовой поддержке ИМИ МГИМО, проект № 2024-04-02.

UDC: 327(497)

Received: December 10, 2023

Accepted: February 25, 2024

Is East Turning to the East?

 E.O. Shebalina

[DOI 10.24833/2071-8160-2024-2-95-160-167](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-2-95-160-167)

MGIMO University

Book Review: A.A. Mikaelyan, V.M. Morozov. 2023. *The Evolution of Israeli-Chinese and Israeli-Indian Relations*. Moscow: MGIMO-University. 213 p.

Key words: Israeli-Indian relations, Israeli-Chinese relations, informal diplomacy

About the author:

Ekaterina O. Shebalina – Doctor of Science (History), Institute of International Studies, research fellow; Department of romance languages, Associate professor.
E-mail: shebalina.e.o@my.mgimo.ru

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

Acknowledgements:

The book review was prepared with the financial support of The Institute for International Studies MGIMO, project №2024-04-02.

References:

The Middle East. Politics and Identity. 2022. I.D. Zvyagelskaya (ed.) National Research Institute of World Economy and International Relations named after E.M. Primakov of the Russian Academy of Sciences. 389 p. URL: <https://www.imemo.ru/files/File/en/publ/2022/MIDDLE-EAST-POLITICS-Zvyagelskaya.pdf> DOI: 10.20542/978-5-9535-0602-1

Morozov V.M., Simons G. 2020. *Russia's Public Diplomacy in the Middle East. Russia's Public Diplomacy: Evolution and Practice*. London: Palgrave Macmillan Ltd.

Roy R. 2023. India-Russia Defense Partnership: New Challenges and Future Prospects. *MGIMO Review of International Relations*. 16(2). P. 120–141. DOI: 10.24833/2071-8160-2023-2-89-120-141

Mikaelyan A.A. 2021. Osobennosti izrail'skoj diplomatii v Azii [Features of Israeli Diplomacy in Asia]. *Bulletin of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. Russia and the world*. 2(28). P. 180–194. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Ближний Восток: политика и идентичность. 2020. Под ред. И.Д. Звягельской. ИМЭ-МО РАН. Москва: Изд-во «Аспект Пресс». 336 с.

Микаелян А.А. 2021. Особенности израильской дипломатии в Азии. *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир*. 2(28). P. 180–194.

Белокреницкий В.Я., Лунёв С.И. 2010. Восток периода деколонизации. *Сравнительная политика*. 1(2). С. 31–43.